

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сборник материалов
международной конференции
(23 апреля 2021 г., Орск)

Москва
2021

УДК 94 (063)
ББК 63.3(0)
Р76

Редколлегия:

Шебалин Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социально-гуманитарных наук Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ.

Коробецкий Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ.

Трофимова Галина Петровна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ.

Р76 **Россия, Европа и Азия в контексте историко-культурного взаимодействия** : сборник материалов международной конференции (23 апреля 2021 г., Орск) / Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет»; редкол.: И.А. Шебалин, И.А. Коробецкий, Г.П. Трофимова. — Знание-М : Москва, 2021. — 152 с.

ISBN 978-5-00187-031-9

УДК 94 (063)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00187-031-9

© Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, 2021
© Издательство «Знание-М», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

HISTORY OF DEPARTMENTS OF FACULTY OF PHYSICS AND MATHEMATICS OF AKTOBE PEDAGOGICAL INSTITUTE (1966–1992 YEARS) Begimbayeva Z., Gubaydullina M., Balgarai B.	6
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЦЕННОСТНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ Алимова Л.Б.	12
ДНЕВНИКИ А.Н. КУРОПАТКИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО СРЕДНЕАЗИАТСКОМУ ВОССТАНИЮ 1916 ГОДА Вовк И.В.	17
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — 80-ГОДЫ XX ВВ.) Данинов А.Т., Бегимбаева Ж.С.	22
ПРОДОЛЖЕНИЕ КОНФЛИКТА ИЛИ ОСТОРОЖНЫЕ ПОДСТУПЫ К НОРМАЛИЗАЦИИ? ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ В КНР И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА 1980-Х ГГ. ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Дорожкин А.Г.	29
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТАТУСНОЙ ПАРАДИГМЫ ПОНЯТИЯ «МИГРАНТ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ Ельникова С.И.	37
СВОЕОБРАЗИЕ ТЕМЫ ВОСТОКА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК» Иванова Е.Р.	45

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОРСКОГО МЯСОКОМБИНАТА Кожухова Л.Р.	50
ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1941–1945 ГГ. Коробецкий И.А.	53
КАРАБАХСКИЙ ВОПРОС В АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Коробецкий И.А., Рстакян С.Е.	59
РУССКОЕ ИСКУССТВО НАЧАЛА XX ВЕКА Мельникова М.С.	64
ПРОБЛЕМА СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА В 1920–1930-Е ГГ. Мозговая О.С.	69
СОВЕТСКОЕ ВНЕШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПОСТРЕВОЛЮЦИОННАЯ НОВАЦИЯ И ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА Мусафиров М.К.	73
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. В СИБИРИ КАК ФОРМА НОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА Попов Е.В.	79
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ В ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО ПО РЕФОРМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1802 ГОДА Сайгафаров Р. Г.	87
МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ СССР, СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Сухолитко О.А.	93

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО Тонковидова А.В.	98
РОССИЯ И ЕВРОПА: ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ Трофимова Г.П., Лыков А.А.	103
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В XVII ВЕКЕ Угольков И.А.	109
ПЬЕСА А.М. ГОРЬКОГО «МЕЩАНЕ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г.А. ТОВСТОНОГОВА Флоря А.В.	116
ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (XVIII–XX ВЕКА) Хибина З.Н.	125
СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ Хуан Доду	135
ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ. Шебалин И.А., Шебалин И.И.	141
МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ — ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Янь Сюэвэй	146

HISTORY OF DEPARTMENTS OF FACULTY OF PHYSICS
AND MATHEMATICS OF AKTOBE PEDAGOGICAL INSTITUTE
(1966–1992 YEARS)

Begimbayeva Zhibek Saginbayevna

*Candidate of Sc. History, Associate Professor,
Aktobe Regional University named after K. Zhubanov,
Aktobe, Republic of Kazakhstan*

Gubaydullina Moldir Aibolatkyzy

*4th year student of the specialty "History",
Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Aktobe,
Republic of Kazakhstan*

Balgarai Bakyt Tanabergenuly

*4th year student of the specialty "History",
Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, Aktobe,
Republic of Kazakhstan*

Аннотация. С момента открытия Актюбинского педагогического института, оптимизируя качество образования студентов, в статье рассматривается история создания физико-математического факультета, время открытия кафедр факультета, изменения названий кафедр и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава факультета. Учитывая, что система образования является наиболее сложной ответственной отраслью, использование новых возможностей обучения позволяет улучшить процессы усвоения и закрепления знаний студентов.

Ключевые слова: физико-математический факультет, профессорско-преподавательский состав, информационные технологии, цифровизация системы образования, архивные данные.

Keywords: physics and mathematics faculty, teaching staff, information technologies, digitalization of the education system, archival data.

Knowledge is a continuous process. It is important to understand the knowledge of the XXI century as the development of human interests, its own

development. This is the ability of each person to creatively transform himself, critically evaluate himself from the point of view of social requirements, and participate in the transformation of the environment. Through knowledge, a person's intellectual and spiritual strength increases and his personality is formed. However, we should always take into account that the education system is a very complex and responsible area, and mistakes in its reform can harm the fate of several generations, the independence and security of the state and nation, and therefore it is dangerous and risky to make drastic changes in the entire education system in a short period of time to improve the effectiveness and quality of education. The use of new information technologies in education allows us to optimize the processes of assimilation and consolidation of knowledge. The main concept in the educational strategy of the Republic of Kazakhstan is the development of a national model of education.

The main goal of the national model of education is the recognition and formation of a person as the most basic value, paying special attention to his place and role in society, social status, cultural and spiritual development, thereby creating conditions for the development of his spiritual soul, the formation of socio-political views, creative freedom and activity, social culture, professional skills. Thus, the future specialist must be a qualified and educated person, first of all, spiritually mature, strong national mentality, well-developed social culture, a high sense of responsibility to the people and the nation. Therefore, it is not enough to treat today's student only as a specialist. In this regard, it was planned to open the necessary professional educational institutions in accordance with the requirements of the time.

In the prosperous Aktobe region, a new Pedagogical Institute has been opened, which aims to improve the quality of education for students and train future specialists. The history of Aktobe Pedagogical Institute dates back to the 1966-1967 academic year.

When the Aktobe Pedagogical Institute was opened in 1966, there were 1 faculty, 5 departments, and 23 teachers. The first department of higher mathematics and physics was founded in 1966, the first head of which was the vice-rector of the institute Tulegenov Myrzagali Otarovich, as well as P. Shibaev, R. Misonzhik, V. Gebel, Zh. Sartabanov, Zh. Mardenov contributed to the growth of the department. There were no physical disciplines in the 1st year of the Faculty of Physics and Mathematics. In the first year, a teacher of physics V.Gebel conducted seminar classes on mathematical analysis in the Russian

departments. In 1970, for the first time, 15 graduates received a diploma of a mathematics [1, 112 p.].

The following year, in 1967, the Department of Physics was separated and the foundations of its first laboratory were laid by V.Gebel, B.Nurzhanov, A.Otarov and others. They were engaged in the organization of the educational process, the acquisition of equipment and devices for the laboratory, their installation, testing and preparation for use in the classroom. Viktor Mikhailovich Gebel, who previously worked at the Kyzylorda Pedagogical Institute, was appointed head of the Department [2, 54p.].

The Department of Higher Mathematics was founded in 1968. This department was renamed the Department of Mathematical Analysis in 1974. In 1968, the Department of Elementary Mathematics was separated from the Department of Higher Mathematics. It has been called the Department of methods of teaching algebra and mathematics since 1988. The first head of the department was Shibayev Petr Yakovlevich. From year to year, as the institute grew, the scope of work of the departments expanded, and their names changed in accordance with the industry in which the department was engaged. The Department of algebra and methods of teaching mathematics became the Department of Algebra and differential equations in 1997 and was later renamed the Department of Higher Mathematics and differential equations. In different years, these departments were headed by R.Misonzhnik, Zh.Sartabanov, Zh.Tasmambetov, M.Akhmetov, Tazhimuratov, K.Kenzhebeyev, D.Khan, K.Zhubayev, Y.Vedel, T.Sheriyazdan, Zh.Kaidasov [3, 138 p.].

Due to the increase in the number of students at the Faculty of physics and mathematics and, accordingly, the volume of its hours in the disciplines of the Department, two departments were organized on the basis of the department in the 1970-1971 academic year. The first head of the department was the candidate of pedagogical sciences A.Sergeev, the head of the second department was the candidate of pedagogical sciences A. Zheltova, who later headed the department for ten years. These departments were reunited in 1995 [3, 140 p.].

In 1971, V. Goncharova, B. Izbasarov, L. Zel were accepted as teachers at the Department of higher mathematics. In June 1972, Senior Lecturer R. Misonzhnik was appointed head of the Department of higher mathematics. In 1974, Zh. Sartabanov, in 1975, Zh.Tasmambetov defended their dissertations for the academic degree of physics and mathematics. In September 1974, the Department of "Higher mathematics" was renamed into the Department of "Mathematical

analysis”. In 1975, Zh.Sartabanov, candidate of physical and mathematical sciences, was elected as the head of the Department of “Mathematical analysis”. In the following years, the department was headed by Zh. Tasmambetov, M. Akhmetov, Zh. Sartabanov [2, 37p.].

From year to year, the institute grew, the scope of work of the departments expanded, and their names were changed in accordance with the industry in which the department was engaged. In 1967-1968, S. Uteniyazov, B. Nurzhanov, K.Tskhai, K.Felasova, B. Belesov and others who worked in various institutions of the national education system of the Republic were accepted to the Department. For example, S. Uteniyazov (Ural Pedagogical Institute, 1961) was the director of the city station of young technicians, K. Felosova was a graduate of the Moscow State University named after V. Lomonosov, she worked as an engineer in the management of BatysKazEnergo. During these years, the Ministry of Higher and Secondary Education of the Republic of Kazakhstan sent to Aktobe graduates of Kazakh State University named after S. Kirov. Among them were V. Tretyakov, A. Sapargaliev, I. Spivak-Lavrov and others.

Until the end of the 1960s, the Department of Physics did not have a single teacher with an academic degree, Candidate of Pedagogical Sciences A. Zheltova who defended his dissertation on the methodology of teaching physics in Kyrgyzstan was hired in 1969. In 1970, the department was replenished by another candidate of Pedagogical Sciences, A. Sergeev.

In 1970-1971, the management of the Aktobe Pedagogical Institute annually sent teachers of the above-mentioned Department for internships and postgraduate studies to leading research centers. For example, G. Doskeev, A. Sapargaliev, I. Spivak-Lavrov, P. Karpov were sent to the Kazakh State University named after S. Kirov. All of them completed further scientific research of their PhD thesis and formed the scientific potential of the Institute.

The first teacher at the Department of general and Theoretical Physics was A. Sapargaliyev, who became a candidate of the Department of physics and mathematics. Then he defended his doctoral dissertation on nuclear physics and became a professor at the Al-Farabi Kazakh National University. The Department of general and theoretical physics has been one of the most qualified departments in terms of teaching staff for 11 years, 8 of the 12 teachers were candidates of science. The Department of general and «Theoretical Physics» was headed by V. Tretyakov (1985-1989), K. Shunkeev (1992-1994 years and 1999-2000

years), I.Spivak-Lavrov (1994-1995 years and 2003-2011 years), docent of the Department “Methods of teaching physics and technical means of teaching” A. Otarov (1983-1990), docent O.Nurmanov (1990-1995 years and 1997-1999 years) [2, 54p.].

The Department of Computer Science and computing was separated from the Department of mathematical analysis in 1989. Its first head was Zh.Tasmambetov. In 1990-1992, it was headed by Zh.Sartabanov and B. Izbasarov. The current head of the department is Zh. Shukurov. At the faculty there is a postgraduate course in “Theory of Differential Equations” and “Solid State Physics”. There is a research laboratory for ionic crystals and physics. Teachers of the faculty are engaged in the theory of differential equations, Ionic crystal physics, molecular spectroscopy, methods of teaching physics in universities and schools [4, 5 p.].

In short, new information technologies of teaching tend to form individual subject knowledge in the individual. There fore, it is important to use these opportunities in the educational process in the future. Currently, radical changes are being made in the field of education around issues that are not ignored by every member of society. There is no doubt that the implementation of reforms based on spirituality and morality, in accordance with the principles of democracy and humanism, providing a new quality of education will promote the development of society. When the new pedagogical institute was opened in 1966, there were no teachers with academic degrees. Gradually, the number of teachers increased, new departments were opened, and our institute began to prosper. First, the foundation of the Department of higher mathematics and physics was laid, and then it was divided into two departments. From year to year, as the institute grew, the scope of work of the departments expanded, and their names changed depending on the industry in which the department was engaged.

References

1. Aktobe Regional State University named after K. Zhubanov. Faculty of Physics and Mathematics, 50 years. Historical data of educational education in the Aktobe region and a collection of memoirs of teachers of the faculty K. Kenzhebayev, Zh. Sartabanov, K. Niyazmagambetov. — Aktobe, 2016. — 226 pages.

2. Niyazbaev KA At the height of reason. — Shymkent: Zhebe Publishing House, 2016. — 252 pages
3. 85 years of Aktobe Regional University named after K. Zhubanov.-Aktobe Publishing House «Zhubanov University», 2020. — 258 pages.
4. Aktobe University named after K. Zhubanov. — Aktobe Publishing House «Zhubanov University», 1996. — 33page.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЦЕННОСТНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Алимова Л.Б.

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова», г. Москва*

Аннотация. Статья посвящена процессу эволюции представлений о декоративном искусстве в современном обществе под воздействием процессов глобализации.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, глобализация.

Keywords: decorative and applied art, globalization.

По отношению к декоративно-прикладному искусству в современном мире наблюдается достаточно парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, оно по-прежнему признается общечеловеческим достоянием, с другой, снижается потребительский интерес к прикладным изделиям, падает их художественная и духовно-идейная ценность. Сама дефиниция декоративно-прикладного искусства как бы «размывается» под давлением новых явлений в культуре, таких как искусство поп-арта, инсталляции, создание художественных произведений из обычных вещей окружающей действительности, включая даже материальные отходы. Декоративно-прикладное искусство в эпоху мультикультурализма, с одной стороны, обогащается новым опытом, техниками и даже содержанием, с другой стороны, испытывает противоречивое воздействие культурного конформизма.

Определение декоративно-прикладного искусства до конца прошлого века вызывало дискуссии теоретиков, несмотря на очевидную простоту предмета. Многих не устраивало понимание этого вида творчества только как изготовления утилитарно-бытовых изделий, украшенных художественным декором [8, 10], ставилось под сомнение и то, что декоративное творчество вообще является искусством, многие исследователи

декоративно-прикладное искусство связывали исключительно с народными художественными промыслами [2; 5; 7]. По нашему мнению, декоративно-прикладное искусство отличается двойственной природой в широком смысле, как творчество или форма художественного освоения человеком той части окружающей действительности, которая называется предметным миром, и, как деятельность по созданию этого самого мира или как художественное производство [1, 4-5]. В этом смысле декоративно-прикладное творчество не может утратить своего значения для современного человечества, но социально-политические и культурно-исторические изменения, безусловно, повлияли на ценностный и культурный потенциал декоративно-прикладного искусства.

Ключевой признак, определяющий сущность и специфику художественного производства, — изготовление особого продукта, представляющего собой произведение декоративно-прикладного искусства. Это может быть как изделие народного творчества, так и продукт, созданный под влиянием городской или другой субкультуры, главное это должен быть продукт с признанными художественными достоинствами, не противоречащими его утилитарному назначению [1, 4].

Критерии произведения декоративно-прикладного искусства во второй половине XX века были выработаны выдающимся отечественным философом М.С. Каганом [6]. Среди них основными названы — гармоничное соединение утилитарной и художественно-эстетических функций в предмете, причем первая может быть как очевидной, реальной, так и иллюзорной, символической, как в ювелирных изделиях. Второй критерий — это создание художественного образа в произведении декоративно-прикладного искусства архитектурным способом, поскольку изобразительно решенный утилитарный предмет обязан полностью подчиняться конструктивной логике своего строения, «обусловленной практическим назначением, свойствами материала, технологией его обработки» [6, 19]. М.С. Каган задался вопросом, что превращает созданный для удовлетворения практических нужд человека предмет в произведение искусства и обнаружил, что единственной эстетической ценностью в таком предмете является его красота, которую создает виртуозное мастерство.

Следует отметить, что среди других имманентно присущих декоративно-прикладному искусству признаков, всегда отмечалось его вневременное существование, общечеловеческие свойства, которые позволяли соединить

национальные и наднациональные черты, а также традиционный характер. Все это, вместе взятое, делало произведения декоративно-прикладного искусства близкими и понятными современному человеку. Однако в условиях глобализации, в постиндустриальном обществе мы стали иметь дело с новым пониманием красоты. Изменилось и отношение к традиции в пространстве нашего мира, пространстве урбанистическом, архитектурном и кибернетическом.

Красота повседневного предмета в представлении современного человека, это уже не столько изысканная рафинированная декоративность, сколько эргономичность и эстетика техницизма, дизайнерски сконструированные и разработанные предметы. На судьбу декоративно-прикладного искусства повлияло и иное восприятие пространства и времени.

Глобальный мир отличается более широкой свободой передвижения, мгновенным обменом и распространением информации, что освобождает человека от территориальных ограничений, придает экстерриториальный характер художественным идеям. Растущее взаимное влияние культур освобождает прикладное творчество от тесной привязки к определенной территории его бытования, выводит на первый план наднациональную составляющую декоративно-прикладного искусства, его универсальные черты. Глобализация потребовала формирования новых стилей и идейно-тематического содержания, использования современных синтетических материалов, что, на первый взгляд, противоречит природе декоративно-прикладного творчества.

Однако, на самом деле, в современном мире у него появляются новые функции и смыслы. Как отмечал британский социолог Зигмунд Бауман, освобождение от территориальных ограничений заметно влияет на самоопределение общества, лишая территорию проживания человека способности наделять его особой идентичностью [3, 32]. В результате формируется свобода смысло-творчества для художников, имеющих возможность менять местожительства.

Декоративно-прикладное искусство всегда служило не только целям украшения среды обитания человека, идейно-образное его содержание, внутренняя символика орнамента и сюжетов способствовали также решению задач самоидентификации, как отдельных людей, так и целых социальных групп. Современный дизайн жилых интерьеров классический, рустикальный или с элементами этники, несомненно, является одним

из способов идентификации себя человеком XXI века посредством предметов декоративно-прикладного искусства в условиях глобального мира.

Глобализация меняет представления о культурном своеобразии и экономической самодостаточности отдельных обществ и даже государств. Надгосударственная экономическая интеграция не всегда благоприятствует хозяйственному развитию малых и средних муниципальных образований, особенно в местностях, где все еще преобладает агрокультура. Поскольку декоративно-прикладное творчество является формой художественного производства, оно способно минимизировать негативные последствия этих процессов, развивая местную художественную промышленность. В глобальном мире, где господствуют технологии бестелесного, капиталы создаются и множатся в виртуальном пространстве, производство декоративных изделий способно составить этому разумную альтернативу. Однако сразу напрашивается вопрос о существовании потребности в таком производстве в современном обществе.

Декоративно-прикладное искусство выросло из нижнего фольклорного пласта духовной культуры, а в XIX веке было признано необходимой составляющей собственно художественной деятельности. Директор Строгановского училища технического рисования В. Бутовский в 1870 году писал о сближении искусства с промышленностью под влиянием всемирных промышленных выставок, в частности, Лондонской выставки 1851 года. Он отметил, что наибольшего успеха и внимания публики добились изделия, в которых утилитарное начало было соединено с художественной отделкой: «С самого начала этих всемирных конкурсов вопрос о соотношении между промышленностью и искусством поставлен в его настоящем свете и повсюду родилось убеждение в необходимости содействовать их более тесному сочетанию» [4, 12]. Декорированный утилитарный предмет для общества рубежа XIX и начала XX веков приобрел самостоятельное идейно-художественное содержание, бытовая вещь превратилась в произведение декоративно-прикладного искусства, служащее для выражения индивидуальных характеристик и своего создателя, и своего потребителя. Подобное значение произведения прикладного искусства сохранили практически на протяжении всего XX века, невзирая на его коммерциализацию и влияние массовой культуры.

Глобализация изменила характер потребления произведений прикладного искусства, которые трансформировались в культурный товар. Для того

чтобы конкурировать на этом рынке, декоративные изделия должны сохранять свое этнокультурное своеобразие и развивать тенденции универсализации, использовать новые материалы, усваивать новые формы и современный художественный язык. При этом противопоставление всеобщей унификации материальных и духовных потребностей своеобразия изделий ручного, индивидуально-особенного труда, сохранение их красоты и неповторимости национальных и местных художественных традиций остается главным условием бытования декоративно-прикладного искусства в современном обществе, позволяющем использовать его в формировании человека как представителя своего этноса в мультикультурном мире.

Список литературы

1. Алимова Л.Б. Законы о роскоши в императорской России : монография. — Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. — 196 с.
2. Аронов В.Р. Художник и предметное творчество. Проблемы взаимодействия материальной и художественной культуры XX века. — М., 1987
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М., 2004. 4. Бутовский В.И. О приложении эстетического образования к промышленности в Европе и в России в особенности. — СПб., 1870.
5. Василенко В.М., Ильин М.А., Балдина О.Д. Русское советское народное искусство и художественная промышленность. — М., 1980.
6. Каган М.С. О прикладном искусстве: Некоторые вопросы теории. — Л., 1961.
7. Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. Теория и практика. — М., 1983.
8. Шабалина Н.М. Основы теории декоративно-прикладного искусства. Часть 1: Теория декоративно-прикладного искусства. — Челябинск, 2011.

ДНЕВНИКИ А.Н. КУРОПАТКИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО СРЕДНЕАЗИАТСКОМУ ВОССТАНИЮ 1916 ГОДА

Вовк И.В.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии
и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет»,
Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье как важный исторический источник по Среднеазиатскому восстанию 1916 года рассматриваются дневники последнего генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина.

Ключевые слова: дневники, восстание, генерал-губернатор.

Keywords: diaries, uprising, governor general.

Дневники А.Н. Куропаткина — генерал-губернатора Туркестанского края (с 22 июля 1916 г.), являются важнейшим источником по изучению этой южной окраины Российской империи. Опубликованные в журнале «Красный архив» в 1929 году они повествуют о важных событиях в регионе, произошедших с 23 июля по 12 октября 1916 года.

Это был сложнейший период в истории Российской империи. Шла Первая мировая война, и предшествующий год показал уязвимость русской армии на фронтах, выявив многочисленные проблемы не только в стратегическом планировании, но и в организации снабжения войск и в потенциальных мобилизационных ресурсах.

Еще в августе 1915 года депутаты Государственной Думы запросили Азиатскую часть Главного штаба по вопросу о привлечении иностранного населения окраин к защите Родины. Запрос касался, в том числе и Туркестанского края, где мусульмане никогда не подлежали принудительному призыву в русскую армию.

После многочисленных обсуждений в комиссиях, администрации Туркестанского края, Военном министерстве чиновники пришли к выводу, что «коренному населению Туркестана, в частности киргизам, «чуждо понятие о России как об отечестве, которое их долг защищать. Напротив, к воинской повинности они питают непреодолимое отвращение» [1, 304].

Однако уже летом 1916 года мобилизационный потенциал Туркестанского края решено было использовать на работах по обустройству оборонительных сооружений в прифронтовой местности.

25 июня 1916 года последовало Высочайшее повеление Николая II о наборе в принудительном порядке рабочих для нужд действующей армии. В соответствии с документом, на тыловые работы в прифронтовые районы принудительно привлекалось мужское население от 19 до 43 лет Туркестанского и Степного генерал-губернаторств в количестве 250 и 140 тысяч человек соответственно [3].

Указ, а также последовавшая за ним деятельность областных военных губернаторов Туркестанского края явились поводом для восстания среднеазиатских народов, известное как Сренеазиатское восстание 1916 года.

До Туркестана А.Н. Куропаткин был главнокомандующим Северным фронтом и, по его словам, назначение на окраину империи «было совершенно неожиданным» [2, 45].

Дневниковые записи А.Н. Куропаткина структурно можно разделить на две части:

1) ранние записи, начинающиеся с 23 июля 1916 года, характеризуют общие впечатления автора о ситуации в Туркестанском крае, формирующиеся в основном со слов его собеседников в Петрограде [2, 45-50];

2) записи в дневнике, начинающиеся с 3 сентября 1916 года, связаны с пребыванием автора на посту военного генерал-губернатора края [2, 50-66].

А.Н. Куропаткина на протяжении всех дневниковых записей интересуют две основные проблемы:

- 1) причина восстания местного населения в Туркестане;
- 2) те меры, которые необходимо предпринять для того, чтобы «мятеж более не повторялся».

Одной из значимых причин восстания Куропаткин считает поспешность, с которой местные власти стремились претворить в жизнь Высочайшее повеление от 25 июня 1916 года. На основании полученной депеши из г. Мерв от некой ханши туркмен-текинцев Гульджемал А.Н. Куропаткин делает вы-

вод, что «чуть не за несколько дней до объявления (Высочайшего повеления) туземцам было приказано собраться к 15 июля для наряда на работы [2, 46]. Это могло привести к значительному недовольству местных жителей, «ибо как раз наступал период сбора хлопка». Вину за это Куропаткин возлагает на министра внутренних дел Б.В. Штюрмера, который «сделал это без запроса начальствующих лиц на местах и получения их мнения о порядке и сроках приведения высочайшей воли ...» [2, 47]. Куропаткин, обвиняя Штюрмера, пишет, что «надо было сразу собрать 600 тысяч человек, а поезда могли возить только по 7 тысяч человек». Примитивизм статистического делопроизводства автор также считает важной причиной назревания недовольства: «метриков не было, поэтому послали старшин и разных русских «статистиков» делать населению перепись» [2, 47]. В результате «население во многих местностях возмутилось, перебило свою туземную администрацию, перебило «статистиков».

Таким образом, Куропаткин первоначально делает упор на субъективных просчетах чиновников разного уровня, которые впоследствии привели к восстанию. Тем более, что далее в записях от 23 июля 1916 года автор приводит мнение генерала Покотилло, который ранее был в Туркестане и следующим образом характеризует местную власть Туркестанского края: «Власть в плохих руках. Эмиссары Германии работают вовсю. Массы пленных избалованы». И далее уже о чиновниках: «Мартсон, и. о. генерал-губернатора, развалился. Сыр-Дарьинский военный губернатор Галкин каждый день пьян. Самаркандский Лыкотин — слепой. Ферганский — Гиппиус — с гвоздем. Закаспийский — Колмаков — слаб, безволен. Семиреченский — Фольбаум лучше других. Правитель канцелярии Ефремов, который вертит все дела, очень подозрителен» [2, 47].

Таким образом, источником информации о состоянии дел в Туркестане для А.Н. Куропаткина являются по большому счету слухи, которым он придает серьезное значение.

Автор повествует также и о «случае» с военным губернатором Фергенской области генерал-лейтенантом Гиппиусом: «В Фергане ген. лейт. Гиппиус наделал чудес. Объявил, что волю государя в Ташкенте поняли неправильно, что призыв относится только до тех, кто сам пожелает итти на работы. Об этом разослал десятки тысяч воззваний к населению. Отложился от командующего войсками Ерофеева, написал ему, что его распоряжения ведут к бунту, объявил, что будет непосредственно сноситься с председателем Совета

Министров, военным министром и пр. Этого мало, Гиппиус надел халат, тюбейку, вышел в этом костюме к народу, целовал коран...» [2, 47].

По прибытии в Туркестан в августе 1916 года Куропаткин А.Н. с головой погружается в решение сложных проблем, возникших в ходе восстания «во всех основных областях» провинции. Ознакомившись на местах с положением дел, он предпринимает комплекс энергичных и эффективных мер к успокоению местного населения и успешному выполнению мобилизации [3].

Меняется общая тональность и те редкие записи, которые посвящены характеристике общей ситуации, становятся более конкретными, продуманными, опирающимися на факты. Что касается причин восстания киргизского населения, то Куропаткин А.Н. в качестве основной видит причину аграрную и она «кроется в нашей земельной политике по отношению к киргизам. Много лет подряд для образования «свободных земель» у киргиз отнимались их кочевые и, главное, зимовые стойбища. При отводе киргизам земель при переходе к оседлости закон разрешал отводить только пашни, а земли для выпаса скота и заготовки сена не отводил. В общем, выставка рабочих явилась толчком, а недовольство киргиз русским режимом росло давно» [2, 51].

Коррупция региональных чиновников, по мнению автора, — одна из важнейших причин недовольства местного населения: «Трудно себе представить, сколько было в одной Фергане и Самаркандской области взято, особенно чинами туземной администрации, взяток. Общую сумму их нельзя измерить иначе как миллионами рублей. Жалобы поступают со всех сторон. Пришлось отстранить от должностей двух военных губернаторов: Галкина и Гиппиуса, несколько уездных начальников, приставов и двух полицеймейстеров в Ташкенте и Самарканде» [2, 51].

В целом, в своих записях последний генерал-губернатор Туркестанского края поставил важные проблемы управления имперскими окраинами. Впоследствии те мысли, которые он доверил своему дневнику, были воплощены в его рапортах министру внутренних дел и лично императору Николаю II. Эти документы, в свою очередь, являются важными источниками по изучению Среднеазиатского восстания 1916 года.

Список литературы

1. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-

- 1917 г.). — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 392 с.
2. Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. — 1929. — Т. 3 (34). — С. 39-94.
 3. Папазов А.В. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в его подавлении // Вестник МГУ. Серия «История и исторические науки». 2012. — № 2. — С. 101-112.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — 80-ГОДЫ XX ВВ.)

Даинов А.Т.

*Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова,
Исторический факультет, Республика Казахстан, г. Актюбе*

Бегимбаева Ж.С.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и религиоведения
Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова
Республика Казахстан, г. Актюбе*

Аннотация. В статье характеризуется процесс формирования и развития педагогического образования и просвещения в Актюбинской области. Большое внимание уделено истории создания физико-математического факультета Актюбинского педагогического института в новейшее время.

Ключевые слова: педагогическое образование, школа, народное просвещение, училища, институт, педагоги, наука.

Keywords: pedagogical education, school, public education, colleges, institute, teachers, science.

На современном этапе развития образование в Республике Казахстан, в его неразрывной, органичной связи с наукой, становится все более мощной движущей силой экономического роста, повышения эффективности и конкурентоспособности экономики государства, что делает его одним из важнейших факторов национальной безопасности и благосостояния страны, благополучия каждого гражданина.

Обеспечение высокого качества образования и подготовки специалистов — это основная задача в области образования, которая позволит гражданам Республики Казахстан успешно конкурировать на мировых рынках труда. В связи с этим тема научного исследования истории развития педагогического образования и просвещения в Актюбинской области со второй половины XIX века по новейшее время для подрастающего поколения государства очень важна и актуальна.

Первым учебным учебным заведением в Актюбинской области стала русско-казахская школа, открытая 25 октября 1864 года в Иргизе. Казахский историк, профессор Султангалиева Г.С. отмечает, что учителем был назначен Шахмурат Кулубеков, окончивший с золотой медалью в 1857 году Казахскую школу при Оренбургской пограничной комиссии [1, 103]. Через пятнадцать лет встал вопрос об уездных русско-казахских училищ. Занятия в Иргизском 2-х классном училище начались в 1879 году в доме купца Иванова с оплатой за аренду 800 рублей [1, 104].

В начале XX века хорошая постановка учебного процесса выдвинула вопрос о преобразовании 2-х классного русско-казахского училища в 4-х классное городское училище. Мотивацией послужил тот факт, что город Иргиз в силу географического расположения удален от культурно-просветительских центров: Актюбинска, Оренбурга и Орска. В результате жители Иргиза были лишены возможности при таких расстояниях дать своим детям образование выше начального, а обучение в других городах «обременительно», поэтому естественно, что родители стремились к преобразованию училища [1, 105].

С 1880 года Тургайское областное правление стало обсуждать вопрос о строительстве двухклассного русско-казахского училища в Актюбинском уезде. Первый урок для учащихся Актюбинского двухклассного русско-казахского училища дал инспектор народных училищ Тургайской области Ибрай Алтынсарин. Первым директором и учителем Актюбинского 2-х классного училища стал выпускник Казанской учительской семинарии Арсений Андреевич Мазохин (1881-1886). Организация учебного процесса в училище в первый год проходила в очень сложных условиях: превышение контингента учащихся, недостаточное количество учебников и другие. Желающих обучаться в училище превышало запланированное число (25 учеников) и военный губернатор Тургайской области А.П.Константинович издал распоряжение о выделении дополнительных средств на содержание еще 10 учеников. В результате число учащихся в первом же году достигло 35 человек. Инспектор народных училищ Тургайской области Ибрай Алтынсарин отмечал, что только благодаря «выдающимся способностям, благонравию и старательности учителя Мазохина» неблагоприятные обстоятельства не явились препятствием к успешному началу учебных занятий [1,106].

В 1883 году завершилось строительство каменного крытого железом здания училища в городе Актюбинске. К началу 1884 года учебный процесс 2-х классного русско-казахского училища начался в новом учебном здании

Актюбинска, где начали обучение 43 учащихся, их них 14 — русских, 29 — казахов [1,107]. В учебный план училища входили такие предметы, как русский язык, арифметика, краткая география и история, методика письменных и устных переводов с казахского языка на русский и обратно, пение и гимнастика [1,109].

26 сентября 1895 года в Актюбинске было открыто русско-казахское женское училище с интернатом для 70 учащихся [1,112]. В 1907 году открылась городское четырехклассное русско-казахское училище. Директором школы стал выпускник Оренбургской учительской школы Иван Николаевич Гречкин [1,114]. Увеличение аульных школ в Актюбинском уезде вызвало острую потребность в педагогических кадрах. Учебные заведения в регионе (Оренбургская учительская школа, Казанская семинария) не могли обеспечить школы Уральской и Тургайской областей учительскими кадрами, поэтому при училище открылись двухгодичные педагогические курсы для подготовке учителей начальных школ [1,115].

В реестре событий XX века 20-30 годы занимают особое место. Это период глубоких социально-экономических преобразований, ломки прежних отношений и формирования новой политической системы. Наряду с политическими и экономическими преобразованиями шел процесс «культурной революции», ставивший главной целью ликвидацию безграмотности населения и формирование советской системы образования. В связи с этим перед советским правительством стояла задача организовать сеть школ и просветительских учреждений, так как именно учителя рассматривались в качестве главной движущей силы осуществления «культурной революции».

С целью реализации этой задачи стало принятие ряда законодательных документов: постановление ВЦИК «О единой трудовой школе» (от 16 октября 1918 года), постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР «О школах национальных меньшинств» (от 31 октября 1918 года), ставшие основой возникновения качественно новой системы народного образования в стране. Одновременно был принят декрет СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» (от 2 августа 1918 года), явившийся важной вехой на пути становления высшей школы в стране [2, 6].

Согласно этому документу двери высших учебных заведений теперь были открыты для всех граждан достигших 16 лет, было гарантировано

бесплатное обучение, снимались все национальные и сословные ограничения. Это был значительный шаг на пути ликвидации фактических преград для получения высшего образования. Становление высшей школы в Казахстане осложнялось по ряду причин. К 1917 году удельный вес грамотных в республике составлял 8,2 % (среди казахов — 2%), среди женщин — 0,5%, причем среди казашек грамотных фактически не было. К тому же нехватка высококвалифицированных педагогических кадров, затягивало создание высших учебных заведений [2, 7].

В ноябре 1922 года в городе Актюбинске открываются первые педагогические курсы. С этого времени начинается отсчет истории педагогического образования как официально зарегистрированного учебного заведения в системе народного образования Казахской АССР. В связи с увеличением контингента учащихся от 75 до 125 краткосрочные педагогические курсы были реорганизованы в 1923 году в педагогический техникум с 2-х летним сроком обучения. В 1931 году в казахском педагогическом техникуме открылось отделение с украинским языком обучения. Открытие данного отделения было обусловлено тем что, в 20-30 годы XX века украинцы являлись второй по численности после казахского населения этнической группы (18,9%) в Актюбинской области [2,10].

Гордостью Актюбинского педагогического техникума являются выпускники — академик Ахмет Жубанов, заслуженные учителя Казахстана Губайдулла Актаев, Мухтар Джангужин, отличник просвещения Казахстана, учитель — композитор Е.Тереков [2,11].

В начале 1930-х годов в Казахстане наряду с педагогическими техникумами стали функционировать учительские институты. Это было связано с реализацией постановлений СНК КазССР «О введении всеобщего обязательного 7-ми летнего обучения» (август 1931 год). На основании этого началась подготовительная работа по созданию высших педагогических учебных заведений. В середине 1930-х годов во всех регионах Казахстана стали открываться учительские институты с двухлетним сроком обучения для подготовки учителей семилетних школ.

Одним из таких учебных заведений являлся Актюбинский учительский институт — первое высшее педагогическое учебное заведение в Актюбинской области, открытое на основании Постановления Наркома просвещения Казахской ССР [2,12]. Таким образом, созданные в 30-е годы XX века учительские институты сыграли свою роль «кузницы» преподава-

тельских кадров. В их стенах были подготовлены тысячи учителей, которые затем стали мастерами педагогического труда [2,19].

В 1964-1965 годах в школах Актюбинской области не хватало дипломированных педагогов, к примеру, по предметам математики и физики — 63 учителя. В ходатайстве Актюбинского областного комитета КП Казахстана и областного Совета депутатов в Совете Министров КазССР подчеркивалось о необходимости скорейшего открытия педагогического института, так как в 1969-1970 годы потребность средних школ только в учителях математики и физики возрастает до 110 человек [2, 68]. Постановление ЦК КП Казахстана и Совета Министров КазССР от 15 апреля 1966 года об открытии педагогического института в Актюбинске открыло новую страницу в деятельности высшей педагогической школы в Актюбинской области. Первым ректором был назначен кандидат филологических наук, доцент П.С.Щетинин [3, 66].

Учебный процесс в 1966-1967 учебном году начался в составе двух факультетов: физико-математического и филологического (с русским и казахским языком обучения). Для руководства факультетами был создан единый деканат, который возглавил кандидат физико-математических наук, доцент П.Я.Шибаяев. Первый набор студентов в физико-математический факультет в 1966 году составил 100 человек на русское и казахское отделение по специальностям «Математика» и «Математика и физика». Первым деканом факультета был Мажит Тумышевич Тумышев, участник Великой Отечественной войны. У истоков формирования кафедр физико-математического факультета стояли опытные преподаватели, которые начали свою трудовую деятельность еще при Актюбинском женском учительском институте имени Н.Байганина. К ним относятся старшие преподаватели М.Т. Тумышев, Р.Ю.Мисонжник, А.И.Житников и другие. Под их непосредственным руководством была сформирована база по подготовке квалифицированных учителей математики [4, 224].

В 1968 году кафедра «Математики» была переименована в кафедру «Высшей математики», преподавательский состав которой пополнился новыми специалистами. Квалифицированный состав кафедры, введение новых учебных дисциплин позволили поставить вопрос о переименовании кафедры «Высшей математики» и выделение специального направления математической науки, а именно «Математический анализ». Почти 10 лет возглавлял кандидат физико-математических наук Жайшилык Алмагамбетович

Сартабанов. Кафедра «Физики» была организована через год после открытия института. Первым заведующим кафедрой был назначен Виктор Михайлович Гебель [4, 225].

Нужно отметить, что руководство Актюбинского педагогического института принимало значительные меры по улучшению качественного состава научно-педагогических кадров института. За первые 10 лет образования института 25 преподавателей защитили кандидатские диссертации, 20 человек окончили теоретический курс целевой аспирантуры, 18 преподавателей прошли годичную или двухгодичную стажировку, 148 человек прошли повышение квалификации в ИПК и на ФПК. В середине 1970-х годов в Актюбинском педагогическом институте были организованы новые факультеты. Причины этому явилась потребность средних школ области в учителях иностранных языков, физической культуры, химии, биологии [4, 226].

В середине 1980-х годов остро встал вопрос компьютерной грамотности населения Казахстана, поэтому во всех общеобразовательных школах был введен обязательный предмет «Основы информатики и вычислительной техники». Педагогический институт должен был соответствовать потребностям времени. На первом этапе в институте для учителей математики и физики были организованы курсы по основам преподавания нового предмета в школах. Одновременно предстояло решить вопрос подготовки учителей информатики и вычислительной техники на базе физико-математического факультета. Для лучшей организации учебно-методического процесса новой специальности руководство вуза решило создать соответствующую кафедру. И в связи этим из кафедры «Математического анализа» была выделена кафедра «Информатики и вычислительной техники» (Приказ №671 от 1.09.1989 года). Новую кафедру возглавил кандидат физико-математических наук, доцент Ж.Н. Тасмагамбетов. При формировании преподавательского состава кафедры основной упор был сделан на молодых выпускников специальности «Прикладная математика» ведущих вузов страны и лучших выпускников физико-математического факультета Актюбинского педагогического института [2, 87].

Таким образом в данной статье были раскрыты проблемы формирования и процесс развития педагогического образования и просвещения в Актюбинской области со второй половины XIX века по 80-е годы XX века. Большое внимание было уделено истории создания физико-математического факультета Актюбинского педагогического института в новейшее время.

Список литературы

1. Султангалиева Г.С. История Актюбинского уезда (1869-1917). — Актюбе, 2005. — 260с.
2. Нурышев Г.Ж., Султангалиева Г.С., Шалабаева Д.Н. История высшего педагогического образования в Актюбинской области. — Актюбе, 2006. — 178с.
3. Казахская ССР: Краткая энциклопедия. Том 3. Р.Н.Нургалиев. — Алма-Ата, 1989. — 568с.
4. Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова. Физико-математический факультет, 50 лет. Сборник исторических фактов об учебно-просветительском образовании Актюбинской области и воспоминаний преподавателей факультета. Кенжебаев К., Сартабанов Ж., Ниязмагамбетов К. — Актюбе, 2016. — 226с.

ПРОДОЛЖЕНИЕ КОНФЛИКТА ИЛИ ОСТОРОЖНЫЕ ПОДСТУПЫ К НОРМАЛИЗАЦИИ? ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ В КНР И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА 1980-Х ГГ. ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Дорожкин А. Г.

*доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»,
Челябинская обл., г. Магнитогорск*

Аннотация. В статье анализируется трактовка советской политической литературой начала 1980х гг. внутреннего положения КНР, а также состояния и возможных перспектив развития советско-китайских отношений.

Ключевые слова: СССР, Китай, советско-китайские отношения.

Keywords: USSR, China, Soviet-Chino relations.

С учетом исключительной важности исторического опыта советско-китайских отношений для современной России не лишена интереса интерпретация как советско-китайских отношений, так и внутреннего положения КНР советскими средствами информации и пропаганды на рубеже 1970х — 1980х гг. Сам этот период был «переломным» и для Советского Союза, и для Китая. В КНР, как известно, с конца 1978 г. начались грандиозные преобразования, основательно изменившие страну и приведшие к бурному ее развитию. СССР, напротив, вступил в период острого системного кризиса, неудачной попыткой выхода из которого, в конечном счете, явилась горбачевская «перестройка». Как представляется, провалу последней в немалой степени способствовало нежелание руководства страны учесть и творчески осмыслить опыт внутренних преобразований в соседнем Китае, уже успевших дать к середине предпоследнего десятилетия XX в. ощутимые результаты. Но в связи с этим небезынтересно, как оценивали и эти преобразования, и состояние двусторонних отношений в Советском Союзе

доперестроечного периода. В рамках предлагаемой статьи предполагается в связи с этим остановиться на советских интерпретациях указанных вопросов в политической литературе начала 1980х гг., т.е. на раннем этапе дэнсяопиновских реформ. При этом, естественно, необходимо помнить, что 1970е гг. отмечены были жесточайшей пропагандистской войной между СССР и КНР, крупнейшими государствами так называемого социалистического содружества, что отражалось и в целом на международных отношениях, особенно на евразийском пространстве.

К концу 1970х гг. политическое и идеологическое противостояние Москвы и Пекина, казалось, дошло до апогея. Неудивительно поэтому, что в начале следующего десятилетия в целом в полной мере сохранялась прежняя трактовка внутренней и внешней политики пекинского руководства, в котором на первый план выдвинулся Дэн Сяопин, лидер «прагматиков» в правящей коммунистической партии. При этом особенно резко в начале 1980х гг. критиковалась внешняя политика Пекина. Она решительно осуждалась за антисоветизм, гегемонизм, сотрудничество с империалистическими кругами Запада и реакционными, с точки зрения Москвы, политическими силами в странах «третьего мира». Правительству КНР инкриминировались в отечественной и переводной, написанной с просоветских позиций, политической литературе, попытки создания единого антисоветского фронта, блокирование в этих целях с силами «империализма и реакции», поиски ради достижения этих же целей собственной «пятой колонны» — как за счет зарубежных китайцев (хуацяо), так и за счет разного рода лево- и правозэкстремистских сил в различных странах. Весьма критически в целом оценивалось и внутреннее положение в КНР; победа «прагматиков» в борьбе за власть в партии и стране, развернувшейся после смерти Мао Цзэдуна, отнюдь не привела к снижению накала антимаоистской пропаганды в Советском Союзе, даже невзирая на то, что многие из победителей подверглись репрессиям в годы «культурной революции». Без особого энтузиазма встретили в СССР на рубеже 1970х — 1980х гг. и посмертную реабилитацию ряда видных партийно-государственных деятелей КНР, репрессированных в годы «культурной революции», в том числе самого Дэна и бывшего председателя КНР Лю Шаоци; в изданной уже в 1981 г. работе В.И. Лазарева «председателю Лю» вообще давалась явно негативная оценка [9, 160-163], хотя обычно в советской литературе того времени преобладали неоднозначные харак-

теристики реабилитированного главы китайского государства [3, 621-622; 12, 134, 309]; ныне же Лю подчас идеализируется и оценивается как поборник дружбы с СССР [6, 110, 114-115, 128-129, 133]. В целом же в указанный период «прагматики» во главе с Дэн Сяопином рассматривались Москвой как наиболее проимпериалистически, прозападно настроенные деятели, сторонники «блокирования с империализмом» на антисоветской основе и создания единого фронта борьбы против СССР в глобальном масштабе. Именно в таком духе истолковывалась их политика в монографии О.Б. Борисова и Б.Т. Колоскова, в переведенной позднее на русский язык книге венгерского политолога Ф. Варнаи, в труде Б.М. Пышкова и Б.С. Старостина [3, 618-630; 4, 188-200; 11, 129-171], на страницах ряда периодических и продолжающихся изданий, включая сюда и специализированный журнал «Проблемы Дальнего Востока».

Внутренняя же их политика, хотя открыто и не трактовалась как направленная на реставрацию капитализма в Китае, тем не менее, подавалась как по существу антисоциалистическая и создающая угрозу социальным завоеваниям китайского народа. В этой связи видный советский журналист-международник, китаевед М.И. Яковлев подчеркивал, что курс на создание в КНР смешанных предприятий открывает перед иностранным капиталом «широкие возможности для эксплуатации китайских трудящихся» [12, 314]. М.И. Яковлев резко отзывался о планах вывоза дешевой китайской рабочей силы за границу, проводя здесь аналогии с практикой цинских правителей XIX в. [12, 315]. Отрицательно оценивал этот автор и начавшееся открытие «свободных зон» в КНР, первая из которых уже возникла в районе Гуанчжоу [12, 314].

Весьма негативно оценивал фактически развернувшуюся с конца 1970х гг. реабилитацию в КНР капиталистического уклада и О.Б. Борисов (Рахманин, он же О. Владимиров), видный советский синолог, имевший также прямое отношение к партноменклатуре СССР — в 1968-1986 гг. он занимал пост первого заместителя заведующего отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В своей книге, предназначенной, прежде всего для партактива, лекторов и пропагандистов-международников, он заострил внимание на трудностях и издержках социального характера, деморализации значительной части населения КНР, росте настроений недовольства и разочарования [2, 355, 369]. Остановившись в последних двух главах своей книги,

вышедшей в свет в начале 1982 г., на обзоре внутреннего и международного положения КНР конца 1970х — начала 1980х гг., О.Б. Борисов акцентировал внимание на негативных сторонах первого и на прогрессирующей тенденции к блокированию с империализмом применительно ко второму аспекту [2, 345-354]. При этом автор не упрощал ситуацию и отмечал сохранение противоречий между КНР, с одной стороны, и западными державами и Японией, с другой. Прежде всего, это заметно было в американо-китайских отношениях, по-прежнему омрачаемых, в первую очередь, тайваньской проблемой [2, 349-350]. В то же время автор указывал, что критика Пекином политики «двух Китаев», фактически проводимой Вашингтоном, в большей мере является лишь политическим маневром, между тем как враждебность руководства КНР к Советскому Союзу — очевидный факт, притом здесь среди лидеров страны не наблюдается особых расхождений [2, 359-360].

Вместе с тем в советской литературе в начале 1980х гг. звучали и несколько иные нотки при рассмотрении внутренней политики дэнсяопиновского руководства, что можно было интерпретировать как выражение готовности снизить накал напряженности в двусторонних отношениях. Собственно, в зарубежной и эмигрантской советологической литературе намеки на возможность изменений к лучшему в этих отношениях усмотрели уже в зачитанном Л.И. Брежневым Отчетном докладе на XXVI съезде КПСС (февраль 1981 г.). Видный эмигрантский советолог А. Авторханов назвал даже трактовку вопроса о Китае советским лидером «двусмысленной и заискивающей», отметив отсутствие в выступлении генсека критики текущего внутреннего положения КНР и согласие с оценкой, данной «культурной революции» дэнсяопиновским руководством («феодално-фашистская диктатура»). Брежневское замечание, что «империалисты друзьями социализма не будут», советолог-эмигрант трактовал как острозаявленную заявку на возможное восстановление дружественных отношений с Пекином. А. Авторханов обратил внимание и на то, что о КНР советский лидер говорил в разделе доклада, касающемся развития мировой социалистической системы [1, 35-36]. Здесь А. Авторханов несколько преувеличил значимость данного обстоятельства — в отличие от титовской Югославии конца 1940х — начала 1950х гг., официально Китай не отлучался советским руководством от социализма. К тому же А. Авторханов не учел, что на XXVI съезде КПСС, хотя и был признан в неопределенной форме позитивный характер некоторых перемен во внутренней жизни Китая,

конкретные выводы сформулированы не были (Л.И. Брежнев ограничился лишь замечанием, что подлинный смысл этих перемен покажет время), а внешняя политика Пекина подвергнута была по-прежнему жесткой и суровой критике. Такая интерпретация «китайского вопроса» определила в значительной мере настрой советской пропаганды по нему минимум на ближайшие после съезда полтора года.

Если же говорить о советской политической литературе начала 1980х гг, то упомянутый уже М.И. Яковлев в своей книге, отчасти носящий мемуарный характер, остановился на некоторых положительных изменениях во внутренней жизни КНР. Автор отметил и соответствующие перемены в повседневной жизни населения китайской столицы — большую, по сравнению с годами «культурной революции», раскрепощенность пекинцев, отсутствие мелочных стеснений и регламентаций в вопросах быта, одежды и времяпрепровождения, некоторые новшества в подаче материала телепередач и в демонстрации документальных кинофильмов (в последнем случае М.И.Яковлев обратил внимание и на демонстрацию кадров, относящихся к советской повседневности, попутно отметив, впрочем, тенденциозность в подборе материала [12, 298]. Советский журналист вместе с тем, продолжая тематику своих публикаций в «Литературной газете» за 1980 г., указал на начавшееся в КНР переосмысление «культурной революции», ее значения и последствий, а отчасти — и роли самого Мао в истории коммунистической партии и страны в целом [12, 299-300]. О.Б. Борисов, в целом также весьма критически оценивавший положение КНР конца 1970х — начала 1980х гг., признал все же такие изменения к лучшему во внутренней жизни страны, как более регулярный созыв сессий Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), пленумов ЦК КПК и партконференций на местах, возобновление работы общественных организаций, фактически бездействовавших в годы «культурной революции», проведение прямых выборов в органы власти на уровне уездов [2, 355].

При этом, как и в публицистике конца 1970х гг., в литературе первых лет следующего десятилетия также подчеркивалась неправомерность характеристики происходящих изменений как «демаоизации» и не переоценивалась степень либерализации политического режима в стране. Те же М.И. Яковлев и О.Б. Борисов многозначительно подчеркивали укрепление репрессивно-карательных органов государства в Китае начала 1980х гг. [12, 300; 2, 365-367]. При этом отнюдь не все нововведения в КНР

приветствовались советской пропагандой. В целом положительно оценивались создание в стране более раскрепощенной атмосферы, переоценка феномена и последствий «культурной революции», реабилитация пострадавших в ходе этой политической кампании (с оговоркой в отношении деятелей, так или иначе способствовавших возвышению и укреплению Мао Цзэдуна и возвеличиванию его «идей» — в связи с этим приводился пример с Лю Шаоци). Вместе с тем, о чем уже упоминалось, радикальные преобразования в народнохозяйственной сфере, предопределившие феномен «китайского экономического чуда», оценивались скорее негативно — здесь советская пропаганда явно следовала официальным догматическим установкам и критика в большей мере носила идеологический характер, навеянный марксистской ортодоксией. Точно также М.И. Яковлев отмечал в качестве одной из сопутствующих реформам перемен большую открытость Китая Западу [12, 312-313], что в условиях тогдашнего СССР, естественно, никак не могло приветствоваться.

Нельзя не отметить, однако, что в самом начале 1980-х гг. продолжали выходить и работы, по прежнему безоговорочно бичующие как внешнюю, так и внутреннюю политику преемников Мао Цзэдуна. Наглядный пример тому — иллюстрированное издание с выразительным названием «Маоизм — угроза человечеству», в весьма резких тонах обличавшее не только политику милитаризации КНР, но и в целом политический курс и Мао, и его наследников [10]. То же самое относится и к более объемистому (также иллюстрированному) изданию «Китай: стены и люди», составителями которого выступили Гао Линвэй и Н.Н. Солнцев, авторы сценариев ряда фильмов резко антимаоистской направленности («За стеной страха», «Маоизм — трагедия Китая», «Поджигатели из Поднебесной» и др.), вышедших в 1970х гг. и не раз демонстрировавшихся по советскому телевидению. Данное издание включает в себя прямые заимствования из названных обличительных кинофильмов в виде и документальных материалов, и пояснений к ним. При этом авторы упустили из виду некоторые перестановки в персональном составе пекинского руководства: издание вышло в свет весной 1981 г., а изложение материала в нем доведено до завершения процесса над пресловутой «четверкой» наиболее одиозных приближенных покойного «председателя» (конец января 1981 г.). Тем не менее, авторы, справедливо отметив значительное укрепление позиций Дэн Сяопина и ослабление положения его соправителя и соперника Хуа Гофэна вследствие

суда над «бандой четырех», не обратили внимание на утрату Хуа в 1980 г. поста премьера Госсовета КНР. Хуа по прежнему причисляется к лидерам «нового Китая» [8, 75-79], а имя его преемника — Чжао Цзыяна, даже не упомянуто, как и имя Ху Яобана, хотя и не ставшего еще председателем ЦК КПК, но уже изрядно потеснившего положение Хуа Гофэна в КПК.

Современный исследователь Ю.М. Галенович, рассматривая состояние советско-китайских отношений в 1980х гг., указывает на отсутствие полного единства по вопросу об их нормализации в политическом руководстве КНР того времени. Жесткой, по его мнению, позиции Дэн Сяопина по данному вопросу, противостояла более умеренная точка зрения генерального секретаря (в 1981-1982 гг. — председателя) ЦК КПК Ху Яобана, а также премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна, высказывавшихся за примирение с Москвой [7, 140, 143-144]. Но в советской политической литературе 1980х гг., тем более, начала этого десятилетия, такого различия (хотя бы в форме предположения) не проводилось; О.Б. Борисов, напротив, и позднее подчеркивал единство китайских лидеров по данному вопросу [5, 317-318]. Лишь позднее, уже с 1983-1984 гг. в периодике (но не в публицистической литературе) СССР появились материалы, косвенно позволявшие предполагать, что Ху Яобан действительно занимает позицию, объективно более благожелательную по отношению к СССР.

В целом до середины 1982 г. не было оснований говорить об ослаблении накала антимаоистской пропаганды в СССР — имели место лишь довольно слабо заметные тенденции к более взвешенному и менее одностороннему освещению внутренней жизни КНР. Во многом это определялось установками XXVI съезда КПСС, на котором устами генерального секретаря ЦК была осуждена внешняя политика Пекина, но осторожно признаны определенные позитивные изменения во внутренней жизни страны. При этом, как и в брежневском выступлении на съезде, в трудах советских китаеведов начала 1980х гг. отсутствовали попытки делать внятные прогнозы на перспективу — тот же О.Б. Борисов в полном созвучии с установками высшего партийного руководства отмечал, что еще рано делать выводы о процессах, происходящих в Китае [2, 360]. Лишь в наши дни, в основательных работах Ю.М. Галеновича и других китаеведов, в т.ч. зарубежных, подробно Ю.М. Галеновичем проанализированных, предпринимаются попытки такого рода. В условиях же начала 1980х гг. подход, обозначившийся в трудах советских синологов и развивавший по сути установки высшего партруководства, в об-

шем виде сформулированные на XXVI съезде КПСС, означал все-таки определенный отход от прежней линии, предполагавшей исключительно резко критическое рассмотрение как внутреннего положения, так и внешнеполитического курса КНР. Теоретически такое изменение создавало предпосылки для «потепления» двусторонних отношений, но применительно к 1980-1981 гг. о каком-то «потеплении» говорить еще не приходится. Лишь примерно с середины 1982 г. антимаоистская кампания в Советском Союзе начала ослабевать, но данная тема заслуживает уже отдельного рассмотрения.

Источники и литература

1. Авторханов А. Дела и дни Кремля. От Андропова к Горбачеву. Paris: YMCA-PRESS. 1986. — 350 с.
2. Борисов О.Б. Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы. Политический очерк. М.: Политиздат, 1982. — 384 с.
3. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945-1980. Изд. третье, доп. М.: Мысль, 1980. — 638 с.
4. Варнаи Ф. Маоизм против мирового коммунистического движения. Пер. с венг. М.: Политиздат, 1982. — 206 с.
5. Владимиров О. Советско-китайские отношения в сороковых — восьмидесятих годах. М.: Международные отношения, 1984. — 384 с.
6. Галенович Ю.М. Китай: 40 лет спустя после Мао, 20 лет спустя после Дэна. М.: Издательский дом ВКН, 2019. — 386 с..
7. Галенович Ю.М. От Сталина и Мао до Путина и Си. М.: Издательский дом ВКН, 2020. — 416 с.
8. Гао Линвэй, Солнцев Н.Н. Китай: стены и люди. М., 1982. — 360 с.
9. Лазарев В.И. Классовая борьба в КНР. М.: Политиздат, 1981. — 318 с.
10. Маоизм — угроза человечеству. Минск: Беларусь, 1981. 80 с.
11. Пышков Б. М., Старостин Б. С. Пекин: в поисках «пятой колонны». М.: Политиздат, 1981. — 174 с.
12. Яковлев М.И. 17 лет в Китае. М.: Политиздат, 1981. — 320 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТАТУСНОЙ ПАРАДИГМЫ ПОНЯТИЯ «МИГРАНТ» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ельникова С.И.

кандидат педагогических наук, доцент,

директор Института русского языка,

Российский университет дружбы народов, г. Москва

Аннотация. Дана репрезентация содержание понятия «мигрант» российским законодательством и законодательством международного уровня. Представлена эволюция репрезентации понятия «мигрант» различными российскими лексикографическими источниками. Выделены и описаны основные классификационные критерии анализируемого понятия. Представлена статусная парадигма понятия «мигрант» на основе российского и международного законодательства и описаны категории международных мигрантов.

Ключевые слова: мигрант, понятие «мигрант», трудовой мигрант, правовой статус, статусная парадигма.

Keywords: migrant, the concept of “migrant”, labor migrant, legal status, status paradigm.

Современная социально-экономическая ситуация в мире неоднозначна и обусловлена, с одной стороны, сближением этнокультур вследствие межнациональной интеграции, что должно определять в идеале динамику позитивных межэтнических взаимодействий, с другой стороны, усилением межнациональных / межэтнических конфликтов, обусловленных существующим кризисом межнациональных / межэтнических отношений. Не потеряли своей актуальности проблемы ксенофобии и национализма. Пропагандируемые миролюбивым сообществом толерантность и политкорректность имеют постоянную оппозицию в виде агрессии по отношению к представителям иных наций и неприятия их конфессий. Очень часто, особенно в свете последних событий в Сирии и Европе, беженцы воспринимаются как маргиналы, захватчики, агрессивные оккупанты.

После распада СССР на территории России начались массовые миграции, причём в научном мире специфику взаимоотношений коренного населения с мигрантами и вынужденными переселенцами в современной России объясняют тем, «что принимающее большинство часто также представлено не одной, а несколькими нациями. В поликультурных сообществах особое значение имеет то, какую установку демонстрируют представители доминирующих национальных культур: именно она определяет и стратегию этнической идентификации, и политику межнационального взаимодействия» [4]. В современном дискурсе определился стереотип мигранта, основные составляющие которого связывают с выходцами с Кавказа или из Средней Азии. Мигранты «часто инфицированы опасными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ); не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих; плохо знают русский язык; не уважают “наши” правила поведения, обычаи и культуру; берутся за любую работу, которую не хотят выполнять коренные жители (согласие мигрантов на сверх эксплуатацию часто представляется как вытеснение русских с рынка труда и снижение уровня их зарплаты); обладают сплочённостью, образуют этнические криминальные группировки; создают острейшие социальные проблемы; осуществляют отток денег в страны СНГ, тем самым способствуя росту национальных экономик и нанося финансовый ущерб России» [12, 115-116].

Попытки закрепить понятие «мигрант» в Российской Федерации на федеральном уровне предпринимались не раз. Так, в 2004 г. Государственная Дума Российской Федерации работала над проектом ФЗ «О миграции в Российской Федерации», который представили Парламент Адыгеи — Государственный Совет-Хасэ и Законодательное Собрание Краснодарского края. В первой же статье обсуждаемого Федерального закона была предпринята попытка определить правовой статус мигранта как лица, совершающего перемещение на временное или постоянное новое место проживания. Подобное определение было не новым и ранее было зафиксировано в уже действующей Федеральной миграционной программе на 1998-2000 гг. [9]. Однако законопроект в первом чтении в Государственной Думе был отклонен, так как Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству указал на несоответствие ряда предложенных определений, в частности понятия «мигрант», как российскому, так и международному законодательству. Представленное определение понятия

«мигрант» являлось чрезмерно широким, что объясняется также невозможностью определить понятие «миграция» в связи с предположением о переселении, не зависящем от географических границ [16, 5]. В международном сообществе понятие «мигрант» не имеет единообразной семантики и термином мигрант охватывают все ситуации добровольного принятия решения о временном или постоянном перемещении на новое место проживания без влияния каких-либо внешних принудительных факторов. Использование этого термина зафиксировано международным миграционным правом в части применения ко всем, кто переезжает в другой регион или другую страну с целью улучшить свои материальные, социальные условия, а также улучшить свои жизненные перспективы и перспективы своей семьи [7, 38].

Эволюцию российской репрезентации понятия «мигрант» можно проследить с «Большой Советской энциклопедии» (1974 г.), где представлена генетическая связь понятия «мигрант» с латинским словом *migrans* — букв. «переселяющийся». Мигрант — «в широком смысле слова — все мигрирующие животные (см. Миграции животных). В узком смысле — то же, что Аллохтоны» [1, 313]. «Словарь иностранных слов» Н.Г. Комлева (2006 г.) также указывает на латинское происхождение слова мигрант (лат. *migratio* — букв. «переселение»), но указывает уже на «лицо, совершающее переселение, меняющее местожительство внутри страны или переезжающее из одной страны в другую, чаще всего из-за экономической, политической, национально-правовой нестабильности» [13, 344].

Очень часто слово мигрант заменяют такими словами, как иностранный гражданин, беженец, переселенец, эмигрант, иммигрант. Понятие «мигрант» не следует отождествлять с понятием «беженец» — «тот, кто покинул место своего проживания, спасаясь от какого-либо бедствия (войны, голода)» [6, 129], а также понятием «вынужденный переселенец» — «человек, покинувший место своего проживания вследствие совершённого против него насилия, ущемления гражданских и личных прав [14, 162]. Согласно Конвенции о статусе беженцев (1951 г.), данные лица могут преследоваться как из-за принадлежности к той или иной социальной группе, из-за своих политических взглядов и убеждений, так и по признаку вероисповедания, гражданства или расы, что обуславливает их нахождение в другой стране вне своей гражданской принадлежности. В связи с отсутствием гражданства страны своего нового пребывания беженцы не имеют возможности

пользоваться и защитой своей страны из-за определенных опасений, которые часто являются преградой возвращению на родину.

Ядро семантической структуры слов иммигрант и иммиграция, эмигрант и эмиграция имеет смысловой компонент ‘передвижение’, ‘перемещение’. Иммигрант – ‘иностранец, поселившийся в какой-нибудь стране на постоянное место жительства’ [15, 1194]; ‘тот, кто въехал в какую-нибудь страну как на постоянное, так и на временное проживание там’ [6, 856]. Эмигрант — ‘тот, кто переселился — вынужденно или добровольно — из своего отечества в другую страну’ [6, 934]. Слово мигрант в структуре значения содержит смысловой элемент статичности, что объясняется отсутствием у элементарного смысла ‘движение’ определённой направленности.

Итак, сравним:

(1) в Демографическом энциклопедическом словаре (1985 г.) слово мигрант представлено как ‘лицо, совершающее миграцию, то есть пересекающее границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время. При широкой трактовке термин «мигрант» включает также лиц, совершающих маятниковые миграции’ [3, 289];

(2) в Словаре бизнес-терминов (2001 г.) мигрант — ‘лицо, пересекающее государственные границы с целью изменения постоянного места жительства’ [13]. Национальный корпус русского языка репрезентирует слово мигрант в текстах 1990-х гг. с крайне низкой частотностью. Особенности современного бытования связаны с умеренно частым употреблением слова мигрант в начале XXI в. с последующим резким подъёмом функционирования в текстах 2009 г. Незначительное угасание частотности упоминания слова мигрант наблюдается с 2009 по 2012 г. и значительно увеличение частотности его употребления с 2012 по 2015 г. Метаатрибутивная статистика употребления слова мигрант свидетельствует о том, что сферой её бытования являются в основном публицистические тексты (62% словоформ). Большинство текстов, содержащих это слово, освещают такие тематические области, как «Политика и общественная жизнь», «Наука и технологии», «Бизнес, коммерция, экономика, финансы». Таким образом, понятие «мигрант» в современном дискурсе в основном используется для выделения лиц, которые имеют особый правовой статус, обусловленный миграционной политикой, что требует введения дополнительных классификационных критериев анализируемого понятия. Результаты анализа зарубежного опы-

та И.В. Плюгиной позволяют выделить три основных критерия для формирования статусной парадигмы понятия «мигрант»: 1) место рождения, 2) гражданство и 3) место проживания. Интересно, что критерий этнической принадлежности применяется реже. Также дополнительно выясняется цель пребывания, страна рождения родителей, а также при наличии множественности гражданства основания его приобретения [8, 109].

Многие государства (158 государств из 228) применяют при оценке количества международных мигрантов критерий места рождения [2]. Достаточно объективен и критерий страны рождения, что и не может быть изменено, однако при его применении в определенных ситуациях возможны сложности, если, к примеру, изменяются границы государства. Также нет гарантий, что иностранные граждане, которые были учтены в данной стране, должны в нее обязательно мигрировать. Это зависит от института предоставления в ней гражданства. Критерий гражданства, по словам И.В. Плюгиной, также достаточно объективный, хотя и не совсем нестабильный, в связи с возможностью изменения гражданства лица. Критерий гражданства является правовым и важен при характеристике иностранных граждан как международных мигрантов. Использование данного критерия влечет за собой дополнительное правовое регулирование статуса мигрантов, которые имеют множественное гражданство [8, 111].

Преимущество критерия места жительства в том, что он применяется для определения как международных мигрантов, так и внутренних. Именно его ООН предлагает использовать при определении статуса международного мигранта, под которым подразумевается, по трактовке ООН, любое лицо, сменившее место своего постоянного жительства [11].

Не так часто используется критерий этнической принадлежности, который, по мысли многих исследователей, имеет существенный недостаток в виде субъективности и сложности определения этнической принадлежности. Поэтому возникает вопрос о целесообразности использования этого критерия во многих многонациональных государствах, в частности в России. Так, Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 26) отмечает право определять и указывать свою национальную принадлежность. Это отнюдь не является обязанностью физического лица. Поэтому при отказе физического лица указать свою национальную принадлежность невозможно по критерию этнической принадлежности определить его в качестве мигранта. Следует отметить использование дифференцированного подхода в Российской

Федерации в аспекте решения проблем статуса мигранта различных категорий, что регламентируется утвержденной Концепцией регулирования миграционных процессов [10].

Законодательство международного уровня, представленное также документами Организации Объединенных Наций, выделяет такие основные категории международных мигрантов, как: 1) иностранные граждане, целью пребывания которых является получение образования или профессиональное обучение; 2) иностранные граждане, получившие разрешение на пребывание в стране для воссоединения или создания семьи; 3) иностранные граждане, получившие разрешение на пребывание в стране с целью работы, то есть мигранты со статусом трудящихся мигрантов. В эту категорию входят также мигранты, которые работают по контракту или выполняют конкретный проект. В Российском государстве статус временных трудящихся мигрантов можно получить соответственно квотам, утверждаемым Правительством РФ. С января 2015 г. все трудящиеся мигранты для получения патента, подтверждающего право на работу, а также родственники трудящихся мигрантов, для получения правого статуса мигранта обязаны сдать Комплексный экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации [5].

Несомненно, необходима градация краткосрочного и постоянного статуса мигрантов и необходима дифференциация объема как прав, так и обязанностей, определяющих статус мигранта в правовой парадигме. Безусловно, важным является нормативное определение категории трудящихся мигрантов, которое в российском законодательстве отсутствует. Понятийная характеристика категории трудящихся мигрантов законодательно представлена международными актами Организации Объединенных Наций, Международной организацией труда (International Labour Organization) и другими актами, утвержденными различными региональными международными организациями.

Реализация принятой в Российской Федерации Концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 г. непосредственно направлена на обеспечение национальной безопасности Российского государства, на рост благосостояния граждан РФ, на решение проблем демографии, в частности усиление численности постоянного населения страны, а также проблем в области инновационного развития экономики и нацио-

нальной инновационной системы, а именно привлечение работников с высоким инновационным потенциалом.

Одна из наиболее важных задач, связанных с международной трудовой миграцией, — это создание благоприятных условий для постоянного проживания в России иностранных высококвалифицированных специалистов, востребованных на российском рынке труда, иностранных работников, мигрантов-выпускников российских вузов. Для этого необходима организация новых технологий для совершенствования государственной политики в направлении успешной и качественной организации внешней трудовой миграции.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия: в 30 т. — 3-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1974. — Т. 16. Мезия–Моршанск. — 616 с.
2. Греневольд Дж. Тенденции международной миграции (Training programme on international migration, Geneva, 24–28/01/2005) / Дж. Греневольд. — Режим доступа: www.unecse.org/stats/documents/2005/01/migration/1.r.ppf#666,10, свободный.
3. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.
4. Егизарьянц А.А. Определение этнической идентичности мигрантов в контексте психоанализа / А. А. Егизарьянц. — Режим доступа: <http://moyuniver.net/opredelenie-etnicheskoj-identichnosti-migrantov-v-kontekste-psichoanaliza>, свободный.
5. Ельникова С.И., Балыхина Т.М., Юрков Е.Е., Лазарева О.А. Российская государственная система тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ/TOREL). — Санкт-Петербург, 2011.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный /Т.Ф.Ефремова. — М. : Русский язык, 2000. — 1233 с.
7. Международное миграционное право: глоссарий терминов / отв. ред. Р. Перрушу. — Женева: Международная организация по миграции, 2005.
8. Плюгина И. В. Понятие мигранта и основные категории мигрантов / И. В. Плюгина // Журнал российского права. — 2007. — № 8. — С. 107–114.
9. О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы : Постановление Правительства РФ от 10 ноября 1997 г. No 1414 //

- Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — No 47. — Ст. 5406.
10. Распоряжение Правительства РФ от 1 марта 2003 г. No 256-р // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — No 10. — Ст. 923.
 11. Рекомендации по статистике международной миграции, первый пересмотренный вариант. ООН, 1998 (п.32). — Режим доступа: www.unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_58rev1R.pdf, свободный.
 12. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ / Т. Г. Скребцова // Политическая лингвистика. — 2007. — Вып. 3 (23). — С. 115–118.
 13. Словарь бизнес-терминов. — М., 2001. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru>, свободный.
 14. Словарь иностранных слов : [Более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. — М.: ЭКСМО, 2006. — 669 с.
 15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. — М. : Альта-Принт, 2005. — 1216 с.
 16. Хабриева Т. Я. Юридический справочник мигранта // Фонд социально-культурного исследования «Научный центр “Руссика”» [и др.] / Т. Я. Хабриева, Б. Б. Хамчиев, Л.В. Андриченко, В. А. Васильев, В. О. Елеонский, В. В. Туляков. — М.: Классик стиль, 2002.

СВОЕОБРАЗИЕ ТЕМЫ ВОСТОКА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК»

Иванова Е.Р.

доктор филологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Оренбургская область, г. Орск

Аннотация. В статье рассматривается тема Востока в творчестве И.А. Бунина в целом и в его рассказе «Чистый понедельник» в частности. На основе анализа текста рассказа отмечаются черты, определяющие своеобразие звучания этой темы в произведении.

Ключевые слова: русская литература, тема Востока, творчество И.А. Бунина, рассказ.

Keywords: Russian literature, theme of the East, creativity of I. A. Bunin, short story.

Тема Востока органично вошла в круг интересов и в художественные произведения русских поэтов и писателей рубежа XIX-XX вв. Это было время, когда востоковедение в России стремительно развивалось, пополняя русскую мысль новыми знаниями из области философии, науки, искусства, религии. Известные русские востоковеды на рубеже веков активно публиковали свои научные труды, открывающие еще неведомый мир восточной культуры. Также в России выходили в свет работы зарубежных исследователей-ориенталистов и оригинальные произведения на восточных языках.

Важно отметить, что в русском сознании понятие «Восток» вбирало в себя представление о странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, а также странах Северной Африки. Более того, географическая расположенность России и исторические традиции включили в этот круг Крым и Кавказ.

На переломе эпох русские мыслители стремились осознать масштабные процессы истории, понять, какое место занимает Россия в традиционной антитезе Востока и Запада. Свой особый вклад в постановку проблемы

Востока и Запада внес В.С. Соловьев, который в произведении «Три разговора» (1899) изложил свои взгляды на форму сосуществования двух великих цивилизаций. Эта работа философа до сих пор вызывает интерес своей неоднозначностью [2, 5, 6]. О заинтересованности поставленной проблемой и о размахе мысли В.С. Соловьева говорят и его поэтические произведения. Например, в стихотворении «Ех Ортеуте lux» (1890) звучит мысль о вероятном выборе России в противостоянии Востока и Запада:

*О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа? [3]*

Последователями исканий В.С. Соловьева стали символисты А. Белый, А. Блок. По-своему воспринимали и интерпретировали философские учения Востока Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский и др.

Значимое место в русской ориенталистике занимают идеи Л.Н. Толстого, который в «Письме к китайцу» (1906) отмечал: «Мне думается, что назначение восточных народов Китая, Персии, Турции, Индии, России и, может быть, Японии (если она еще не совсем увязла в сетях разврата европейской цивилизации) состоит в том, чтобы указать народам тот истинный путь к свободе, для выражения которой, как вы пишете в вашей книге, на китайском языке нет другого слова, кроме Тао, пути, то есть деятельности, подобной с вечным основным законом жизни человеческой» [4]. Писатель в понимании проблемы Востока и Запада остаётся верен своей теории непротивления злу насилием. Более того, увлеченный буддизмом, Толстой смог заинтересовать его этическими идеями множество своих современников, среди которых был и И.А. Бунин.

Однако интерес писателя к восточной тематике был вызван не только интересом к буддизму в интерпретации Л.Н. Толстого. Другой составляющей неиссякаемого интереса Бунина к теме Востока стали его детские впечатления от личности студента Н.О. Ромашкова, который готовил будущего писателя к поступлению в гимназию, и общения с ним. Молодой человек был увлечен Востоком и даже знал восточные языки. Но главным источником очарования темой Востока стали путешествия, которые Бунин совершил в 1907 г. и в 1911 г., посетив Египет, Сирию, Палестину, Грецию и Цейлон.

Все это стало импульсом для создания целого ряда произведений, в которых отражается бунинский Восток.

Традиционно исследователи в контексте изучения ориенталистики бунинских рассказов обращают особое внимание на такие произведения, как «В стране прашуров» (1911), «Братья» (1914), «Соотечественник» (1916), «Сны Чанга» (1916), «Готами» (1919), «Город Царя Царей» (1924), «Сто рупий» (1944) и некоторые другие. Как видно, писатель не оставлял тему Востока в течение всего творческого пути. В названных произведениях, написанных непосредственно под впечатлением от пребывания в восточных странах, сюжет, герои, события, художественные детали, пейзажи отражают экзотический мир, во всем противопоставленный европейской культуре.

Иначе ориентальная тема звучит в произведениях, где действие разворачивается далеко от стран Востока. В рассказе «Чистый понедельник» (1944), который сам автор считал лучшим своим произведением, события разворачиваются в России, в Москве, но тема Востока вбирает в себя намного больше, хотя звучит не так явственно, как в других «восточных текстах» И.А. Бунина.

Одной из главных тем рассказа стала тема русской души, русского характера. Внешний сюжет повествования основан на истории взаимоотношений героя-рассказчика и его возлюбленной, чье имя не называется. В более глубоком философском плане рассказа возникает образ России, которую Бунин воспринимает как сочетание двух культур: европейской и азиатской, западной и восточной. Эта двойственность подчеркивается в образе самой героини. «А у нее красота была какая-то индийская, персидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза; пленительный бархатисто-пунцовыми губами рот оттенен был темным пушком...», «на висках полуколючками загибались к глазам черные лоснящиеся косички, придавая ей вид восточной красавицы с лубочной картинки» [1]. Актер Качалов называет ее Шамаханской царицей, а она сама рассказывает о том, что ее отец — тверской купец, а бабушка родом из Астрахани, то есть в ее жилах течет русская и восточная кровь. Очевидно, поэтому влюбленный в героиню рассказчик воспринимает ее, «обоня какой-то слегка пряный запах ее волос, думая: «Москва, Астрахань, Персия, Индия!» [1] Ее увлечение древнерусскими летописями, старообрядческими традициями соединяются со знанием восточной культуры.

Восточные черты подчеркнуты автором и в обстановке, окружающей загадочную героиню рассказа. Например, несколько раз упоминается турецкий диван, стоящий в ее квартире. Он странным образом сочетается с портретом Льва Толстого и пианино, на котором хозяйка квартиры играет «Лунную сонату» Бетховена. Ее рассуждения герой называет «восточной мудростью».

Двойственность, основанная на переплетении восточного и западного, характерна для всей ткани повествования. Герой смотрит на московский Кремль, на его старинные соборы и отмечает соединение стиля итальянской архитектуры и отголосков восточной культуры, которые видятся ему в форме кремлевских башен. «Странный город! — говорил я себе, думая об Охотном ряде, об Иверской, о Василии Блаженном. — Василий Блаженный — и Спас-на-Бору, итальянские соборы — и что-то киргизское в остриях башен на кремлевских стенах...» [1]. В одном из трактиров герои обращают внимание на икону Богородицы-троеручицы, которая напоминает им индийского бога Шиву. Заметив это, героиня восклицает: «Хорошо! Внизу дикие мужики, а тут блины с шампанским и богородица троеручица. Три руки! Ведь это Индия! Вы — барин, вы не можете понимать так, как я, всю эту Москву» [1].

Важно, что писатель именно героине придает двойственные черты, воплощающие западное и восточное. Благодаря этому ее облик становится и емким символом России, соединяющим национально-исторические, восточные и общекультурные традиции. Вместе с тем, акцентируя внимание на восточных реалиях, обусловивших тему Востока, И.А. Бунин подчеркивает, что Россия сохранила и свой национальный неповторимый облик, который остался не тронутым иноземным влиянием. Таким образом, тема Востока в рассказе И.А. Бунина «Чистый понедельник», не являясь главной, придает произведению особую глубину, определяет его философское звучание.

Список литературы

1. Бунин И.А. Чистый понедельник [Электронный ресурс]. — URL: https://mir-knig.com/read_388521-1
2. Соловьев В.С. Три разговора // Избранное. — М. : Сов. Россия, 1990. — С. 233-423.

3. Соловьев В.С. «Ex Orteute lux» [Электронный ресурс]. — URL: <https://azbyka.ru/fiction/ex-oriente-lux/>
4. Толстой Л.Н. Письмо к китайцу // Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 36. — М.-Л., 1936. — С. 292.
5. Треушников И.А. Апокалептика «Трех разговоров» и теократическая идея Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. — Выпуск 3(27). — 2010. — С. 38-54.
6. Усманов С.М. Восток и Запад в итоговых размышлениях Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. — Выпуск 2. — 2001. — 189-199.
7. Чебоненко О.С. Восток в художественном сознании И.А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004. — 16 с.

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОРСКОГО МЯСОКОМБИНАТА

Кожухова Л.Р.

*главный архивист филиала Государственного бюджетного учреждения
«Государственный архив Оренбургской области» в г. Орске,
Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье рассказывается о деятельности Орского мясокомбината в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., продукция которого имела стратегическое значение для страны: консервы (знаменитая орская «тушенка»), полушубки, лечебные средства и препараты (инсулин), армейские кружки.

Ключевые слова: война, промышленность, консервы.

Keywords: war, industry, canned food.

В тяжелое военное время периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. промышленность г. Орска принимала участие в обеспечении фронта и тыла необходимым продовольствием и другими ресурсами. Эта тема неоднократно освещалась в исследованиях региональных историков И.А. Шибалина, И.А. Коробецкого, однако остается, по-прежнему, актуальной [1,2].

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на Орский мясокомбинат была возложена почетная задача по выпуску фронтовой продукции для снабжения Красной Армии. И коллектив комбината успешно справился с этой задачей.

В 1941 г. были освоены новые производства, имеющие оборонное значение. Крупнейшим и наиболее сложным из вновь освоенных производств являлась выработка консервов. В отчетном году план по выпуску консервов был перевыполнен в 2 раза, при плане 3000 туб, изготовлено 6502 тубы. Также вырабатывались новые консервы: паштеты из печени, паштеты мясные и рубец в стеклотаре.

Следующие достижение комбината в первый год войны — это освоение выработки пищевых концентратов. В этом направлении были сделаны пер-

вые шаги и освоено лишь производство супа-пюре горохового в количестве 40 тонн продукции.

Наряду с освоением выработки консервов и концентратов была освоена выработка твердо-копченных колбасных изделий, шубных овчин, валонок и пуговиц [3].

В 1942 г. перед коллективом консервного цеха стояла задача дальнейшего увеличения выпуска и расширения ассортимента выпускаемой продукции. План по выпуску продукции в отчетном году был выполнен по основной продукции комбината: по мясу на 104 %, по колбасным изделиям на 116 %. По сравнению с 1941 г. увеличилось производство шубных овчин, которых выпущено 8 тыс. штук, а в 1942 г. — 20 тыс. штук. В 1942 г. освоено новое производство пшеничной каши «Армейской» и началось массовое производство супа-пюре горохового. Выработка пищевых концентратов за первый год массового производства достигла 5194 тонн — годовая программа была выполнена на 148 %. Дополнительно в 1942 г. освоено производство пасты для консервных банок в разных вариантах (из натурального каучука, из резиновых колец, с применением бензина).

Выработку консервов в 1942 г. комбинат начал лишь со второй половины марта месяца, до этого консервный завод не работал из-за отсутствия пасты. В последующие месяцы выработка консервов лимитировалась недостаточным количеством жести и только с июля месяца, когда началось поступление импортной жести, темпы производства консервов стали нарастать из месяца в месяц. Несвоевременное поступление жести снизило ноябрьскую выработку [4].

Кроме консервов завод вырабатывал продукцию, не предусмотренную планом, а именно: выпуск неплановой продукции по консервному заводу в 1942 г. армейские кружки вырабатывались из бракованных консервных банок. К изготовлению пасты завод вынужден был приступить вследствие отсутствия фабричной пасты.

Коллектив комбината успешно справился с этой задачей, так за 1943 г. было выработано фронтальной продукции на 40,0 миллионов рублей в неизменных ценах. По основным видам продукции выполнены все плановые показатели: по мясу на 103,6 %, по колбасным изделиям на 125,6 %, по консервам (тушенка) на 103,8 %, по концентратам (суп-пюре гороховый, каша пшеничная, каша пшеничная) на 114,7 % и по спецфабрикатам на 248 %.

Именно в 1943 г. заново смонтирован и создан завод медицинских препаратов. Это имело большое значение так, как на завоз сырья из-за границы выделялись огромные средства, для выработки такого медпрепарата как инсулин. 1 грамм инсулина — это спасение тысячи жизней наших бойцов Красной Армии, но легче завезти из-за границы 1 тысячу тонн мяса, чем 1 грамм инсулина. В вопросе выработки медпрепаратов, особенно инсулина, Орский мясокомбинат один из самых крупных заводов в Советском Союзе [5].

В 1943 г. выработано шубных овчин 51973 шт., кожевенных 5412 шт. Орский мясокомбинат продолжил осваивать очень интересное и важное производство — это изготовление шубных овчин, что не свойственно пищевому предприятию. Орский мясокомбинат был в этом вопросе лидером, а годовая выработка 1943 г. приравнивалась выработке крупного шубного завода.

В годы войны, таким образом, Орский мясокомбинат снабжал мясом и мясoproдуктами как гражданское население, так и армию. Благодаря своим мощностям предприятие внесло огромный вклад в дело Победы. В 1944 г. предприятие было награждено орденом Трудового Красного Знамени. На протяжении военных лет комбинату также неоднократно вручалось переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. И в 1946 г. оно было оставлено коллективу на вечное хранение.

Источники и литература

1. Коробецкий И.А., Шебалин И.А. Эвакуационные процессы и деятельность вузов по мобилизации ресурсов Южного Урала на нужды обороны в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 5 (154). — С. 51-56.
2. Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории (1917-начало 1990-х гг.). — Орск: Орский гуманитарно-технологический институт, 2010.
3. Филиал ГБУ «ГАОО» в г. Орске Р. 104. Оп. 1, Д. 344. ЛЛ. 2-20
4. Филиал ГБУ «ГАОО» в г. Орске Р. 104. Оп. 1, Д. 347. ЛЛ. 2, 27
5. Филиал ГБУ «ГАОО» в г. Орске Р. 104. Оп. 2, Д. 349. ЛЛ. 2, 33, 35

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1941–1945 ГГ.

Коробецкий И.А.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии
и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет», Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье анализируется деятельность государства по приспособлению довоенной советской системы образования к чрезвычайным условиям и потребностям военного времени. Исследуются такие направления деятельности как обеспечение образовательного процесса материальной базой и педагогическими кадрами, создание новых учебных программ и их методическое сопровождение, усиление практической направленности в работе школы.

Ключевые слова: школа, образовательный процесс, педагогические кадры, учебная программа.

Keywords: school, educational process, teaching staff, curriculum.

Изучение деятельности органов государственной власти в отношении регулирования системы образования остается темой, которая находится в центре внимания исследователей. Изучение истории образовательного процесса в прошлом и настоящем, адаптивность образовательных систем, их способность отвечать на вызовы времени с учетом требований государственной власти становились предметом рассмотрения многих исследователей Л.Б. Алимовой, С.В. Романович [1], С.И. Ельниковой, Т.М. Балыхиной [2], В.Н. Липник [3]. Однако особый интерес для изучения представляет государственная образовательная политика в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Чрезвычайные условия Великой Отечественной войны подвергли образовательный процесс серьезным испытаниям. Самыми серьезными про-

блемами стали отсутствие в необходимом объеме школьных учебников и пособий, вынужденное сокращение сроков обучения, дефицит педагогических кадров. Кроме того, довоенные программы и стандарты не отражали потребностей военного времени.

В конце 1941 — начале 1942 года Наркомпросом РСФСР в содержание рабочих программ и учебных планов всех типов общеобразовательной школы были внесены изменения. Новые стандарты предусматривали увеличение доли самостоятельной работы учащихся; большую связь с жизнью; введение новых предметов, имевших практическую направленность; обязательное воспитание патриотизма и готовности к самопожертвованию.

Так, на уроках **русского языка** всё чаще писались сочинения на общественно-политические темы, а на диктантах активно привлекался газетный материал, повествующий о подвигах советских воинов. Материал подбирался с учетом возрастных особенностей учащихся.

В программу **по литературе** вносились патриотические произведения о борьбе русского народа с иноземными захватчиками, остальные — изучались в обзорном порядке.

На уроках **географии** основной упор делали на практические занятия: формировали умение ориентироваться на местности по карте, работать с компасом и находить заданные ориентиры.

Программы **по химии и физики** включили в себя изучение таких тем как, «Отравляющими веществами и средствами защиты от них», «Образцы военной техники и принципы их работы».

С усилением патриотической составляющей системы образования особое внимание стало уделяться преподаванию **истории**: учителям приписывалось подробно знакомить школьников с темой борьбы русского народа с иноземцами, с победами таких талантливых полководцев как, Александр Невский, Дмитрий Донской, А.В. Суворов и М.И. Кутузов [13, 158].

С 25 ноября 1941 г. в школах страны вводится **новый курс, посвященный изучению основ сельского хозяйства**. По этому курсу вводилась агротехническая подготовка учащихся V-VII классов и изучение сельскохозяйственных машин в VIII-X классах по 2 часа в неделю. Данное дополнение учебного плана должно было в первую очередь готовить учащихся к практическим работам в сфере сельскохозяйственного производства. Обучение завершалось двухнедельной практикой [3, 36].

Таким образом, в 37 областях страны было подготовлено несколько тысяч сельскохозяйственных работников из числа учащихся.

С декабря 1942 г. занятия по основам сельского хозяйства стали проводиться во внеурочное время, а освободившиеся часы были отданы под такой предмет, как **военное дело**. Предмет предусматривал военно-физическую подготовку учащихся I–VI классах, а также начальную и допризывную подготовку в V–X классах. В период летних каникул юноши VIII–X классов проходили пятнадцатидневные лагерные сборы, на которых демонстрировали на практике полученные знания [14, 198].

В первые военные месяцы появилась такая форма организации учебной работы, как **школьный консультационный пункт**. Обучение было ориентировано в основном на самостоятельную работу учащихся старших классов. Занятия в школах существовали лишь для корректировки их работы, а так же для подведения итогов. Эта форма помогала учащимся совмещать и работу на предприятиях и в сельскохозяйственной сфере, не прерывая обучение [14, 206].

16 июля 1943 года СНК СССР издает постановление «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах в 1943-1944 учебном году» [9]. Это объяснялось особенностями индивидуального и физического развития мальчиков и девочек, что не позволяло дифференцировать учебно-воспитательную работу.

В «мужских классах» основные усилия сосредотачивались на военной и физической подготовки, в то время как в «женских классах» девушек обучали санитарному делу, готовили стать телефонистками.

Однако, подобная реорганизация системы народного образования не получила массового распространения, поскольку не хватало школьных помещений, педагогических кадров, материально-технического обеспечения.

Военное время заставило многих учеников трудиться на производстве. Для того, чтобы они не прекращали обучение создавались вечерние школы рабочей молодежи (ШРМ) [7], а для учащихся, занятых на сельскохозяйственных работах — школы сельской молодежи (ШСМ) [10].

В школе стали регулярно проводить **дни политической информации**. Учащимся читали статьи, газеты, фронтовые письма, знакомили с обстановкой на передовой, приводили примеры самоотверженного труда советских людей в тылу. В школах оформлялись карты, на которых флажками отмечались изменения линии фронта [4].

Очень серьезной проблемой на протяжении всей войны оставалась проблема дефицита педагогических кадров. Это было вызвано тем, что уже в начале войны значительная часть учителей была призвана в ряды действующей Красной Армии или мобилизована на предприятия (только в РСФСР число учителей сократилось с 607 807 в 1940/41 учебном году до 429 706 в 1943/44 учебном году).

Большие потери в педагогических кадрах понесли районы страны, подвергнувшиеся фашистской оккупации. На территориях, захваченных врагом, до войны имелось 526,5 тыс. учителей, а после освобождения их осталось всего 249,2 тыс. Многие учителя, оставшиеся преподавать в школе, не имели необходимой квалификации [5, 103].

Сложность подготовки новых учительских кадров заключалась в том, что уменьшилось количество педагогических учебных заведений.

В 1943-1944 гг. для обеспечения школ учителями руководством советского государства был принят ряд нормативно-правовых актов, которые способствовали решению проблемы:

- в школу возвращали педагогов, работающих не по специальности [13, 409],
- учителей демобилизовывали из тыловых частей армии [11],
- педагогическим работникам повышали заработную плату [8],
- для поощрения лучших работников системы народного образования учреждался знак «Отличник народного просвещения» [6],
- возобновлялась работа заочных учительских институтов [5, 109],
- на базе школ и пединститутов разворачивалась сеть педагогических курсов по подготовке или переподготовке учителей [5, 157].

Существенный вклад в подготовку новых педагогических кадров и повышение квалификации учителей внесла Академия педагогических наук РСФСР. Её работники на базе школ читали лекции по педагогике, психологии, методике преподавания основных школьных дисциплин.

Огромную методическую помощь учителям оказывали периодические издания Академии: журналы «Советская педагогика», «Семья и школа», серия книг «Историко-педагогическая библиотека», «Педагогическая библиотека», «Библиотека школьной гигиены», газеты выпускаемые Академией [12, 124].

Не прекращался выпуск учителей педагогическими вузами. Всего в годы войны по стране было выпущено 131,4 тысячи педагогических работников,

один только Московский государственный педагогический институт имени Ленина за 1941-1945 гг. подготовил 2268 педагогов [5, 161].

Таким образом, Великая Отечественная война наложила серьезный отпечаток на образовательный процесс советской школы. Необходимо было приспособить довоенную систему образования к чрезвычайным условиям и потребностям военного времени. Особенно тяжело было первые два года войны: не хватало педагогов, учебные здания забирались под учреждения не связанные с образованием, требовалась разработка новых программ. Тем не менее, с переменным успехом, но работа по улучшению образовательной системы велась непрерывно. Разрабатывались и внедрялись новые учебные программы и методики, имеющие практическую направленность, решалась кадровая проблема. С учетом условий военного времени, деятельность государственных органов власти по решению данных задач можно признать удовлетворительной.

Источники и литература

1. Алимova Л.Б., Романович С.В. Оценка качества образования в системе университетского комплекса // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). — Оренбург: Изд-во ООО ИПК «Университет», 2013. — С. 13-18.
2. Ельникова С.И., Балыхина Т.М., Алимova М.В. Толерантное педагогическое общение: проблемы и рекомендации // Вестник Российского университета дружбы народов. серия Вопросы образования: языки и специальность. — 2012. — № 3. — С. 116-128.
3. Липник, В.Н. Школьные реформы в советской и постсоветской России / В.Н. Липник. — Москва: Про-пресс, 2003. — 64 с.
4. Павленко, В.Д. Библиотеки Урала в годы Великой Отечественной Войны / [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/biblioteki-urala-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny>
5. Паначин, Ф.Г. Педагогическое образование СССР: Важнейшие этапы истории и современное состояние / Ф.Г. Паначин. — Москва: Педагогика, 1975. — 218 с.
6. Постановление СНК РСФСР от 14 ноября 1943 г. «Об утверждении знака «Отличник народного просвещения» // Народное образова-

- ние в СССР. Сборник документов 1917-1973 годы / А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. — Москва: Педагогика, 1974. — 117 с.
7. Постановление СНК СССР от 15 июля 1943 г. «Об обучении подростков работающих на предприятии» // Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973 годы / А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. — Москва: Педагогика, 1974. — 201 с.
 8. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 августа 1943 г. «О повышении заработной платы учителям»/ [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://sssr.regnews.org/doc/eq/gi.htm>
 9. Постановление СНК СССР от 16 июля 1943 г. «О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в неполных средних и средних школах в 1943-1944 учебном году» // Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973 годы / А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. — Москва: Педагогика, 1974. — 177 с.
 10. Постановление СНК СССР от 6 июня 1944 г. «Об организации вечерних школ сельской молодежи»/ [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42938#008984159366643696>
 11. Решение Государственного Комитета Обороны от февраля 1944 г. «О досрочной демобилизации учителей из тыловых частей армии» [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=42938#008984159366643696>
 12. Савельев, В.М. Советская интеллигенция в Великой Отечественной Войне / В.М. Савельев и В.П. Саввин. — Москва: Мысль, 1974 год. — 284 с.
 13. Черник, С.А. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР / С.А. Черник. — Москва: Педагогика, 1989. 497 с.
 14. Черник, С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной Войны: историко-педагогическое исследование / С.А. Черник. — Москва: Педагогика, 1984. — 240 с.

КАРАБАХСКИЙ ВОПРОС В АРМЯНО- АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Коробецкий И.А.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии
и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет»,
Оренбургская область, г. Орск*

Рстакян С.Е.

*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет»,
Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье характеризуется процесс противоречий между Арменией и Азербайджаном после прихода к власти большевиков, прослеживаются тенденции проводимой национальной политики СССР, приведшей к обострению конфликта в Нагорном Карабахе.

Ключевые слова: национальная политика, Нагорный Карабах, Армения, Азербайджан, СССР.

Keywords: national policy, Nagorny Karabakh, Armenia, Azerbaijan, USSR.

Политический кризис начала XX века в Российской империи не только привел к смене политического строя в государстве, но и обострил межнациональные противоречия на его окраинах. Одной из причин этого явления стали действия советского правительства, которое недооценивало значение национального вопроса. Руководствуясь идеологией марксизма, большевики первостепенное значение уделяли проблеме классовой борьбы и со-

циальной однородности общества. Однако дальнейшие события показали ошибочность такого подхода.

Одной из проблем, с которыми пришлось столкнуться новой советской власти, стал давний межнациональный армяно-азербайджанский территориальный конфликт из-за Нагорного Карабаха, который до сих пор вызывает неоднозначные оценки в мире и в историографии [1].

В истории СССР Карабахскую проблему принято рассматривать, начиная с момента принятия 5 июля 1921 года решения Кавбюро РКП(б) о передаче Нагорного Карабаха, населенного в основном армянами, в состав Азербайджана, с условием предоставления областной автономии в городе Шуше.

В результате основной движущей силой процессов, протекающих в Карабахе в период советской власти, стало противодействие армянской стороны вытеснению армянского населения, проживающего в Нагорно-Карабахской автономной области [5, 34]. Статистика показывает, что в период с 1926 по 1979 год около 2 тыс. армян ежегодно покидали территорию НКАО в то время, как с 1950-х годов наблюдается ежегодный прирост азербайджанского населения в среднем на 1 тыс. человек.

Подобный отток армянского населения был характерен не только для Нагорного Карабаха, но и в целом для самой Азербайджанской ССР, где по итогам переписей 1970 и 1979 годов их число сократилось с 483,5 тыс. до 475,5 тыс. [7, 126].

Политика «арбайдженизации» проводилась в трех основных сферах: политической, культурной и социально-экономической. В самой автономии все кадровые назначения осуществлялись бакинским руководством, которое строго следило за национальной принадлежностью управленцев.

Приход к власти в 1969 году в Азербайджанской ССР Гейдара Алиева ознаменовал начало новой социально-экономической политики в республике. Никаких республиканских капиталовложений в Нагорный Карабах фактически не осуществлялось, их попытки наладить собственные экономические связи — блокировались.

Отсутствие новых рабочих мест и возможность получения высоких зарплат привели к оттоку трудоспособного населения и демографическому кризису в целом. Молодежь, покидая автономию, находила применение своим силам за её пределами.

Резко негативно воспринималась армянской стороной и дискриминация в национально-культурной сфере. В самом Нагорном Карабахе количе-

ство армянских школ сильно сокращалось, учебники на армянском языке издавались малым тиражом, новые учебные заведения вели обучение преимущественно на азербайджанском языке, в то же время армянский был фактически исключен из делопроизводства, многочисленные церкви практически не действовали, в отличие от мусульманских мечетей.

В связи с этим, наиболее острую реакцию вызывала не столько экономическая политика азербайджанского руководства в Нагорном Карабахе, сколько политика в культурной сфере. В результате, армянское население не без оснований видело угрозу своему дальнейшему существованию на территории автономной области [5, 37-40].

Движение за выход из состава Азербайджана никогда не утихло и включало в себя борьбу за гражданские права, за сохранение национально-культурных ценностей, за равноправие в экономической сфере и многое другое. Однако советская реальность, в которой борьба человека за свои права рассматривались, как преступление и в большинстве случаев жестко подавлялась, подталкивала людей к решениям, связанным с борьбой против существующей системы.

В 1960-е годы отмечаются неоднократные обращения в союзные партийные и государственные органы с просьбой о передачи Нагорного Карабаха в состав Армении. Если в 1963 году насчитывалось около 2,5 тысяч таких обращений, то уже в 1965 году — 45 тысяч. ЦК КПСС понимая всю серьезность сложившейся ситуации, предлагает Армении и Азербайджану подготовить свои предложения по статусу Нагорно-Карабахской автономной области. Эта работа не привела, к какому бы то ни было практическому результату, но конфликт был заморожен. Однако политика руководства республики по выселению за пределы Карабаха организаторов петиций, заселению автономии азербайджанским населением способствовало обострению противоречий в дальнейшем [5, 46].

В годы «перестройки», когда ослабла центральная власть, армяно-азербайджанский конфликт перешел из латентной фазы в открытое вооруженное противостояние. Его начало связано с проведением 20 февраля 1988 года неофициального референдума в Нагорно-Карабахской автономной области, по итогам которого большинство из числа принявших участие в голосовании, высказалось за присоединение Карабаха к Армении [4, 14].

Решение сессии областного совета Нагорно-Карабахской автономной области принять данное обращение, было встречено в Азербайджане край-

не негативно. Москва же, занятая собственными проблемами, в очередной раз не уделила должного внимания вопросу межнациональных отношений. Подобная позиция центральной власти была воспринята на Кавказе как карт-бланш на решение проблемы по собственному усмотрению [3, 3].

Конфликт стал приобретать вооруженный характер. Армянское население Нагорного Карабаха, превосходившее по численности азербайджанское, пускало в ход любое оружие, изгоняло с предприятий Степанакерта рабочих азербайджанской национальности, не позволяло машинам перевозить товары первой необходимости в Шушу.

В свою очередь Азербайджан оказывал экономическое давление, блокируя железнодорожные пути, дороги и аэропорт. 18 сентября 1988 года вблизи села Ходжалы в ходе столкновения погибло два солдата советской армии и около двух десятков гражданских лиц получили ранения [2, 56-57].

Постановление от 1 декабря 1989 года, принятое Верховным Советом Армянской ССР и Национальным Советом НКАО о включении Карабаха в состав Армении активизировало столкновения в январе 1990 года. С 13 по 18 января 1990 года, в ходе бакинских погромов было убито около 90 армян. В Нагорно-Карабахской автономной области и в приграничных районах Армении и Азербайджана объявляется чрезвычайное положение.

События января 1990 года на примере Нагорного Карабаха показали неспособность центрального государственного аппарата решать межнациональные проблемы, охватившие всю страну в «перестроечный» период. Попытки М.С. Горбачева избежать развала Советского Союза предоставлением республикам больше властных полномочий не только не выправили ситуацию, но и способствовали росту национального сепаратизма.

После провозглашения независимости Арменией и Азербайджаном эскалация военных действий стала началом полномасштабной войны за Нагорный Карабах [6, 304].

Таким образом, сложность Нагорно-Карабахского конфликта обуславливалась попыткой реализовать право наций на самоопределение с одной стороны и попыткой сохранить территориальную целостность с другой. После падения Российской империи национальные проблемы в стране подавлялись искусственным путем, что придавало им латентный характер перешедшее в открытое противостояние на всём советском пространстве в конце 1980-х годов.

Зарождение и дальнейшая эскалация конфликта вокруг Нагорного Карабаха связана, прежде всего, с взаимными территориальными претензиями Армении и Азербайджана, с борьбой НКАО за независимость.

В качестве основных причин конфликта следует назвать также непосредственно историческое наследие армяно-азербайджанских отношений, уровень политической культуры, внутри- и внешнеполитическое воздействие в регионе. Распад СССР сделал конфликт в регионе неконтролируемым, а провозглашение двух независимых государств: Армении и Азербайджана — предопределило трансформацию внутреннего этнополитического кризиса в межгосударственный вооруженный конфликт, подогреваемый образованием Нагорно-Карабахской Республики.

Список литературы

1. Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории (1917-начало 1990-х гг.). — Орск: Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета, 2010.
2. Ваал, Томас де Черный сад: Армения и Азербайджан между миром и войной / Томас де Ваал, пер. с англ. О. Алякринского. — Можайск: ОАО Можайский полигр. комб., 2005. — 411 с.
3. Воеводский, К. Перестройка в карабахском зеркале / К. Воеводский — Ереван: Журнал «Pro Armenia», 1993. — № 1 — С. 3
4. Жирохов, М. А. Меч и огонь Карабаха: хроника незначительной войны, 1988-1994 / М. А. Жирохов. — Москва: Центрполиграф, 2011. — 283 с.
5. Золян, С.Т. Нагорный Карабах: проблема и конфликт/ С.Т. Золян. — Москва: Издательство “Лингва”, 2001г. — 307 с.
6. Мяло, К.Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы / К.Г. Мяло. — Москва: Вече, 2002. — 480 с.
7. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. / ЦСУ СССР. — Москва: Финансы и статистика, 1985. — 366 с.

РУССКОЕ ИСКУССТВО НАЧАЛА XX ВЕКА

Мельникова М.С.

*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет», Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье рассматривается процесс изменений в культурном пространстве в начале XX века до наступления октябрьских событий 1917 г. Характеризуются основные направления развития искусства и художников этого времени.

Ключевые слова: искусство, авангард, художник.

Keywords: art, avantgarde, painter.

Начало XX века ознаменовалось событиями, которые стали переломными в истории России. Масштабные изменения в социально-экономической и политической жизни страны, массовое революционное движение способствовали и переменам в духовной жизни общества. Искусство, как известно, отражает происходящее в обществе, искусство России на стыке эпох не стало исключением, новые явления появились во всех сферах культурной жизни, включая литературу, музыку, театр, изобразительное и декоративно-прикладное искусство.

Изучением проблем, связанных с развитием русского искусства в начале XX века занимались многие исследователи, в советский период следует выделить работу В. Прыткова и Н.А. Ярошенко «Пути развития русского искусства конца XIX — начала XX века», изданную еще в 1972 году [1]. В современной историографии проблемы развития декоративно-прикладного искусства и художественной промышленности, которые в наибольшей степени попали под влияние новых явлений в духовной жизни и культуре начала XX века, изучала Л.Б. Алимова [2]. Этому же автору принадлежат работы, посвященные эволюции художественных промыслов в исследуемый период [3; 4]. Истории русского авангарда посвящена монография Е. Бобринской [5].

Перемены в искусстве начались за 3 года до календарного начала XX века с русского модерна. Ко времени появления авангарда художествен-

ная жизнь России уже кардинально поменялась. К вопросу об актуальности исследования данного периода, следует сказать, что воплощение идей авангарда в XX веке в России имело сильное значение для пространства русской культуры в целом. И, несмотря на то, что оно было вдохновлено западным импрессионизмом, для художественной жизни России это было по-настоящему революционно и самобытно.

«Мир искусства» и весь русский модерн подготовили общество к авангарду. Символисты в лице «Голубой розы» также внесли свой вклад в развитие понимания искусства и красоты. 1907 год — время рождения этого московского объединения и именно в этом романтизированном мире художников-символистов вспыхивали первые искры художественного бунта, подпитанные впечатлениями от импрессионизма. Их единственную выставку уже тогда хвалил Казимир Малевич.

По общей настроенности творческого внимания весьма близкой к идее «нового искусства» была деятельность именно художественной группировки «Мир искусства». Он возник из кружка молодых петербургских «любителей изящного», а затем вырос в одно из самых значительных явлений русской художественной культуры. С 1898 года начал вою публикацию журнал «Мир искусства», впоследствии начали устраивать выставки под тем же названием. Журнал, в котором сотрудничали художники, писатели, философы, имел профиль литературно-художественного альманаха. Он был обильно снабжен различными иллюстрациями и, вместе с тем, являлся одним из первых образцов искусства книжного оформления — области художественной деятельности, в которой мирискусники выступили новаторами.

Одновременно «Мир искусства» вводит в обиход практику совместных выставок русских и западноевропейских художников, чего ранее до них в академическом обществе не приветствовали. Лозунг индивидуализма, который в начале выступлений провозглашался «Миром искусства», являл собою отстаивание свободы творческой игры. Исходным творческим стимулом и принципом данного объединения выступало понимание того, что все, что любит и чему поклоняется художник в прошлом и настоящем, имеет право быть воплощенным в искусстве независимо от злобы дня.

В силу эволюции, приводившей к опровержению изначальных эстетических установок, раскола внутри редакции журнала, отпадения московской группы художников «Мир искусства» в середине 1900-х годов прекращает свою выставочную и издательскую деятельность. С 1910 года

«Мир искусства» функционирует уже исключительно как выставочная организация, не скрепленная, как прежде, единством творческих задач и стилистической ориентации и объединяющая художников самых различных направлений.

Другой важной особенностью данного периода является равномерное развитие отдельных видов искусства: рядом с живописью становится архитектура, декоративно-прикладное искусство, книжная графика, скульптура, театральная декорация. Гегемония станковой картины, отличавшая искусство середины столетия, уходит в прошлое. В условиях, когда сферы приложения изобразительного творчества необычайно расширяются, формируется новый тип универсального художника, который умеет все — и написать картину и декоративное панно, исполнить виньетку для книги и монументальную роспись, вылепить скульптуру и сочинить театральный костюм.

В декабре 1910 года в Москве открылась выставка с провокационным названием «Бубновый валет», где в духе времени были намеки на «каторжников» и «мошенников» и шуточный посыл к «другому» искусству. К тому, что должно было ломать реалистические каноны, удивлять публику и бороться с мещанским вкусом. Михаил Ларионов оценивал нынешнее искусство и все его прошлое — как нечто скучное, душашее творчество в зародыше. Бубновый валет изменит представление о том кто такой художник, он будет отталкиваться не от «высокого», а от «народного и примитивного». Их новая идея в том, что то, что вчера не было искусством, может стать им сегодня. Если раньше спорили о том красива картина или нет, то в XX веке появились споры о том искусство это или нет?

В противовес символической живописи «Голубой розы» художники «бубнового валета» стремились наиболее радикально выразить движение от сосредоточенности на субъективных неясных ощущениях к обретению устойчивости зрительного образа, полнозвучия цвета, к конструктивной логике картинного построения. Утверждение предмета и предметности в противовес пространственности составляет исходный принцип их искусства.

Авангард время манифестов и деклараций. Фигура творца встает на передний план. Творческое скандальное объединение «Футуристы» ярко описывает этот феномен. Их участник Давид Бурлюк занимался и изобразительным творчеством, и сочинением неоднозначных стихотворений,

и печатью манифестов. Официальный съезд футуристов был принципиально важен для них как сам публичный жест искусства, потому объявление о нем и фотографии печатались в газетах. В их понимании искусством могло быть что угодно.

Личностью, чью художественную революцию можно рассматривать отдельно от творческого объединения, является Каземир Малевич. Он, в своем движении к супрематизму, неосознанно спорил с утверждением футуристов и в то же время продолжал развитие авангарда в целом. Минимум два года он шел к созданию своего самого известного произведения «Черный квадрат». Под ним скрываются еще две картины, одна из которых цветная кубофутуристическая композиция. Это направление — путь Малевича от предметного к беспредметному. Он начинает с импрессионизма — как тот же Ларионов и отчасти Кандинский; затем обращается к неопримитивизму, а вслед за ним начинается кубофутуризм и алогизм. Его окончательный стиль сложился в 1915 году и был представлен в декабре на выставке «0,10». В названии выставки ноль — это конец искусства, объявленный супрематизмом «нуль форм», символом которого стал «Черный квадрат», а десять — количество предполагаемых участников, на самом деле их было больше. Путь к супрематизму для Малевича шел через открытие и других, совершенно новых стилей искусства. Появление множества надписей на картине привело к рождению Алогизма.

За пять лет упрощение формы начатое «Бубновым валетом» дошло до того, что на картине больше не изображено ничего конкретного. Такой тип абстракции не единственный, появлялись новые направления — экспрессивная абстракция, лучизм, органическая абстракция, алогизм. Василий Кандинский, другой известный представитель авангардного течения пишет в жанре экспрессивной абстракции. Для него каждое движение кисти по холсту это чувство или ощущение, которое художник хочет вызвать у зрителя. А Павел Филонов сам создает направление, которое называет «аналитическое искусство» и за этим стоит вся его жизнь, весь путь творчества и тонна философских концепций.

Художник менялся, потому как эпоха и общество влияла на его становление, а вместе с ним менялось и искусство в целом. Нельзя разложить авангард по четким направлениям, время классификаций в XX веке исчезает. А за революцией в искусстве последовала реальная Великая Российская революция 1917–1922 гг.

Список литературы

1. Прытков В., Ярошенко Н.А. Пути развития русского искусства конца XIX — начала XX века / В. Прытков, Н.А. Ярошенко. — Москва — 1972. — 272 с.
2. Алимова Л.Б. Законы о роскоши в императорской России : монография. — Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. — 196 с.
3. Алимова Л.Б. Власть и народная культура: художественные промыслы Урала в системе государственного регулирования экономики в XVIII — начале XX веков : монография. — Орск: Изд-во ОГТИ, 2003. — 65 с.
4. Алимова Л.Б. История художественных промыслов Урала XVIII- начала XX веков : учеб. пособие. — Орск: Изд-во ОГТИ, 2003. — 128 с.
5. Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства / Е. Бобринская; Государственный институт искусствознания. — Москва : Новое литературное обозрение — 2006. — 304 с.
6. Тугендхольд Я. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. / Я. Тугендхольд — Москва — 1987. — 320 с.

ПРОБЛЕМА СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА В 1920–1930-Е ГГ.

Мозговая О.С.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории
и историографии Института истории и международных отношений
Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
Саратовская область, г. Саратов*

Аннотация. В статье описывается национальная политика, проводимая советским руководством в 1920-1930- гг. в отношении немецкого населения страны.

Ключевые слова: советские немцы, национальная политики, советско-германские отношения.

Keywords: soviet Germans, national politics, Soviet-German relations.

Положение советских немцев на протяжении XX века постоянно претерпевала изменения. Непосредственными факторами, влиявшими на данный процесс, являлись отношения между Советским государством и Германией, внутривнутриполитические процессы, экономическое развитие страны и многое другое.

В первые послереволюционные годы, немцы воспринимались большевистским руководством, как элемент по подстегиванию социалистической революции в Германии, чего достигнуть не удалось. После подписания 16 апреля 1922 г. Рапальского мирного договора [5, с. 111-112], Германия стала рассматриваться, как партнер на международной арене. В связи с чем, руководство СССР инициировало 19 декабря 1923 преобразование Автономии в Республику немцев Поволжья [4, с. 80-82] площадью 28 200 км². Данное решение было направлено на укрепление экономики региона, но также имело большое внешнеполитическое значение. АССР НП являлась своеобразной «витриной социализма» для западного капиталистического мира, поэтому здесь наиболее ярко проявляются черты проводимой советским руководством национальной политики. Советские

немцы должны были стать примером проводимых в СССР преобразований и повлиять на развитие революционной ситуации в Европе, прежде всего в Германии. Примером может служить обращение I Съезда Советов АССР Немцев Поволжья к германскому пролетариату от 6 января 1924 г., в котором заявлялось следующее: «свободные граждане советской Республики, где каждой национальности дано право и возможность культурного экономического и бытового развития, на весь мир провозглашаем свою маленькую Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья. Мы гордимся этим актом, как новым подтверждением того, что свободная жизнь национальностей обеспечена только советской властью» [2, Д. 499. Л. 9].

Республиканские власти сразу приступили к работе над составлением проекта Конституции. Однако, Центр заявил, что это расходится с национальной политикой государства и необходимо дождаться Конституции СССР. Таким образом, Конституция АССР НП появилась только в феврале 1926 г. и по многим пунктам лишала Республику своей автономии. Многие важнейшие вопросы жизни Немреспублики решались в Москве. Однако этот «советский» тип автономии в то время рассматривался в качестве важнейшей формы самоопределения народов России, имевшей целью «укрепление диктатуры пролетариата и интернационального единства народов нашей страны» [1, с. 182].

19 мая 1924 г. 2-я сессия ЦИК АССР НП приняла «Инструкцию по введению национального языка в АССР НП», согласно которой в школах ввдилось преподавание на немецком языке, делопроизводство должно было вестись на двух языках, двойное название получали и населенные пункты [2, д. 771, л. 40-45]. Политика «коренизации» в АССР немцев Поволжья, предполагавшая укрепление немцев как титульной нации, усиление роли немецкого языка во всех сферах общественной жизни, не принесла ожидавшихся результатов, поскольку противоречила общим интересам местной интернациональной русско-немецко-украинской партбюрократии.

В это же время наметился рост национальное недовольства между русским и немецким населением. «Русские выступали против перевода на немецкий язык и голосовали подчас против немецких кантонных работников. Немцы, с другой стороны, жаловались на то, что будто бы русские меньше платят налога и прочее.» [2, д. 891, л. 33-35]. В связи с чем в Республики наметился рост лиц, лишённых избирательного права по политическим

мотивам («лишенцев»). Он стал прямым следствием начавшейся в немецких сёлах «чрезвычайщины». В АССР НП удельный вес лишенцев за 1926–1929 гг. вырос с 1,4 % до 7 %. Остальная часть немецкого населения крайне нежелательно принимала участие в выборах, что спровоцировало рост идеологической работы, особенно среди молодого немецкого населения.

К 1927 г. республиканское руководство было вынуждено констатировать и провал политики «коренизации», а в 1930-е гг. началась борьба с фашизмом и национализмом.

На деле главное содержание национальной политики составляло искоренение всего собственно немецкого, этнонационального в разных сферах жизни, прежде всего — духовной. На ужесточение политики в отношении немецкого населения повлияло и изменение внешнеполитической ситуации. Социалистическая революция в Германии откладывалась на неопределенное время, отношения с Германией с каждым годом усложнялись. В сторону советского руководства стала поступать критика со стороны Запада на проводимую в стране национальную, экономическую политику. Прежняя «открытость» сменялась стеной, а АССР НП уже не играли роли показателя социалистических достижений.

Со второй половины 1930-х гг., с изменением курса государства на построение социализма в отдельно святой стране, проведением коллективизации и т.д. ужесточается политика и в отношении немецкого населения страны. Политика «коллективизации» спровоцировало рост эмиграционных настроений, что прежде всего, связывалось с провокационной работой «кулацких» элементов. В связи с чем следовало усилить агитационную работу среди бедняков по вовлечению в колхозы, ликвидировать неграмотность, обеспечить население учебным материалом на немецком языке, но с советской тематикой, уничтожить политическую «малограмотность» [3, с. 26-28]. В то же время происходило «наступление на кулаков», которые подвергались массовому раскулачиванию и выселению.

С приходом к власти в Германии фашистов, произошли серьезные переосмысления и национальной политики в отношении немецкого населения СССР. Исходя уже только из национального признака, немцам начинали подозревать в измене, профашистских настроениях. С 1934 г. начинаются массовые чистки в стране, которые коснулись большей части населения, но именно немцев было очень «удобно» обвинить в измене, создании фашистских тайных организаций и связях с Германией [2, д. 52, л. 94-95].

К 1937 г. был снят с поста первого секретаря обкома ВКП(б) РНП в политике ЦК ВКП(б) и арестован Е. Фрешер, после него на данный пост лица немецкого происхождения не назначались (Я. Попок, И. Аношин, С. Малов). Немцы оказались в меньшинстве в новом составе бюро обкома ВКП(б).

В политической сфере кампания «борьбы с немецким национализмом» выражалась в постепенном сужении и полной ликвидации национально-государственных аспектов автономии. Немецкий язык постепенно вытеснялся из государственных, и особенно партийных органов и учреждений Республики немцев Поволжья, немецких национальных районов.

Летом 1937 г. в рамках так называемой «немецкой операции» органами НКВД СССР было сфабриковано крупное дело о существовании в Республике немцев Поволжья мощной подпольной националистической фашистской организации, ставившей якобы своей целью свержение советского строя, помощь Германии в подготовке к войне с СССР. В качестве руководящего ядра этой «организации» фигурировали практически все настоящие и бывшие партийные и советские деятели Немреспублики с момента её образования (Е. Фрешер, А. Вельш, Г. Люфт, И. Шваб, В. Курц, Г. Фукс, Г. Клиндер, А. Моор, А. Шнейдер, Х. Горст, И. Шенфельд, Г. Кёниг и др.).

Таким образом, в национальной политике сталинского режима по отношению к советским немцам всё явственнее просматривались неприязнь и враждебность, что нанесло серьёзный урон немцам, особенно в области национальной культуры.

Источники и литература

1. Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 1. Оп. 1.
3. Из истории немцев Казахстана: Сб. документов. М., 1997.
4. История российских немцев в документах (1763-1992 гг.). М., 1993.
5. Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. М., 1997.

СОВЕТСКОЕ ВНЕШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПОСТРЕВОЛЮЦИОННАЯ НОВАЦИЯ И ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Мусафинов М.К.

*преподаватель, методист первой квалификационной категории,
Государственное автономное профессиональное образовательное
учреждение «Орский индустриальный колледж» г. Орска Оренбургской
области, г. Орск*

Аннотация. В данной статье сделана попытка рассмотреть историю — педагогическую проблематику становления и развития советского внешкольного воспитания как постреволюционную новацию, а также охарактеризовать её ключевые особенности и значение для развития советского общества.

Ключевые слова: СССР, советское внешкольное воспитание, культ личности, дополнительное образование детей.

Key words: USSR, soviet out-of-school education, personality cult, additional education for children.

Октябрьская революция стала рубежным событием в российской истории. Она привела к общественно-политическим новациям, в том числе в системе образования и воспитании подрастающего поколения. Заложённая в революционные годы внешкольная система стала основным проводником марксистско-ленинской идеологии среди детей и молодёжи.

Тема истории воспитания и образования в целом и советского внешкольного воспитания, как самостоятельного феномена, привлекала внимание многих исследователей. В советской историографии следует выделить В.К. Криворучко и Л.С. Цветлюка [5]. Отдельные вопросы становления системы отечественного образования рассматриваются в работах Н.А. Каргапольцевой [9], Л.Б. Алимовой и С.В. Романович [3], С.И. Ельниковой [4], И.Ю. Юрочкиной [13].

В 1917 году советская власть включила внешкольное образование в систему Народного просвещения. Был создан и специальный отдел, занимав-

шийся внешкольным образованием, задача которого заключалась в работе с молодёжью во внеучебное время [10].

В 2018 году отмечалось 100-летие системы внешкольного воспитания, годом рождения которой считается 1918 год, когда было создано первое государственное внешкольное учреждение — «Станция юных любителей природы», открытое в Москве. Исходя из этого, можно констатировать, что внешкольная система это продукт именно революционного периода нашей истории [9]. Начиная с этого периода, воспитание понималось как «целенаправленная деятельность педагогов и учреждений по формированию у воспитуемых желательных для воспитания качеств», именно оно было положено в концептуальной основе советской системы теории воспитания подрастающего поколения [5]. В 1918 году начали работать и детские кружки при партийных ячейках [9].

Начало формирования данной концепции связано с итогами съезда по просвещению и работы внешкольных секций в 1919 году. По инициативе партийных, профсоюзных и комсомольских организаций создавались объединения пролетарских детей. После установления советской власти внешкольная работа в основном велась клубами. Значительный вклад внёс и профессор Е. Н. Медынский, опубликовавший работы: «Методы внешкольной просветительной работы» и «Энциклопедию внешкольного образования» [9]. Его идеи были сформированы на основе осознанных потребностей общества в период революции и гражданской войны.

Понимая значение подрастающего поколения в сохранении власти, с учётом начавшейся гражданской войны, в 1918 году был создан Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи. В двадцать шестом году эта организация была переименована во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (ВЛКСМ). РКСМ стала эффективным инструментом в годы гражданской войны. Им было проведено несколько мобилизаций молодёжи на фронт. В сложный военно-политический период РКСМ направил на фронт более семидесяти тысяч членов. Комсомольцы стали и активными участниками подполья. Данная организация стала социальным лифтом, позволявшим сделать успешную карьеру в существовавшей социально-политической реальности, продолжая идеологически — воспитательную работу пионерских организаций [12].

В Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 году, была выдвинута перспективная социальная и педагогическая задача подготовки

из подрастающих поколений всесторонне развитых членов коммунистического общества [13, 3].

С 1921 года Главное внешкольное управление становится подразделением Наркомпроса. Его задачей было руководство политической, просветительской и агитационно-пропагандистской работой в духе идеалов новой власти, курирование работы пионерской и комсомольской организаций, выполнявших важнейшую воспитательную функцию — формирование нового советского человека с доминирующими ценностями коллективизма, атеизма и верности марксистско-ленинской идеологии [11].

Непосредственным куратором этой работы являлась Н. К. Крупская, подчеркивая значимость внешкольной работы, отмечая, что она может помочь правильному воспитанию детей, создать условия для их всестороннего развития. Однако А. В. Луначарский определял задачи внешкольного образования в контексте включения в его орбиту, прежде всего, взрослого населения страны [6].

Двадцатые годы были характерны поэтапным развитием исследуемой системы. Ключевой стала и проблема организации досуга школьников во внеучебное время и их предпрофессиональное развитие, для ускорения их адаптации к профессиональной деятельности в промышленности и народном хозяйстве [8;9].

19 мая 1922 года была создана пионерская организация, трансформировавшая скаутскую идею, существовавшую в поздний период Российской империи, под свою идеологическую платформу. Её также можно рассматривать как институт защиты завоеваний большевиков, направленный на воспитание подрастающего поколения. В её функционал была положена воспитательно-идеологическая работа, направленная на формирование достойных наследников революции и будущей советской элиты [6], вкпе с Всесоюзным Ленинским Коммунистическим Союзом Молодёжи.

Несмотря на изменение в тридцатых годах термина «внешкольное образование» на «внешкольное воспитание», особо значимых изменений не происходило. Сущность и основные задачи внешкольной системы оставались теми же. В сталинский период подрастающее поколение рассматривалось как целевая аудитория для пропаганды. В этот период была создана методико-информационное издание «Сталинская Конституция и советская молодёжь». Вышедшая из печати в 1937 году она стала основой по постро-

ению правильной идеологической работы в юношеской и молодёжной среде [1, 112]. Сохранилась и цель — создание нового советского человека, который смог бы стать необходимым, «полезным винтиком», теперь уже в контексте существовавшего культа личности вождя. Культ личности был широко внедрён во внешкольную работу. Необходимо отметить, что воспитание детей и молодёжи в двадцатых и тридцатых годах прошлого века определялось как стратегическая задача советских органов государственной власти [5].

Одним из ярких примеров внедрения культа личности советского вождя в систему советского внешкольного воспитания является работа исторического кружка, функционировавшего на базе школы №2 города Орска Чкаловской (нынешней Оренбургской) области, который активно выделялся органами местной советской власти. Силами этого кружка в честь семидесятилетия со дня рождения И. В. Сталина была проведена конференция, посвящённая жизни и деятельности вождя советского государства, на которой идеологически целенаправленно разбирались, каким он был в молодости, во время гражданской войны, о его личном вкладе в развитие СССР, а также говорилось о его роли в Великой Отечественной войне. В кружке школьниками рассматривались и изучались актуальные идеологически одобренные пропагандистские темы [2, 54].

С двадцатых годов в СССР начинается процесс расширения сети внешкольных учреждений по всему Советскому Союзу. Открывались как многопрофильные так однопрофильные учреждения Министерства Народного Просвещения, Министерства культуры, а также других министерств и ведомств [7;8].

Многие добившиеся больших профессиональных успехов авиаторы и моряки занимались в авиамodelьных и судомodelьных кружках. Именно этот этап стал первой ступенью в достижении ими поставленных целей. Среди них можно выделить авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева, военного летчика-аса, трижды Героя СССР Александра Ивановича Покрышкина [9].

На основе изученных нами научных публикаций, неопубликованных архивных документов, мы можем констатировать, что советское внешкольное воспитание является постреволюционной новацией. Несмотря на активно внедрённую идеологическую работу, советское внешкольное воспитание являлось и важным инструментом развития человеческого капитала, а также

эффективным социальным лифтом. Необходимо также отметить, что существовала большая потребность со стороны как общества, так и государства в работе учреждений советского внешкольного воспитания и развития данной исследуемой нами системы.

Источники и литература

1. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.1-М. Оп. 3. Д. 186. Л. 112.
2. ОФ ГАОО (Орский филиал Государственного архива Оренбургской области). Ф. р-1, Оп. 1, Д. 121. Л. 54.
3. Алимова Л.Б., Романович С.В. Оценка качества образования в системе университетского комплекса // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). — Оренбург: Изд-во ООО ИПК «Университет», 2013. — С. 13-18.
4. Ельникова С.И., Балыхина Т.М., Алимова М.В. Толерантное педагогическое общение: проблемы и рекомендации // Вестник Российского университета дружбы народов. серия Вопросы образования: языки и специальность. — 2012. — № 3. — С. 116-128.
5. Криворученко, В. К., Цветлюк, Л. С. Советское общество в воспитании молодёжи. 1917 — 1941 гг. / В. К. Криворученко, Л. С. Цветлюк // Знание. Понимание. Умение. — №4. — 2011.
6. Луначарский, А. В. О воспитании и образовании / А. В. Луначарский. — М., 1976. — 368 с.
7. Мусафиров, М. К. История, особенности, значение и развитие системы внешкольного воспитания в Оренбургской области во второй половине XX века / М. К. Мусафиров // Деонтология, педагогика және психологияның өзекті мәселелері : теория және практика : Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. — Астана: ЖҚС «Идеал — ИС 2009», 2016. — С. 411 — 417.
8. Мусафиров, М. К. Становление и развитие системы внешкольного воспитания в Оренбургской области во второй половине XX в. (историко-педагогический аспект) / М. К. Мусафиров // Научно-педагогическое обозрение. — 2018. — № 3 (21). — С. 231-237.

9. Мусафиров, М. К., Каргапольцева, Н. А. Внешкольное воспитание в Оренбуржье во второй половине XX века : монография / М. К. Мусафиров, Н. А. Каргапольцева. — Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2020. — 149 с. — ISBN 978-5-4417-0846-3.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 — 1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942, — 1483 с.
11. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — М., 1921.
12. Сулемов, А. В. Взаимоотношения коммунистических партий и союзов молодежи: уроки истории и современность / А. В. Сулемов. — М.: НИЦ, 1991.
13. Юрочкина, И. Ю. Становление и развитие дополнительного образования детей на территории Западной Сибири (конец XIX — начало 90-х гг. XX вв.) : дис. ...канд. пед. наук : 13.00.01 : Новосибирск, 2007. — 238 с. — РГБ ОД, 61:07-13/2817.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. В СИБИРИ КАК ФОРМА НОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

Попов Е.В.

*старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и правоведения,
Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре
Омская область, г. Тара*

Аннотация. В данной статье представлен обзор разных научно-общественных подходов по оценке проводимой государством переселенческой политики в отношении Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Определены новые тенденции в миграционной политике этого периода и отношение к ней со стороны общественности. Правительство этого исторического периода представило новую программу построения полноценного геополитического проекта взаимодействия России и ее важных внутренних составных частей, прежде всего, Сибири.

Ключевые слова: геополитический проект, переселенческая политика, имперские эксперты.

Key words: geopolitical project, resettlement policy, imperial experts.

Проблема обсуждения переселенческого вопроса, всегда была одной из самых острых в отечественной историографии, при этом ракурсе дискурса всегда имел разные стороны споров. Во второй половине XIX в. когда уже намечались первые меры по выработке конкретных решений в сфере переселенческого движения, а Сибирь, рассматривался как регион, который мог принять существенную долю мигрантов. Под действием факторов, которые не только не переставали действовать, а даже наоборот только усиливались, правительство вынуждено было действовать в определенном цейтноте.

Выработка любого решения, всегда носит дискуссионный характер, а так же содержит в себе предложения от разных сторон участвующих в решении вопроса. Сложилось сразу несколько направлений, которые высказывали свое отношение к решению переселенческого вопроса: первая

позиция озвучивалась представителем правительства государства; вторая позиция шла от либеральных кругов общественности; третья позиция озвучивалась национально-консервативной общественностью; и наконец четвертая, которая несомненно имела практический опыт в решении переселенческого вопроса высказывали чиновники местных органов самоуправления.

За достаточно длительный период развития переселенческого движения сформировался целый спектр мнений, дискуссий, научных воззрений, которые только указывали на то, что проблема на самом деле на государственном уровне не была окончательно решена.

На государственном уровне еще в первой четверти XIX в. были сделаны первые шаги в сторону решения крестьянского вопроса, в том числе с помощью активной переселенческой политикой, однако тогда это было направлено только на государственных крестьян. Позже реформы в этом направлении во второй половине XIX в. приняли характер более активный, но с консервативным уклоном со стороны государства, поскольку огромную роль в принятии решений играла национально-консервативная общественность, особенно широко представленная в правительстве.

Так, А.А Кауфман полагал, что переселения в Российской империи сами по себе ничего нового не представляют, но в сравнение с американским и европейским опытом, имели свою специфику [6, 11].

Данную специфику отмечал князь Васильчиков, он считал что в России переселения носили характер бытовой, и составляли часть народной жизни, а вот европейский опыт носил характер не иммиграции, а эмиграции, выезд эмигрантов в другие государства в Австралию, Америку, и соответственному разному типу миграции были присущи свои особенности, которые во многом определили в будущем способ ведения хозяйственной деятельности.

Еще одна особенность, переселенческого движения в России в сравнение с аналогичными переселениями европейцев в Америку, заключалось в том, что русские мигранты направлялись в отдаленные места своего же государства, тем самым в отличие от европейцев они не разрывали свои связи с родиной.

Об этом писал Ф.Г. Тернер «Россия обладала в своих азиатских владениях свободными землями, на которые могли изливаться избытки сельского населения, переселенцы не только не разрывали связи со своим

отечеством, но служа, напротив того, большому сплочению этих дальних стран с Россией» [10, 35].

Эти мнения только подтверждали абсолютно разные подходы к реализации переселенческой политики как инструмента решения ряда в том числе политических, экономических вопросов внутри государства, а так же внешнеполитических задач. Как результат абсолютно иной вид колонизации в сравнении с Европой, если там шел процесс выселения из стран, то в России заселение ее окраин. В целом для России в колонизационной политике, отчасти нет ничего нового, поскольку по мнению того же В.О. Ключевского, колонизация это одна из главных особенностей исторического пути развития России.

О.Г. Тернер так же отметил, что колонизационная политика, это чисто внутренняя истории России, которая играла концептуальную роль в ее развитии [10, 45].

Примерно в том же русле выступали публицисты начала XIX в. например, Н.И. Надеждин полагал что «как о к основному ядру» империи, где «география имеет чисто Русскую физиономию», где расположена «коренная Русская земля», присоединяются в Азии и Северной Америке новые земли [4, 79].

Историк Сибири П.А. Словцов считал, что Сибирь это часть России, которая передвинулась за Урал, а сотрудник российского посольства в Китае Ф.Ф. Вигель в 1805 г. полагал, что Сибирь это тот регион, где в будущем сможет себя найти быстро растущее населения страны [8, 26].

М.И. Венюков видел в переселенческом процессе концептуальную основу для закрепления новых территорий, особенно азиатских. Его идея заключалась в том, что народы необходимо включить в имперское пространство, а сделать это возможно только с помощью колонизационной политики, переселением крестьян в Сибирь [2, 78].

Н.И. Данилевский в своей книге «Россия и Европа», считал что колонизация это растянутый во времени процесс, где русские племена поэтапно заселяли и осваивали новые территории, что как следствие расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В целом Н.И. Данилевский полагал, что в каждом географическом сегменте России выражалась сама суть русской государственности [5, 23].

Видный исследователь Азии П.П. Семенов Тянь-Шанский поставил вопрос: а было ли движение в Сибирь случайным «или неотразимым

последствием естественного роста русского народа и русского государства»? [11, 59].

Этот вопрос был не случаен, потому что в нем была попытка преодолеть ранее высказанные позиции, в частности необходимостью закрепить новые территории именно с помощью переселенческой политики.

В идеях П.П. Семенов Тян-Шанского прослеживается соединении трех основных идей «исторического призвания» русского народа, установления «естественных границ» и складывания русской национальной территории [11, 56].

Идея формирования нового геополитического проекта в контексте переселенческого движения в Сибирь, всегда привлекало экспертов, особенно на уровне правительственных кругов. На самом деле здесь можно говорить о формировании новых геополитических подходов к региону, так например Западная Сибирь пополнялась огромным количеством русского населения, а Восточная ее часть могла бы пройти тот же путь, но это зависела полностью от путей сообщения, с помощью которых можно было бы связать регионы.

По мнению П.П. Семенова Тян-Шанского это не просто переселенческое движение в Сибирь, а это новый геополитический проект.

Идеи нового геополитического проекта поддерживал Д.И. Менделеев, его взгляды очень близки с П.П. Семеновым Тян-Шанского, в частности он считал, что Россия «назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира». Деление на Европейскую и Азиатскую Россию он считал искусственным уже в силу единства «русского народа (великороссы, малороссы и белорусы)» [11, 32].

Евразиец Г.В. Вернадский проанализировал движение народов и пришел к выводу, что движение западно-германских племен на запад и славянских на восток сомкнулись на границе Аляски и Канады. [4, 99].

Однако, это научные воззрения публицистов и ученых, была и иная позиция непосредственно связанных с геополитическим проектом экспертов, а именно военных экспертов и аналитиков. Это часть имперских экспертов представлена военными, которые высказывали свою позицию по переселенческому движению в Сибирь, тем более что она частично вписывалась в систему военной доктрины. В самой военной науке есть понятие «политика населения», которая подразумевала вмешательство со стороны государства в переселенческую политику для решения, в том числе, военных задач.

Перед государством в отношении Сибири и Дальнего Востока стояла две задачи: первая, это окончательное закрепление этой части России с помощью активной миграционной политики; вторая, заселение православным населением данной территории, особенно эту позицию поддерживало националистически настроенная часть русского дворянства.

В данном контексте мыслил военный министр А.Н. Куропаткин, который полагал, что регион необходимо заселять именно великорусским и православным населением, территорию раздели на четыре района, три из которых уже были освоены именно этой категорией населения, а вот четвертый нуждался в дополнительных мерах. По мнению А.Н. Куропаткина России предстояла огромная работа по освоению и заселению Сибирского края [7, 123].

Председатель Комитета министров и вице — председатель Комитетов Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге, так же говорил о более активной политики заселения края, для того чтобы стереть все различия, которые имелись на данный момент, поэтому надо всячески способствовать процессу переселению населения, России необходимо реально соединить две территории Азиатские владения и Европейскую Россию [1, 46].

Националистический подтекст в рассуждениях имперских экспертов прослеживался на все уровнях правительственных кругов, то же Н.Х. Бунге отмечал, что «возможному напору желтой расы надлежит противопоставить в Сибири культурную силу русского народа, стойко охранявшего целостность государства на всех других его окраинах» [1, 147].

Об изменениях и значение активного переселенческого движения мигрантов за Урал в геополитическом проекте высказался С.Ю. Витте, который неоднозначно изначально оценивал возможности переселений, но вот в качестве инструмента он подразумевал ее использования. Он достаточно высоко ценил ментальные качества русского мигранта, в частности полагал, что Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал — в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги» [3, 11].

С.Ю. Витте возлагал большие надежды на русских переселенцев, которые во многом могли изменить не только образ новых территорий, но принести туда иные формы самосознания, что отчасти и произошло. В целом, если отстраниться от геополитического проекта, то многие эксперты даже

не предполагали какие реально изменения могли произойти, с точки зрения и иных аспектов, культурного, социального, религиозного, экономического, психологического.

Еще дальше в геополитическом проекте пошел П.А. Столыпин, который хотел колонизировать сопредельные территории с Китаем, «на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа» [9, 39].

После проигранной войны с Японией, геополитический проект не потерял своей актуальности, а наоборот получил второе дыхание, так князь Васильчиков заявил о более тщательной колонизационной политике в отношении Дальнего Востока. Правительство пересмотрело частично геополитический проект после поражения от Японии, но концептуально его не видоизменило, сделал акцент на Дальнем Востоке.

Национальная политика выражалась в насаждении новых институтов, в формировании новой нации, более однородной на новых территориях. Данный подход в русской истории не новый, и всегда рассматривался своего рода сверхзадачей, ее реализация осталась в основном в планах, поскольку окраины так остались не русифицированные, а многие народы с трудом понимали, но при этом достаточно хорошо себя чувствовали в едином социальном пространстве.

Оценивая переселенческую политику как часть национального геополитического проекта, можно отметить, что черты «русскости» в Сибири появляются это видно по привычкам, обычаям, постройкам, ведением хозяйственной деятельности, но несмотря на это все равно проявлялись сибирские особенности, сибирский рационализм и подход во всем. Таким образом, в процессе реализации проблемы сформировалось сразу несколько компонентов, это экспертное сообщество, которое было разным по составу, уровню влияния на власть, политическим убеждениям, и сообщество экспертов на уровне структурных и организационных подразделений в системе Переселенческого управления. Именно последнее в себе аккумулировало целую плеяду талантливых специалистов, которые непосредственно на практике каждый день помогали мигрантам в решении их хозяйственных, финансовых и иных проблем.

Анализируя позиции разных экспертных сообществ можно с очевидностью определить, что на ранних этапах государство практически никак не обращало внимание на их позицию, практически полностью игнорирова-

ло, и только внутренние обстоятельства заставили обратить внимание и более активно решать эту важную проблему в контексте внутренней политики. Это свидетельствовало о том, что экспертное сообщество играло небольшую роль в формировании правительственной позиции по решению этого вопроса, да и своих экспертов на этом уровне не хватало.

Однако несмотря на противоречие разных научных экспертных сообществ, именно во многом благодаря с одной стороны более либеральной открытой позиции министров в совокупности с политическим, моральным давлением со стороны как оппозиционного, так и провластной части общества, переселенческий вопрос вступил в активную стадию реализации.

Источники и литература

1. Бунге Н. Х. Очерки политико-экономической литературы / Н.Х. Бунге. — Санкт-Петербург : тип. В. Киришбаума, 1895. — VI, 465 с.
2. Венюков М.И. Очерки современного Китая / [Соч.] М. Венюкова. — Санкт-Петербург : тип. В. Безобразова и К^о, 1874. — 252 с.
3. Витте С.Ю. Воспоминания : [В 3 т.] / С. Ю. Витте ; [Коммент. А. В. Игнатъева, А. Г. Голикова]. — Таллинн : АО «Скиф Алекс». — Т. 3: 17 октября 1905-1911 : Царствование Николая II. — М. ; Таллинн : АО «Скиф Алекс», 1994. — 605 с.
4. Вернадский Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. — М. : Айрис-пресс, 2002. — 358 с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа [Текст] : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — Москва : Академический проект, 2015. — 602 с.
6. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. — С.-Петербург: Книгоиздательство и книжный магазин т-ва «Общественная Польза», типография т-ва «Общественная Польза», 1905. — 444 с.
7. Куропаткин А. Н. Кашгария : Историко-геогр. очерк страны, военные силы, промышленность и торговля : Труд А.Н. Куропаткина, полк. Ген. штаба д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. — Санкт-Петербург : Имп. Рус. геогр. о-во, 1879. IV.- 435 с.
8. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири : Кн. 1-2 / [Петр Словцов]. — Москва : тип. А. Семена, при Медико-хирург. акад., 1838-1844. — 2 т.; 22. — 589 с.

9. Столыпин, П. А. Поездка в Сибирь и Поволжье : Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. — Санкт-Петербург : тип. А.С. Суворина, 1911. — 170 с.
10. Тернер Ф.Г. Государство и землевладение / [Соч.] Ф. Тернера. Ч. 1-. — Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1896-1901. — 325 с.
11. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары П.П. Семенова-Тянь-Шанского. — Петроград : изд. семьи, 1915-1917. — 345 с.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ В ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО ПО РЕФОРМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1802 ГОДА

Сайгафаров Р. Г.

*учитель истории и обществознания,
Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение
«Брединская средняя общеобразовательная школа №1»,
п. Бреды, Челябинская область, Россия*

Аннотация. В статье дается анализ преобразования центрального государственного управления Российской империи в начале XIX века. Предметом исследования является министерская реформа 1802 года, в рамках которой по манифесту «Об учреждении министерств» Военная коллегия была преобразована в Министерство военных сухопутных сил.

Ключевые слова: Военная коллегия, Военное министерство, министерская реформа.

Keywords: Military collegium, Ministry of War, ministerial reform.

История развития военного дела в нашей стране весьма богата и имеет много поучительных страниц. В связи с этим особую научную актуальность и практическую значимость приобретают глубокое изучение и всестороннее обобщение богатого исторического опыта создания и развития Военного министерства в начале XIX века.

Изучение реформ, развития государственного управления и законодательства в период правления Александра I — это тема, которая привлекала внимание многих историков, начиная с дореволюционного периода [12; 13; 14]. В работах Н.В. Коршуновой [3] и Л.Ф. Писарьковой [10] рассматриваются реформы государственного управления первой четверти XIX века в целом, эволюция права и законодательства в контексте формирования новых институтов и норм изучалась Л.Б. Алимовой [1], в том числе проблемы государственного регулирования разных сфер социально-экономической жизни общества [2]. В то же время, работ, посвященных собственно военным пре-

образованиям, особенно связанным с деятельностью Военного министерства не так много [4], что в значительной степени актуализирует изучение данной проблематики.

Коллегиальная форма центрального государственного управления, возникшая в начале XVIII века и достигшая своего наивысшего развития в эпоху Екатерины II, в начале XIX века испытывала определенные трудности. Вся административная система уже в конце XVIII века находилась в состоянии упадка. Доказательством этого служат два письма цесаревича Александра Павловича. «В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон, — пишет он другу юности графу Кочубею 10 мая 1796 года, — все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду...» [5, с. 4]. Во втором письме Лагарпу, отправленное 27 сентября 1797 года из Гатчины, Александр писал: «известны различные злоупотребления, царившие при покойной Императрице; они лишь увеличились по мере того, как ее здоровье и силы, нравственные и физические, стали слабеть. Мой отец по вступлении на престол захотел преобразовать всё решительно. Его первые шаги были блестящи, но последующие события не соответствовали им. Всё сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился еще более. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Выбор исполнителей основан на фаворитизме, достоинства здесь не при чем» [11, с. 2].

Во введенной Петром I коллегиальной форме центрального управления к концу XVIII века выявились серьезные недостатки. В коллегиях царили круговая порука и безответственность, прикрывавшие взяточничество и казнокрадство. Кроме того, коллегиальность решения большинства вопросов требовала обязательного присутствия всех членов коллегии и большой «бумажной волокиты», что вызывало промедление большинства дел. Преобразования Павла I имели лишь частичный успех, поэтому уже к концу его правления людям, причастным к управлению страной, было ясно, что в таком виде государственная машина дальше существовать не может.

Таким образом, в начале XIX века назрела необходимость преобразования системы органов центрального государственного управления. Это преобразование было осуществлено в рамках министерской реформы 1802 года, которая привела к изменению всей системы управления в Российской империи и возникновению «Министерства военных сухопутных сил».

В результате министерской реформы 1802 года возникло восемь министерств. Учреждение Министерства военных сухопутных сил было провозглашено манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 года [6, с. 244]. В соответствии с ним Государственная Военная коллегия была подчинена министру военных сухопутных сил. Указом Сената «Об образовании первых трех коллегий» от 8 сентября 1802 года, первым министром был назначен генерал от инфантерии (и бывший вице-президент Военной коллегии) С. К. Вязмитинов [6, с. 248].

Процесс преобразования Военной коллегии в Военное министерство занял в России около 10 лет, с 1802 по 1812 годы. Этот процесс можно условно разделить на два этапа: 1) начальный 1802-1810 годы, который характеризуется смещением коллегияльных и новых органов в структуре военного ведомства; и 2) заключительный 1811-1812 годы. Для которого характерно окончательное утверждение принципа единоначалия и верховенство власти военного министра.

Начальный этап преобразования связан с именами первых двух министров: Сергея Козьмича Вязмитинова (1802-1808) и Алексея Андреевича Аракчеева (1808-1810).

В этот период министры практически не вмешивались в текущие дела коллегий, лишь в особых случаях разрешая их спорные вопросы под свою ответственность. Это, соответственно, не позволяло ввести в действие принцип единоначалия, отличающий министерское учреждение от коллегии, что в определенных случаях затрудняло управление министерством, усложняло делопроизводство, замедляло принятие решений и их выполнение.

Принцип единоначалия — это принцип организации управления, свойственный централизованным, линейным структурам управления, состоящий в том, что главные функции концентрируются в руках одного лица — руководителя [10].

Таким образом, создание Министерства военных сухопутных сил не означало упразднение Военной коллегии, а вхождение в состав Министерства не вело к ее полному подчинению как структурного подразделения. Двойственность положения Военного министерства не отвечала сути существования такого учреждения, призванного оперативно решать вопросы, связанные с ведением активных военных действий.

В 1810 году, с назначением нового военного министра, генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, начинается заключительный этап.

Преобладающее внимание было сосредоточено на разработке проектов «Учреждения Военного министерства» и «Учреждения для управления большой действующей армии», правовых актов, направленных на изменение всей структуры центрального военного управления в мирное и военное время. Для разработки этих проектов была создана «Комиссия для составления военных уставов и уложений». Во главе комиссии стоял директор — статс-секретарь действительный статский советник М. Л. Магницкий [13, с. 170].

Проект «Учреждения Военного министерства» комиссия должна была переработать согласно «Общему учреждению министерств», изданному 25 июня 1811 года [7, с. 626, 769]. К ведению Военного министерства «Общее учреждение министерств» относило «все военные сухопутные силы, в составлении их, в устройстве, продовольствии, снабжении и движении» [13, с. 172].

Задача создания новой системы военного управления, основанной на принципе единоначалия, была возложена новым военным министром М. Б. Барклаем де Толли на комиссию для составления военных уставов и уложений. В короткие сроки эта комиссия разработала и представила ему проекты двух учредительных документов — «Учреждение Военного ведомства» и «Учреждения для управления большой действующей армии» [13, с. 177]. 27 января 1812 года, эти акты были утверждены императором Александром I [13, с. 177].

«Учреждение Военного ведомства» от 27 января 1812 года, вводило в структуру военного министерства единообразное и централизованное устройство в соответствии с «Общим учреждением министерств» от 25 июня 1811 года [13]. Военное министерство возглавлял военный министр. Военная коллегия упразднилась.

Определению специфики «фронтового» управления большой действующей армии в военное время было посвящено «Учреждение для управления большой действующей армии» от 27 января 1812 года [13, с. 43-64].

Отечественная война 1812 года и заграничный поход русской армии 1813-1814 годов, внесли свои коррективы в структуру Военного министерства, что выразилось в учреждении Главного штаба Е. И. В в 1815 году. При этом новое учреждение было доминирующим органом, а Военное министерство находилось в подчинении у него, деятельность которого была ограничена хозяйственным управлением в военно-сухопутной сфере [8, с. 399, 402].

Таким образом, преобразование Военной коллегии в Военное министерство заняло в России около десяти лет (1802-1812). В процессе этого

преобразования был пройден путь от коллежской, смешанной коллежско-министерской к министерской форме государственного управления, основанной на принципе единоначалия. Отныне вся полнота власти была сосредоточена в руках военного министра, а руководители департаментов и другие чиновники стали его подчиненными. С каждым из первых трех военных министров связано изменение структуры и компетенций органов военного ведомства, однако, окончательная централизация военного управления наступила в 1812 году и связана с «Учреждением Военного ведомства» от 27 января 1812 года. Отечественная война и другие военные действия, внесли необходимость создания Главного штаба Е. И. В., заложив тем самым тенденцию к децентрализации военного ведомства России.

Источники и литература

1. Алимova Л.Б. Законы о роскоши в императорской России : монография. — Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. — 196 с.
2. Алимova Л.Б. Власть и народная культура: художественные промыслы Урала в системе государственного регулирования экономики в XVIII — начале XX веков : монография. — Орск: Изд-во ОГТИ, 2003. — 65 с.
3. Коршунова Н.В. «Либеральная диктатура» Александра I: реформы в России в первой четверти XIX века : монография. — М.: Изд-во МГОУ, 2002. — 250 с.
4. Коваленко А.Ю. Военные реформы в России в первой четверти XIX века. — М.: Компания Спутник, 2004. — 167 с.
5. Покровский С. П. Министерская власть в России. — Ярославль, 1906. — С. 345.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1). — Т. 27, № 20406. — С. 244.
7. ПСЗ-1. — Т. 31, № 26021. — С. 399, 402.
8. ПСЗ-1. — Т. 32, № 24971. — С. 23, 35.
9. ПСЗ-2. — Т. 7, № 5318. — С. 225-240.
10. Писарькова Л.Ф. Государственное управление в России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение. — М.: Новый хронограф, 2012. — 448 с.

11. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — М.: ИНФРА, 1999, с. 479.
12. Столетие военного министерства 1802-1902. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 год. — СПб.: типография поставщиков двора Е.И.В. товарищества М.О. Вольфа, 1911, Т. 3, Отд. 6. — С. 362.
13. Столетие военного министерства 1802-1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра I. — СПб.: типография Н.П. Собко, 1904, Т. 2, Кн. 2. — С. 810.
14. Столетие военного министерства 1802-1902. Исторический очерк развития военного управления в России. — СПб.: типография П.О. Пантелеева, 1902, Т. 1. — С. 679.

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ СССР, СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И США В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сухолитко О.А.

*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет»,
Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье поднимется проблема появления неформальных молодёжных субкультур в СССР в 1980-х — начале 1990-х гг., выявляются и анализируются истоки, общие черты и особенности субкультур СССР, стран Европы и Америки в контексте социокультурного взаимодействия.

Ключевые слова: неформальная субкультура, взаимодействие, глобализация.

Keywords: informal subculture, interaction, globalization.

Молодёжные субкультуры и все её разновидности — это, прежде всего, явление западное. И существовавший в СССР «железный занавес» до периода перестройки никак не мог предотвратить рвение молодых людей примкнуть к таким привлекательным иностранным течениям, что породило активное развитие к оформлению молодёжных субкультур. В Советском Союзе о них говорили, как о неформалах.

Молодёжные субкультуры начали зарождаться, прежде всего, в США, а затем уже в Западной Европе. Те же самые процессы происходили в СССР, но с определённым отставанием.

В нашей стране о существовании молодёжных субкультур начали говорить в период перестройки и постперестройки в работах Е.Г. Бааль [3], Б.В. Ерасова [4], А.А. Казанниковой и Н.Л. Чукарина [6] появились первые исследования на тему о понятии «молодёжная субкультура» и его содержания. Одновременно в теоретических исследованиях этого периода поднимаются проблемы социокультурного взаимодействия [2] в разных контекстах

на примере отдельных жанров и видов искусства в разные исторические периоды [1].

В 1960-х гг. в США зарождается философия хиппи. В СССР подобное неформальное объединение имело не так много последователей, однако субкультура сформировала свой особый сленг и символику. Субкультура пришла в страну примерно в это же самое время. Интересен тот факт, что достаточно большое количество слов из поколения хиппи 1980-х гг. перекочевало и в современность.

Средства массовой информации в Советском Союзе формировало образ субкультуры хиппи как негативный, неопрятный, безыдейный, что совершенно несопоставимо с идеалом молодого человека советского общества — активного строителя коммунизма. Однако в США оппозиционное движение молодёжи против традиционных устоев культурной жизни трактовалось немного в другом контексте и рассматривалось как выражение собственной индивидуальности людей современного общества.

Несмотря на то, что СССР имел тенденцию отставать от стран Запада, самая популярная и яркая субкультура — стилиаги, зародилась именно в СССР. Однако существуют исследования о том, что молодёжное движение зародилось намного раньше, и никак не в СССР. Дальними родственниками субкультуры можно считать движение сороковых годов в Америке и пятидесятых в Великобритании.

Термин «zoot suits», который обобщает отличительную одежду молодых людей, похожую на советских стилиаг, зародился в 1930-х гг. в Гарлеме, районе Нью — Йорка. Именно отсюда берут истоки стилиаги. Подобные молодёжные движения, на фоне взаимодействия и перенимания культуры, появились и в Германии, однако там подобная субкультура находилась в строжайшем запрете. Что же касается СССР, то здесь социальный протест стилиаги показывали своим традиционным танцем — буги-вуги. В этом направлении советская молодёжь постоянно искала альтернативы и привносила что-то своё новое и неповторимое в модный танец. Очень ярко и красочно протест этой молодёжной субкультуры быть не такими, как все, изображается в киноленте режиссера Валерия Тодоровского, отснятой в 2008 году — «Стилиаги».

Отношения властей к подобной организации, так же как и к хиппи, было отрицательным [3, 258]. Правительство представляло молодёжь, которая следовала идеям стилиаг, практически врагами народа под лозунгом:

«Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Подобные лозунги, в какой — то мере, прослеживались и в Германии.

Субкультура, которая в СССР периода перестройки определилась как достаточно смутная и размытая, именовалась ньювейверами. Меломанская культура, которая предпочитала слушать редкие андеграунд-группы, пост-панк и тому подобное. За особые предпочтения в музыке их часто принимали за панков, а внешний вид путали со стилистами [4, 317]. Ньювейверы считаются «новыми романтиками» постпанковской эстетики, так как многое было позаимствовано из мрачного стиля панков, а также байкеров, которые получили своё первоначальное развитие в Америке. Первых байкеров называли «харлеистами» — по известной марке мотоцикла «Harley-Davidson». Полное признание эти мотоциклы получили в 1930-х гг. в США. В 1940-х гг. ряды байкеров пополнились за счет ветеранов второй мировой войны. Сами представители молодёжной субкультуры считали себя эталоном в моде, не пренебрегали экспериментами во внедрении различных зарубежных стилей, пытаясь доказать всем уникальность своего протеста.

В 1960-х гг. под влиянием The Beatles и The Rolling Stones в Америке стали появляться «гаражные коллективы», в дальнейшем определяемые как панки. На рубеже 1980-х гг. своё оформление они получили и в СССР, как особо аполитичная субкультура, что отличало её от всех предыдущих названных [6, 44-47]. Но это движение не было заиклено на опыте зарубежных групп молодёжи. Главная эффективность объединения была в карикатурности и пародийности образов панков. Со временем субкультура начала создавать несоветскую символику, что было особо обидным жестом для номенклатуры СССР. В силу этого обстоятельства, советские панки подверглись более жёсткому контролю и прессингу со стороны правительства, чем остальные неформалы, так как панки подрывали образ советского человека в глазах зарубежных стран. Однако, активный «террор» со стороны властей привёл к радикализации настроений, и панки слились с рокерами. В свою очередь, это породило создание хардкор и киберпанк стилей с «ирокезами» на головах. Но нужно заметить здесь интересный факт в том, что эти проявления советского хардкора со стороны неформалов совпадали с общемировыми нетрадиционными тенденциями.

Позже развитие получают музыкальные субкультуры, такие как рокеры, металлисты, рокабиллы и брейкеры. Чаще всего их стиль брал истоки от американских исполнителей музыки. В контексте взаимодействия и рас-

пространения субкультура широко распространилась в Северной Европе, достаточно широко — в Советском Союзе, в Северной Америке, значительное количество ее представителей в Южной Америке, Южной Европе и Японии. Характерной особенностью всех объединений был внешний вид, однако особо выраженной идеологии металлисты не имели. Их протест находился только вокруг музыки. [7, 109-112]. Представители носили кожаные куртки и ремни черного цвета, банданы с изображением черепов и костей, напульсники с эмблемами эталонных музыкальных групп. В силу единого происхождения металлистов, рокеров и остальных, их мода и постулаты чаще всего оставались едиными.

Среди рассмотренных субкультур молодёжного движения в странах Западной Европы и Америки можно выделить основные общие постулаты, которые выдвигались неформалами, можно назвать [5, 91]:

1. Свобода каждого человека;
2. Человек становится свободным только тогда, когда модернизирует свои внутренние ценности и обретёт гармонию в душе;
3. Свобода — величайшая ценность и драгоценность, что оправдывает поступки;
4. Достижение человеком внутренней красоты является результатом достижения свободы. Реализация этих тождественных составляющих — проблема духовная;
5. Люди, которые придерживаются данных правил, формируют общество людей наивысших духовных ценностей;
6. Люди, которые имеют иные точки зрения, заблуждаются.

Стоит упомянуть тот факт, что рассмотренные субкультуры, перекочевавшие из других стран в СССР, сохраняются и в современной России. Конечно, видоизменён стиль, интересы и мировоззрение, но остаётся неизменной идея прогресса и индивидуального отображения действительности. В мире сегодня существуют самые разнообразные виды субкультур. Каждая из них обладает свои особыми, уникальными чертами, а также стремится к тому, чтобы заполучить доверие со стороны как можно большего количества людей и, соответственно, привлечь больше единомышленников.

Таким образом, неформальное движение, несмотря на смену времени, всегда находит своё место самовыражения в обществе, взаимодействуя друг с другом в историко — культурном аспекте.

Список литературы

1. Алимова Л.Б. Законы о роскоши в императорской России : монография. — Орск: Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала) ОГУ, 2016. — 196 с.
2. Алимова Л.Б. История художественных промыслов Урала XVIII — начала XX веков : учеб. пособие. — Орск: Изд-во ОГТИ, 2003. — 128 с.
3. Бааль Е. Г. Молодёжная субкультура и работа среди неформальных объединений молодёжи / Е. Г. Бааль. М, 2014 г. — 258 с.
4. Ерасов Б. В. Цивилизационное измерение Советского общества. — Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения / Б. В. Ерасов. М, 2015 г. — 317 с.
5. Ивашников К. В. Неформальные самодеятельные объединения в СССР: историко — культурный аспект. 1985 — 1991 гг. Дискуссии канд. ист. наук. / К. В. Ивашников. М, 2018 г. — 91 с.
6. Казанникова А. А., Чукарина Н. Л. Неформальные молодёжные движения в СССР в период перестройки. [Электронный ресурс] / А. А. Казанникова, Н. Л. Чукарина. Юный учёный. — 2016 г. — №2. — С. 44-47. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neformalnye-molodezhnye-dvizheniya-v-sssr-v-period-perestroyki>
7. Малашко А. Е. Молодёжные организации в России: историко-сравнительный анализ [Электронный ресурс] / А. Е. Малашко. — Молодой ученый., 2020г. — № 31. — С. 109-112. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/321/72923>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО

Тонковидова А.В.

*старший преподаватель кафедры философии, культуроведения
и социальных коммуникаций,
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
образования «Кубанский государственный университет физической
культуры, спорта и туризма»,
Краснодарский край, г. Краснодар*

Аннотация. В статье исследуется характер социальности и возможности социального единства на евразийском пространстве в свете возможного, с акцентом на изучение характера коммуникации, которая выступает основанием социальности и делает возможным социальное единство, но в то же время сохраняет и возможность изоляции.

Ключевые слова: социальность, социальное единство, коммуникация.

Key words: sociality, social cohesion, communication.

Чтобы обозначить характер социальности, мы должны рассмотреть отношение с вещами или с людьми, а также (в силу выбора, который в ней имплицитно содержится) отношение личности с самой собой. Но это отношение имеет специфическую природу; оно — отношение *коммуникации*. Занять какую-то позицию, хотя и значит поставить себя в состояние обмена действиями и противодействиями с внешней средой; но этот обмен ничего общего не имеет, например, с каузальным действием или противодействием, которое осуществляется между двумя какими-то вещами: он — коммуникация между людьми и коммуникация личности с самой собой. Стало быть, коммуникация основная характерная черта всякой социальности и в силу этого человеческой личности. В этом смысле коммуникация ничего общего не имеет с пригонкой или единством. Детали машины (заметил Дьюи) плотно пригнаны и составляют единство, но не составляют *коммуникации*

[3]. Люди на территории евразийского пространства образуют *сообщество*, потому что они устанавливают связи друг с другом: и связь здесь не только вербальная, но и субстанциальная.

Первый вопрос, встающий в связи с коммуникацией, — это вопрос относительно подхода или горизонта, благодаря которому возможно ее понять. Предположим, что социальность состоит в совершенно организованной системе связей, в силу которой каждый человек находится в отношении взаимозависимости с другим, так, что всякое состояние или изменение одного связано с состоянием или изменением другого. Таково положение монад в системе предустановленной гармонии Лейбница [4]. Ясно, что в этой системе коммуникации не существует и не может существовать просто потому, что нет ничего, что должно было бы передавать. Здесь связность системы гарантирует необходимое соответствие между состояниями и изменениями, каждое из которых всегда является таким, каким оно должно быть в отношении к целому. Иными словами речь все еще идет о механизме, даже если элементы этого механизма являются сознательными и мыслящими сколь угодно. Поэтому Лейбниц на законных основаниях исключал всякую коммуникацию между монадами; с его точки зрения, эта коммуникация не могла бы иметь никакого смысла и, более того, эта точка зрения, как известно, и была выработана как раз для того, чтобы исключить коммуникацию и устранить проблемы, которые она за собой влечет. Нужно твердо усвоить, что всякая точка зрения, которая, подобно лейбницевской, сводит человеческие отношения к совершенно организованной системе, где ни в одной части ничего не может произойти, непосредственно не отражаясь на других частях, делает невозможной коммуникацию. Тип обществ, подобный типу общества пчел и муравьев, ничего общего не имеет с человеческим обществом как раз потому, что он исключает специфическую черту этого общества — коммуникацию. Даже если захотят вообразить включенным в этот тип общества сознание или мысль, положение дел не изменится; ибо коммуникацию делает невозможной как раз это наличие систематических и совершенных, т.е. основанных на абсолютной необходимости, связей, будь эти связи сознательные или бессознательные. Если бы каждый человек был связан с другими людьми, с миром и с самим собой системой основанных на необходимости связей, таких, что способ его существования и поведения в каждое мгновение был бы в совершенном согласии со способом существования и поведения других людей, самого себя и мира, у него не было бы ни-

чего, что следовало бы передать, и не существовало бы ничего, что могло бы быть передано ему. И действительно ничего *не могло бы* быть передано, ибо сама возможность передачи рисковала бы ввести в эту систему основанных на необходимости связей элемент беспокойства, беспорядка и нарушения равновесия. Отсюда вывод, что человеческое общество (как сообщество) на евразийском пространстве не система необходимых связей, а *более или менее организованная совокупность возможных связей*.

Если принять этот пункт, нужно ожидать, что человеческое общество евразийского пространства составляет крайне неустойчивый мир, в котором всякому отдельно взятому отношению угрожает разрыв, ведущий к изоляции индивида, в котором нет согласия без возможности конфликта и в котором даже наилучшим образом обоснованные модели или формы институциональных позиций могут ставиться под сомнение или подвергается опасности. И таково в действительности положение любого человеческого общества. Значит, его должно интерпретировать в том же самом горизонте, к которому апеллировали для того, чтобы понять структуру личности, — в горизонте возможного. Этот горизонт включает в свой круг равным образом специфический характер человеческого общества, о понимании которого идет речь, и социологическое исследование, которое стремится к этому пониманию. Понять человеческое сообщество евразийского пространства как таковое, значит, в действительности постичь или ухватить его возможность в ее конкретных проявлениях, т.е. уяснить себе пути и способы, которыми оно возможно. Так что возможное — это не только специфическая характеристика человеческих отношений; это — также категория, позволяющая понять эти отношения, и в этом смысле — *горизонт*.

Понять человеческие отношения, возникающие на евразийском пространстве в горизонте возможного значит следующее: понять эти отношения как по сути дела свободные. Отношение, которое *может* существовать точно также, как *может и не* существовать; отношение, реализация которого включает в себя решение и выбор со стороны членов, между которыми оно устанавливается; и которое именно как таковое (т.е. поскольку оно включает в себя решение и выбор) является продуктом свободы, это — отношение между личностями. Стало быть, человеческие общественные отношения — отношения между *личностями*, характеризующиеся свободой. Это четко ограничивает сферу подобных отношений, потому что дает критерий для их выявления. Например, отношение между хищником и его

жертвой не является человеческим отношением, даже если оно иногда может существовать и между людьми. Коммуникация как специфическая характерная черта человеческих отношений ограничивает сферу этих отношений свободными связями между людьми. В этом месте сформулированный ранее тезис о свободе как фундаментальной структуре личности находит свое подтверждение, ибо свобода предстает здесь как конституирующая в подлинном смысле каждое человеческое отношение как такое и, стало быть, не как вторичная или побочная черта этих отношений, а как сама их природа. Как самая глубинная сущность личности, так и структура самого простого и внешнего человеческого отношения позволяют себя понять и истолковать лишь в рамках одного единственного горизонта.

Предшествующие замечания доказывают, что единство, свойственное человеческому сообществу евразийского пространства, поскольку оно основывается на коммуникации, не может пониматься как система необходимых связей. Следовательно, они исключают то, чтобы это единство могло быть истолковано как единство Абсолютного и бесконечного духа, как *Объективный дух* в смысле, который Гегель придал этому выражению. И в самом деле под Объективным духом Гегель подразумевал Бесконечный Дух, поскольку он реализуется в конкретных исторических институтах права, морали и нравственности; последняя из которых включает в себя семью, гражданское общество и государство[2]. Это понятие Объективного духа было принято в качестве основы для понимания социальности даже философами, которые не придерживались строго гегелевского направления, например, Николаем Гартманом. В Объективном духе Гартман видит духовную (т.е. социальную) жизнь в ее тотальности как она исторически рождается, развивается, достигает высшей точки и приходит в упадок; и поэтому он обнаруживает в ней совокупность форм, содержаний, принципов, которые возвышаются как *надстройка* над индивидуальными сознаниями, точно также, как каждое сознание возвышается над организмом [1]. Но как бы его ни модифицировали или не представляли, понятие Объективного духа имеет в качестве предпосылки то, что человеческое общество в его истории и в его продуктах — единая система основанных на необходимости детерминаций; а это как раз та предпосылка, которая, как мы видели, делает невозможной основополагающую характерную черту, свойственную человеческой социальности, — коммуникацию.

Список литературы

1. Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю. В. Медведева под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Пер. с нем. Б. Столпнера. Москва: Издательство АСТ, 2019.
3. Дьюи Дж. Реконструкция в философии / Пер. с англ. М. Занадворов, М. Шиков. — М.: Логос, 2001.
4. Лейбниц Г. В. Сочинения, в четырёх томах. Том 1. Метафизика. «Монадология». Серия: Философское наследие. М.: Мысль. 1982.

РОССИЯ И ЕВРОПА: ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Трофимова Г.П.

*кандидат культурологии, доцент кафедры истории, философии
и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет»,
Оренбургская область, г. Орск*

Лыков А.А.

*учитель истории и обществознания МОАУ «ВСОШ № 18 г. Орска»,
Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье характеризуются особенности межкультурных коммуникаций как диалога между Россией и Европой. Показано влияние стереотипов на межкультурные контакты, необходимость формирования межкультурной компетенции.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации, диалог культур, культурные стереотипы.

Keywords: intercultural communication, dialogue of cultures, cultural stereotypes.

Культурные взаимодействия, без сомнения, являются неотъемлемой частью любой культуры и формой ее существования и развития. При этом, важно помнить, что формы взаимодействия могут быть различными. Они могут выражаться как передача определенной информации одной культуры к другой, а могут быть межкультурным диалогом, совместным действием, в котором безусловно признание самобытности и индивидуальности каждой. Таким образом, именно диалог — наиболее оптимальная форма межкультурной коммуникации, позволяющая и раскрыть внутренний потенциал каждой культуры, и достигнуть их взаимопонимания. «Культура способна жить и развиваться (как культура) только

на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми на себя — на выход за свои пределы — культурами... Каждая культура есть некий «двуликий Янус». Ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, в глубь себя, в стремление изменить и дополнить свое бытие». [1,283-310]

Понятие «межкультурная коммуникация», введенное в научный оборот в конце XX века, становится еще более актуальным в реалиях сегодняшнего мира, где самыми главными становятся проблемы здоровья и выживания человечества. Проблема межкультурной коммуникации, таким образом, выходит на уровень прикладного значения и как общественный феномен вызвана практическими потребностями. Впрочем, неизбежность коммуникации уже давно стала очевидной в различных сферах общественной жизни, а мировое сообщество и далее движется по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости. При этом, расширение поля взаимодействия может иметь последствием процесс унификации культур, что особенно актуализирует проблему культурных различий и сохранения культурной самобытности.

Изучение проблем межкультурной коммуникации требует особого методологического аппарата, основанного на междисциплинарном подходе. В науке исследованием взаимодействия культур происходит в теоретическом поле и философских дисциплин, и истории, и филологии. В контексте изучения этнической идентичности подходит к рассмотрению этой темы А.В. Голубев [2]. С.И. Ельникова и Т.М. Балыхина акцентируют внимание на роли языка в процессе межкультурной коммуникации [3]. Исторические аспекты проблемы межкультурной коммуникации изучали И.А. Шебакин и И.В. Вовк [4].

В процессе многообразных контактов представители разных сообществ оказываются перед фактом существенных культурных отличий (нормы, образцы поведения, язык, быт, восприятие мира в целом), и, зачастую оценивают эти отличия через призму своей культуры, через устойчивые стереотипы. Следствием этого может быть неправильное представление о типических чертах характера представителей иной культуры. Формирование культурных стереотипов — явление объективно неизбежное, в них концентрируется социально-исторический опыт, повседневная жизнь и ценностные предпочтения. Стереотипы становятся своеобразной моделью привычных знаний, оценочных суждений и привычных действий. В мас-

совом сознании это может выражаться в нарастании интолерантности, неприязненным отношении представителей одних культур к другим. Для примера можно сослаться на результаты социологического исследования «Этноконфессиональные отношения и угрозы экстремизма и терроризма в приграничном городе Орске» [5, 24], проводимого на протяжении нескольких лет. В рамках выборочной совокупности были получены следующие повторяющиеся данные:

Национальности, вызывающие недоброжелательное отношение. 2018 год

Национальность	Массив
Азербайджанцы	33 %
Цыгане	49,7 %
Чеченцы	30,3 %

Национальности, вызывающие недоброжелательное отношение. 2019 год

Национальность	Массив
Азербайджанцы	10 %
Цыгане	31 %
Чеченцы	17 %

Национальности, вызывающие недоброжелательное отношение. 2020 год

Национальность	Массив
Азербайджанцы	12 %
Цыгане	28 %
Чеченцы	10 %

Факт этнокультурной симпатии/антипатии вряд ли говорит о склонности респондентов к дружбе или враждебности по отношению к людям других национальностей. Скорее, это эмоциональное восприятие, которое может свидетельствовать о склонности к оценочным суждениям о представителях тех или иных национальностей и культур, и о распространённости определённых стереотипов об отдельных этносах. Стереотипы, независимо от того истинные они или неистинные являются неотъемлемым элементом любой культуры и определяют психологию и поведение людей, влияют на их сознание и межкультурные коммуникации. В основе стереотипов могут быть упрощённые образы, составленные из каких-то особенностей внешности, обобщённых черт характера и поведения. Многие стереотипы усваиваются генетически в процессе вхождения индивида в пространство своей культуры, в процессе общения с другими. Если часто слышать о том, что все цыгане владеют гипнозом и всегда обманывают, поэтому нельзя смотреть им в глаза; или о том, что все чеченцы и азербайджанцы-экстремисты и террористы, то в сознании человека непременно сформируется стереотип, который может стать препятствием в этнокультурном общении. Способствовать формированию стереотипов могут и средства массовой информации, и, даже, иногда научные и философские изыскания и идеи, задающие культуре и ее носителям определённые роли (например, идея мессианской роли русского народа, или идея избранности еврейского народа).

На протяжении длительного времени сохраняется устойчивый интерес к проблеме «Россия и Европа: взаимодействие культур». «Европа» и «Россия» в данном контексте, конечно не географические, а культурологические понятия, подразумевающие глубинные характеристики, самобытность и ключевые ценности каждой из культур. Взаимодействие имеет довольно длительную историю и не вызывает сомнения давняя приобщённость России к духовным ценностям Запада. Многое нас объединяет — и религия, и мораль, и искусство, и наука. Но есть и то, что нас различает и что является смысловой и системообразующей основой любой культуры — национальный характер, народный дух. Среди базовых особенностей культурного архетипа и менталитета русских, таких как панморализм, религиозность как приоритет веры над разумом, бинарный характер души как способность мыслить и чувствовать взаимоисключающе, особое видение пространства и времени особо выделяются соборность как органиче-

ское включение личного в общественное и отзывчивость, открытость души, чуткое восприятие чужих душевных переживаний. Самобытность русской культуры, во-многом и можно определить, как отзывчивость и восприимчивость к иному культурному опыту. Еще Ф.Достоевский отмечал, что «... европейцы величайшую особенность характера русских называли **безличностью**. Но, с нами согласятся, что в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность... — способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. Русский человек сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. У него **инстинкт общечеловечности**» [2, 53].

Глубинным различием между русскими и европейцами, на наш взгляд, является отчетливая выраженность личностного начала и индивидуализм европейцев. Отличают европейцев также и рациональность, активная преобразующая направленность, прагматизм, утилитарность по отношению к миру. Уже сложились своеобразные «национальные образы» европейцев, среди которых нам близок образ немцев. Нас многое связывает — и географическая близость, и исторические отношения, и события, и духовная культура (философия, литература, наука). В этом образе мы, чаще всего выделяем такие качества как дисциплина и порядок, аккуратность, рациональность и отчужденность. Сложились довольно устойчивые стереотипы, в которых отражаются представления и русских о немцах, и немцев о русских. Так немцы, положительными чертами русских считают сердечность, отзывчивость, гостеприимство. Негативные черты — пассивность, лень, частое употребление алкоголя, расточительность. В последние годы среди немцев распространилось представление о тесной принадлежности почти всех русских к криминалу. Русские же, говоря о немцах, выделяют трудолюбие, честность и принципиальность, пунктуальность, а среди отталкивающих качеств особенно подчеркивают холодность и скудость, доброжелательность, которая часто выглядит как внешнее и формальное соблюдение норм поведения. Так, бывая в Германии приходилось часто удивляться тому, что, выходя из дома, нужно «надевать» и держать улыбку, приветствовать всех встречаемых даже незнакомых людей. Если бы это было в России, то реакция окружающих могла бы стать неоднозначной или непредсказуемой.

Эти и другие стереотипы могут часто быть препятствием в межкультурном общении, поэтому необходимо формировать представление

об особенностях чужой культуры и, по возможности, избегать оценочных суждений.

Таким образом, межкультурная коммуникация, которая особенно актуализируется в последнее время, и должна создавать атмосферу взаимопонимания, признания абсолютной ценности разнообразия мировых культур, способствовать сотрудничеству между всеми заинтересованными сторонами по многим направлениям.

Список литературы

1. Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры: Два филос. введ. в двадцать первый век. — М.: Политиздат, 1991. — 412 стр.
2. Голубев А.В. Этническая идентичность: сущность, формирование, мифологемы / А.В.Голубев. — Самара: ООО «Офорт», 2012. — 444 стр.
3. Ельникова С.И., Балыхина Т.М., Алимова М.В. Толерантное педагогическое общение: проблемы и рекомендации // Вестник Российского университета дружбы народов. серия Вопросы образования: языки и специальность. — 2012. — № 3. — С. 116-128.
4. Шебалин И.А., Вовк И.В. «Присяга» и «подданство» в политической практике казахской элиты в 30-40-е гг. XVIII в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — №1 (105). — С. 193-197.
5. Этноконфессиональные отношения и угрозы экстремизма и терроризма в приграничном городе Орске. Аналитический отчет. Орск, 2020.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В XVII ВЕКЕ

Угольков И.А.

*Московский Государственный Областной Университет имени Н.К. Крупской,
Московская область, г. Фрязино*

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления дипломатических отношений между Россией и Китаем, рассказывается о дипломатических визитах русских послов, описывается поведение русских представителей и дипломатов, за рубежом анализируется содержание Нерчинского договора 1689 года и документов, регулирующие торговое партнерство между Россией и Китаем. В ходе проведенного исследования необходимо утверждать, что дипломатические связи России и Китая находились на высоком уровне.

Ключевые слова: Торговля, дипломатия, Нерчинский договор 1689 года, купцы, послы.

Keywords: Trade, diplomacy, the Treaty of Nerchinsk of 1689, merchants, ambassadors.

Российско-Китайские связи — значимый элемент внешней политики России [7, с.76]. Строительство Российско-Китайских отношений началось с рассказов служилых людей, посетивших Китай, которые беседовали с китайскими послами [1, с.90]. В XVII веке вырабатывалась стратегия дипломатическо-политической работы России с Китаем, зарождались торговые взаимоотношения, проводилось исследование особенностей Китайского государства.

У Царского правительства не получалось уделить много времени становлению Российско-Китайских связей, осуществлялся общий контроль, местные воеводы ведали судебно-административными функциями, также предоставлялось право посылать послов в Китай [2, с.87].

Россия постепенно налаживала отношения с Китаем. Первые послы, прибывшие в Китай были разными [2, с.90]. До нашего времени дошли документы, касающиеся отношений России с Китаем, следует сделать до-

кументальный обзор. Во время визитов использовались Посольские книги сборники документов, закрепляющие отправление посольств в Китай. Книги содержали тексты договоров, грамоты монархов, указы [3, с.87]. Документация описывала правила поведения послов и дипломатов в Китае, также встречались иностранные сведения, содержащие важную информацию для России [3, с.87]. Посольские книги рассказывали о речах послов и об ответах на вопросы для иностранцев, «Наказные памяти» подробные отчеты послов, написанные по возвращению [5, с.87]. Особое место в «Наказах» вручаемых дипломатам занимал принцип взаимной вежливости в вопросах церемонии. Российский посол должен был следить за тем, чтобы его принимали точно. «Самое большое дело государскую честь остерегать» говорилось в посольских наказах [4, с.90]. Делались «Статейные списки» записи устных показаний [4, с.87]. Сказки небольшие сообщения о политической ситуации в стране, сказки повествуют о торжественных обедах, о протоколах, переговорах, о списках подарков иностранцам [7, с.90]. Посольские книги основные документы в работе российских послов в Китае, помогающие им ориентироваться за границей, описывающие поведение послов в Китае. Направляющим в командировку послам выдавались документы, подтверждающее их дипломатическое задание, такие документы назывались «Описные грамоты» [2, с.87]. Помимо описных грамот послам давали верительные «верующие грамоты», удостоверявшие слова посла [5, с.98]. Выданные документы имели один недостаток, они не давали прав на постоянное представительство при иностранном дворе [4, с.76]. Документальные сведения раскрывали следующую информацию [4, с.87]. Все приехавшие на российское подворье в Пекин жили за счет хозяев [5, с.98]. Дипломатические обычаи Русского государства и Китая совпадали [5, с.9]. С момента встречи иностранных дипломатов на границе Московского государства они находились на полном обеспечении [6, с.87]. Ограничения вводились с целью воздействия на послов. Полностью прервать снабжение товарами было нельзя это считалось нарушением посольского обычая [4, с.9]. К ограничениям склонялись китайские чиновники.

До сегодняшнего дня дошли дневники и отчеты Ф.И. Байкова, С. Аблина, Н.Г. Спафария, такие сведения характеризуют насколько строго и жестко отстаивались ими интересы Московского государства [3, с.87]. Посольские документы обязывали соблюдать наименование царского титула при церемонии [5, с.98]. Российская дипломатия ставила на первое место честь и до-

стоинство своего государя, и не давала его умалять [4, с.98]. Российские дипломаты защищали честь и интересы России.

Среди этого наблюдается яркий пример поведения Ф.И. Байкова, нарушавший дипломатические правила, в качестве наказания ему дали меньший и худший корм [3, с.9].

Проводя данное исследование необходимо проанализировать личность посла [2, с.9]. Посол был неприкосновенным, но в случае конфликта такое правило не всегда работало.

Посещение российского посла Китая состояло, из следующих элементов:

1) Официальная церемония встречи на границе государства [5, с.9].

2) Размещение в резиденции [4, с.8].

3) Переговоры, подписание документов и путешествие по стране [4, с.9]. Режим встреч зависел от особенностей того или иного визита.

Прием российских послов и дипломатов в Китае начиналась на границе. Глава торговой миссии в Китай 1668-1671 год С. Аблин описывает этот сюжет следующим образом [3, с.89]. «От той границы ехали от Китайской каменной стены до ворот полторы недели [4, с.76]. Пришли к воротам, и у тех ворот приказная изба и сидят в ней начальные люди, и подьячие их пересмотрели и отправили в город с вестью, а им сказали находится у ворот. И с вестью они ходили две недели [3, с.90]. И приехал к ним начальник и с ним 10 человек, и беседовали с ними, задавали вопросы, от кого какие люди и с чем они приехали [5, с.8]. Они были от великого государя послы и торговые представители [2, с.32]. А, как они в китайский город приехали, и у ворот встретили китайского царя и боярина с ним было 30 человек их спрашивали про здоровье [5, с.98]. Они ответили доехали в целости. Гостей угостили вином и чаем».

Царские речи, адресованные иностранному правителю произносились от первого лица [1, с.17]. Глава дипломатической миссии в Китае Н.Г. Спафарий 1675-1678 год пишет: «Иностранный государь принял от посла царскую грамоту, равно, как и сам передал ответную». Н.Г. Спафарий имел огромный опыт и отличные дипломатические знания, всегда следовал дипломатическим традициям, не захотел показывать царскую грамоту, указав на то, что он отправлен в посольство править перед «бугдыхановым величеством» [2, с.87]. Посол защищал государственную грамоту.

В Соответствии с документальными сведениями С. Аблин добился того, что вокруг посольства в Китае господствовала благоприятная атмосфера, го-

сти из Российского государства были трижды приглашены на обед во дворец, прием проходил в хороших условиях [3, с.89].

Поездки организовывались постепенно. Желание изменить порядок приема иностранных гостей вступало в противоречие с необходимостью следовать правилам [2, с.76]. Отступление от норм подрывало престиж и наносило удар по международным отношениям.

Первая русская миссия во главе с И. Петлиным открыла путь из Европы в Китай, дорога проходила, через Сибирь и Монголию вела в Пекин. Из Пекина И. Петлин привез в Тобольск императорскую грамоту династии Мин. Смысл грамоты был раскрыт в 1675 году. Грамота включала следующую информацию. Император Вань ЛИ предложил русской власти отправить послов в Китай торговать.

И. Петлин внес огромный вклад в укрепление Российско-Китайских отношений [7, с.17]. Поездка И. Петлина в Китай заключалась в следующем: 1) Это был осознанный контакт представителя России с китайскими официальными лицами [1, с.4]; 2) И. Петлин построил сухопутный путь из Европы в Китай, проходящий, через Сибирь и Монголию [2, с.8]; 3) И. Петлин получил грамоту и налажил торговлю между Россией и Китаем [3, с.9]; 4) И. Петлин сделал отчет про свое путешествие «Роспись», рассказывающий о Китае интересные вещи, И. Петлин привез чертеж Китая. Визит И. Петлина не помог построить отношения между Россией и Китаем на постоянной основе [2, с.9]. И. Петлин положил начало распространению знаний о Китае.

В 30-40 годы XVII века активизировались попытки налаживания Российско-Китайских отношений, реализовывалась попытка вести торговлю с Китаем. Русские люди совершил выход к берегу Амура к Тихоокеанскому побережью [3, с.8]. Закрепились позиции России на Дальнем Востоке [2]. Территория России сблизилась с Китаем, что помогло установить отношения между Россией и Китаем [4, с.9]. В XVII веке произошло экономическое объединение России в состав, которого вошла Сибирь, основной поставщик пушнины такая политика усилила процесс развития Российско-Китайских отношений.

В 1652 году русский посол Ф.И. Байков отправился в Китай. Ф.И. Байкову дали задание контролировать торговлю китайскими товарами в сибирских городах [3, с.9]. Была сделана попытка установить Российско-Китайские связи, из Западной Сибири, через киргизские и западно-монгольские земли.

В ходе экспедиции в Китай отправили торговый караван. Караван отправился из Тобольска в 1653 году в сопровождении Г. Ушакова, П. Ярыжкина, С. Аблина [1, с.67]. В ходе поездки совершился обмен подарками. Чиновники Лифаньюани (Палаты внешних сношений) подарили императорскую грамоту и подарки русскому царю [2, с.98]. Караван продал товары и привез в Тобольск большую часть китайских товаров (шелковые ткани, украшения, серебряные изделия, чай).

В 1666 году по указу Алексей Михайловича из Москвы в Пекин, через Сибирь отправился торговый караван возглавил его С. Аблин из Тобольска он вышел в 1668 году, а пришёл в Тобольск, через три года и три месяца [3, с.9].

Визиты русских послов и дипломатов в Китай укрепили отношения между Россией и Китаем, помогли наладить торговлю [4, с.9]. Благодаря поездкам в Китай открылась новое направление внешней политики России в 17 веке. Установилась дружба с Китаем, которая принесла России огромную пользу.

План устранения дипломатических отношений с Китаем предусматривал установить равноправные межгосударственные отношения, развивать торговлю и решить вопросы, связанные с территорией в приграничный районах [1, с.9].

Главным пунктом Российско-Китайских взаимоотношений стало подписание Нерчинского договора в августе 1689 года, были проведены переговоры. Главой Цинской делегации назначили князя Сонготу, русскую делегацию возглавил наместник Ф.А. Головин [2, с.9]. Нерчинский договор сыграл огромную роль в Русско-Китайской торговле. Исследуя данную тему можно затронуть содержание Нерчинского договора [6, с.9]. Статья 3 договора содержала цели торговли и звучала так [1, с.8]. Торговля осуществляется ради взаимной дружбы обеих держав [3, с.8]. Договор содержал права купцов [5, с.9]. Купцы могли иметь старшину, который при пути каравана показывает офицерский билет своего государства, офицер записав число людей, отпускает караван в сопровождении офицера [4, с.8]. В дороге нельзя ни солдатам ни купцам разрешать обиды и унижения [2, с.9]. Допускалась меновая торговля, русские и китайские купцы наделены правом свободно ходить к друг другу в гости. Статья 5 договора устанавливала равные условия без каких-либо ограничений, подданным одного государства разрешили въезд на территорию другого государства с целью свободной покупки и продажи любых товаров [3, с.9]. Смысл Нерчинского договора заключался

в том, что Россия и Китай строили свое взаимодействие, основанное на равноправии. Отношения между Россией и Китаем были закреплены юридически. Нерчинский договор 1689 года расширил права России вести торговлю с Китаем. Россия приобрела огромную прибыль [4, с.9]. После подписания Нерчинского договора выделились центры Российско-Китайской торговли, основными торговыми точками стали города Нерчинск и Селенгинск. Строились правительственные караваны, отправлявшиеся в Китай. Первый казенный караван после подписания Нерчинского договора, прибывший в Китай в 1693 году, возглавил комиссар С. Лянгусов.

После заключения Нерчинского договора с Китаем началась пограничная торговля. Пограничная торговля стала актуальной.

Согласно Нерчинскому договору 1689 года установилась граница между Россией и Китаем по реке Аргуни [5, с.98]. Нерчинский договор был первым между Россией и империей Цин о границе, и торговле.

Благодаря договору русские купцы получили право ездить в Китай, вско-ре Нерчинский договор 1689 года воспринимался в Китае, как справедливый и выгодный.

Нерчинский договор 1689 года заложил юридическую основу дипломатических отношений между Россией и Китаем [3, с.90]. Дипломатическое взаимодействие шло на официальном уровне и на законных основаниях [4, с.98]. Нерчинский договор закрепил мир и дружбу обеих государств.

Нерчинский договор занял достойное место в Российской внешней политике и определил судьбу, и значение Российско-китайского сотрудничества.

В XVII веке открылось новое направление во внешней политике и истории, ставшее неотъемлемым звеном Российского управления.

В завершении можно сделать следующий вывод, что Российско-Китайские отношения сделались важной частью системы международных контактов. Российско-китайское взаимодействие оказало положительное влияние на историческое прошлое и будущее. Налаживание связей между Россией и Китаем повлияло на формирование образа России.

Список литературы

1. Благодер Ю. Г. Россия и Китай: практика двусторонней дипломатии XVII — XVIII век // Ученые записки Казанского университета. — 2010. — №22. — С. 65–67.

2. Кириллова С.В., Шевцов В.В. Нерчинск-Пекин: русские торговые караваны в 1689 — 1703 гг // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — №4. — С. 5–8.
3. Кузнецов Д. В. Российско-китайские отношения. История и современность. Хрестоматия. \ [Электронный ресурс]. — Благовещенск: БГПУ, 2014. — 952 с.
4. Ленивихина Н.О., Иванов А.В. Русско-Китайские отношения в XVII веке // Альманах Мировой Науки. — 2017. — №4 — С. 69–72.
5. Лукин А.В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспектив развития российско-китайских отношений / под ред. М. : «Весь мир», 2013. 704 с.
6. Романова Г. Н. Становление российско-китайских торговых связей XVII — XVIII век // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. — №4. — С. 4–7.

ПЬЕСА А.М. ГОРЬКОГО «МЕЩАНЕ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Г.А. ТОВСТОНОГОВА

Флоря А.В.

*профессор, доктор филологических наук, кафедра русского языка
и литературы,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет»,
Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. Статья посвящена интерпретации пьесы А.М. Горького «Мещане» в спектакле Г.А. Товстоногова в Большом драматическом театре.

Ключевые слова: А.М. Горький, «Мещане», Г.А. Товстоногов, спектакль.

Keywords: A.M. Gorky, “Philistines”, G.A. Tovstonogov, performance.

В 1956 г. Г.А. Товстоногов возглавил переживавший тяжелый кризис первый советский театр — БДТ им. А.М. Горького. Он совершил подвиг: в первый сезон зрители вернулись в театр, затем появились первые великие спектакли — «Эзоп» и «Идиот». Затем от Товстоногова стали требовать нового подвига — исправить очевидное недоразумение: в театре имени Горького не шли пьесы Горького. «Тема Горького вставала с той же принудительной неизбежностью, что и тема комсомола в Ленкоме, — пишет Е. Горфункель. — К счастью для Товстоногова горьковская линия ни формальной, ни насильственной не стала. В журнале “Крокодил” (1958, №31) напечатали корикатуру с эпиграфом “Ленинградский БДТ имени Горького не ставит пьес М. Горького”. Драматург обращается (с высоты своего роста наклоняясь к невысокому собеседнику, к главному режиссеру театра): “Хотелось бы познакомиться”» (цит. по: [6, 177]). В 1959 г. Товстоногов поставил «Варваров».

Спектакль был вызывающе неакадемичным, свежим и молодым. Сейчас он производит совершенно изумляющее впечатление тем, что пьеса Горького изложена в комическом ключе. И в самом деле в ней много

смешного, Горький — остроумный автор, особенно мастер «черного юмора». Товстоногов сам подчеркивал, что поставил эту пьесу как трагикомедию (см.: [6, 183]).

Вершиной горьковского театра Товстоногова стали «Мещане», поставленные в 1966 г. и в 1971 г. экранизированные. (Кстати, в БДТ они уже были поставлены в 1937 г. А. Диким.) Впервые Товстоногов обратился к «Мещанам» в 1943 г., в спектакле Тбилисского театрального института им. Ш. Руставели. По воспоминаниям его ученика М. Туманишвили: «На сцене много вещей: большой буфет, сундук, стол, диван, кадка с фикусом, множество мелочей. Притом — никаких стен (...) А над всем этим тяжелый потолок с огромной балкой и большим абажуром. Потолок низко опускался над мебелью и людьми. Потолок давит. Жить здесь невозможно, дышать нечем. Бытовые предметы как бы меняют обычный объем и нейтральный характер — они занимают свое место и тоже мешают людям, теснят их...» (цит. по: [6, 60]).

В спектакле 1966 г. одну из своих главных в жизни ролей сыграл Е. Лебедев, а вокруг него был великолепный ансамбль — М. Призван-Соколова — Акулина Ивановна, К. Лавров — Нил, П. Панков, в роли Тетерева, пожалуй, не уступающий в мощи Е. Лебедеву, Н. Трофимов — Перчихин, Е. Немченко и Л. Сапожникова — Поля, Л. Макарова — Елена, Э. Попова — Татьяна, В. Рецпер и О. Борисов — Петр.

В постановке БДТ режиссер шел от театра абсурда [4, 31], о чем писал и он сам [6, 244], но абсурдизм (выразившийся в бессмысленности жизни персонажей и метаниях в порочном кругу) у него соединен с безукоризненной реалистической эстетикой и психологизмом.

Товстоногов писал также о влиянии на него эстетики Б. Брехта — через музыку достигался «эффект очуждения» [7, 149-150]. Это более отчетливо видно — не только слышно, но и видно (эффект синестезии) — в телефильме по спектаклю.

Экспозиционные кадры напоминают песню А. Рыбникова из снятого гораздо позже фильма И. Фрэза «Карантин»: «*Весело! Весело! Дома скандал!*». Именно так настраивает зрителя самое начало фильма.

Поскольку мы употребили слово «*настраивает*», то вспомним один диалог из пьесы [2].

Тетерев. (...) Я человек посторонний, не причастный делам земли... живу из любопытства и нахожу, что здесь — довольно интересно.

Татьяна. Вы невзыскательны, я знаю. Но — что ж тут интересного?

Тетерев. А вот — люди настраиваются жить. Я люблю слушать, когда в театре музыканты настраивают скрипки и трубы. Ухо ловит множество отдельных верных нот, порою слышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорее услышать, — что именно будут играть музыканты? Кто из них солист? Какова пьеса? Вот и здесь тоже... настраиваются...

Татьяна. В театре... да. (...) А здесь... а эти? Что они способны сыграть? Я не знаю.

Тетерев. Кажется что-то фортиссимо...

Татьяна. Посмотрим.

Действительно, посмотрим. Бравурное начало фильма буквально иллюстрирует эти патетические красивые слова Тетерева — но с иронической интонацией. Нам показывают фрагменты будущего действия, но это выглядит так, будто актеры разминаются перед спектаклем. (В БДТ при Товстоногове это было принято, правда, чаще это бывали распевки перед музыкальными спектаклями — «Холстомером», «Ханумой» и др.). В первых кадрах актеры как бы еще не играют, *настраиваются* сыграть «что-то фортиссимо», т. е. разминаются для изображения бурных скандальных сцен.

Это забавно, но в итоге все-таки приводит к сожалению.

Нил. (...) (*Бессеменову.*) Ну, мы уходим... вот! Мне жаль, что всё вышло так громко.

Лавров выделяет слово «*громко*» паузой и логическим ударением. Вот чем, собственно, обернулось это «что-то фортиссимо».

В реалистическом стиле Товстоногова всё сбалансированно, в том числе возвышенность и ирония. Нам не дают слишком поверить во что-то одно, включая высокий стиль. Он — часть художественного целого и может обернуться своей противоположностью.

Это касается и образа Нила, по поводу которого А. Солженицын с явным сочувствием в «Красном колесе» цитирует какую-то «*девчёнку*» (так!), разочарованную спектаклем:

«после тамбовской постановки “Мещан”»: “гнетущее настроение, из театра шла как автомат посреди улицы и вязла в грязи. В душе такая пустота, будто вынули из меня всё и ничего не положили взамен. Главный вопрос — во имя чего жить — не решён. Все отрицательные (по Горькому) герои находят, что жизнь скучна, мертва, неинтересна, а все положительные его типы только восклицают “хорошо жить!”, “жизнь хороша!”, но никто и попыток

не делает объяснить, почему так. Нил, самодовольный откормленный бык, душит и давит всё, что попадает под ноги, — и он по Горькому герой будущего? Но разве героизм будущего в жестокости? Горький за Ницше восклицает: “падающего подтолкни”. Я понимаю — отжившие учреждения, но не людей же? За что? что родились раньше нас? Гадко, тяжело, просто погано. Если бы не было так поздно — полетела бы, не знаю, к тётке своей в монастырь. А вы, друг мой, выставите “наши теперешние условия”, “российские порядки”? Если я угадала — не пишите этого, это ложь, самоутешение”.

Провинциальная девчёнка, ничего не видела, но как смело судит. Подика скажи такое в редакции “Русского Богатства”».

Самодовольный и особенно *откормленный* бык — это интересно. Это, наверное, оригинальная трактовка образа Нила в тамбовском спектакле 100-летней давности. Но надо же читать первоисточник.

По поводу «самодовольства» сам герой говорит о себе: «Я знаю и то, что я — не богатырь, а просто — честный, здоровый человек, и я все-таки говорю: ничего! Наша возьмет!» (Лавров на словах «я — не богатырь» хлопывает по животу Панкова — Тетерева: вот, мол, настоящий богатырь — в раблезианском смысле. Нил как бы возвращает Тетереву его слова «Не волнуйся, брат! У тебя есть способности... ты можешь играть героические роли. В данный момент герой нужен... поверь мне!»). В этой постановке всё оттеночно, неоднозначно, живо. Одна эмоция переливается в другую, серьезность — в шутку и наоборот.) «Девчёнку» раздражает естественное удовлетворение человека от сознания своего нравственного здоровья и нормальности.

Есть что сказать и по поводу «удушения и подавления всего, что попадает под ноги». Вот, например, Нил «душит и давит» Петра. Это сказано прямо перед сакраментальной фразой «Прав — не дают. Права — берут».

Татьяна. Шишкину не понравилось, что Прохоров антисемит...

Нил (*смеясь*). Ах, милый петушок!

Петр. Ну, да! Тебе это нравится. Ты тоже совершенно лишен чувства уважения к чужим взглядам... дикие люди!

Нил. Постой! Ты сам-то разве склонен юдофоба уважать?

Петр. Я ни в каком случае не сочту себя вправе хватать человека за плотку!

Нил. А я — схвачу...

Тетерев (*разглядывая спорящих поочередно*). Хватай!

Достоинo серьезного внимания то, что провозглашает Петр в качестве своей «правды» — во имя чего он бунтует, во имя чего, отчаянно жестикулируя, кричит отцу: «Ты прав... Но твоя правда узка нам... мы выросли из нее, как вырастают из платья. Нам тесно, нас давит это...». Что он называет «свободой личности», из которой делает фетиш. Крайний эгоизм, презрение к общественным интересам.

Отлично сыгран Рецептoм маленький монолог Петра: «Общество? Вот что я ненавижу! Оно всё повышает требования к личности, но не дает ей возможности развиваться правильно, без препятствий... Человек должен быть гражданином прежде всего! — кричало мне общество в лице моих товарищей. Я был гражданином... чёрт их возьми... Я... не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я — личность! Личность свободна... Бросьте это... этот чёртов звон...

— Я же аккомпанирую вам... мещанин, бывший гражданином — полчаса, — блестящим афоризмом отвечает Тетерев. (Кстати, когда в другой пьесе Горького — «Дачниках» — псевдоинтеллигент Суслов развивает подобные идеи, морально здоровые слушатели реагируют следующим образом: «Да это истерия! Так обнажить себя может только психически больной!»)

Уместно было бы вспомнить знаменитые слова А. Бергсона о том, что «комическое для полноты своего действия требует как бы кратковременной анестезии сердца. Оно обращается к чистому разуму» [1, 12]. К спектаклю это относится лишь отчасти. Здесь много комизма, но чистого разума нет. Некоторая «анестезия сердца» наблюдается в изображении детей Бессеменова — Татьяны и Петра.

Здесь уместно вспомнить также размышления Бергсона о жесте и автоматизме. Жест «глубоко отличается от действия. Действие преднамеренно, во всяком случае, сознательно; жест произволен и автоматичен. В действии участвует вся личность целиком; в жесте проявляется только отдельная часть личности (...). Жест «пробуждает нашу восприимчивость, готовую дать себя убаюкать, и, заставляя нас опомниться, он мешает нам относиться серьезно к происходящему» [1, 82].

Яростной жестикуляцией сопровождаются истерики Петра, который размахивает руками, бьет посуду или жеманится в объяснении с Еленой. Подчеркнуто вычурны, вымученны, декадентски изломанны — иногда истеричны, иногда механистичны — жесты Татьяны, особенно когда в финале она ловит моль, и это перерастает в «танец» тихого отчаяния.

Отдельно следует сказать о книге Е. Лебедева «Мой Бессеменов» [3], наверное, превышающей по объему оригинал. Она представляет собой практически полный текст горьковской пьесы с подробными комментариями великого актера — гораздо подробнее ремарок самого Горького. Книга начинается и завершается размышлениями во время бессонницы Бессеменова, абсолютно одинокого, обращающего свои мысли к потолку — его единственному собеседнику. (В телефильме есть такие эпизоды.)

Стало банальным называть лебедевского Бессеменова «мещанским королем Лиром», т. е. трагедизировать и этот образ, и эту историю, и образ Бессеменова. А.С. Сваровская рассматривает пьесу «Мещане» как мелодраму [5, 27-33]. Но в спектакле много комического, и это отражение (здесь и далее цитаты из [2]) нелепостей жизни.

Вот, например, Татьяна, узнав о том, что Нил любит Полю, из ревности попыталась отравиться нашатырным спиртом. Вокруг нее суетятся домашние, а квартиранты — Тетерев и Елена — стоят возле двери в комнату. У Елены своя задача: она выжидает, когда появится Петр. Тетерев не делает вида, что его волнует эта семейная катастрофа, а Елена пытается соблюдать «приличия».

Елена. И отчего? Что случилось? Бедная Таня... как, должно быть, больно ей... (*Морщится и вздрагивает.*) Ведь это больно? Очень? Страшно?

Тетерев. Не знаю. Я никогда не пил нашатырного спирта...

Панков произносит это с непедалированным, но ясным логическим ударением: никогда не пил *нашатырного* спирта — пил любые виды спирта, но не этот. Иначе говоря, он тоже потерпел личное крушение, потому что любит Полю и с ней связывал свою надежду на спасение от алкоголизма. Теперь он понял, что ему спасения нет, но держится мужественно: лучше я сопьюсь, но не буду кончать с собой так глупо. Он презирает всех Бессеменовых, и сейчас верен себе.

Елена начинает непристойно смеяться и успокаивается, когда Петр выглядывает из-за двери и делает ей укоризненный знак.

Елена. Как вы можете шутить?

Тетерев. Я не шучу...

Панков это произносит серьезно, однако без осуждения. Елена, как живая душа, нравится ему. В дальнейшем он даже воскликнет: «Виват! Виват, женщина!», когда она даст отпор Бессеменову и уведет с собой Петра.

Вспомним этот эпизод, абсолютно комический и блистательный. В квадратных скобках даем свои комментарии.

Тетерев (*спокойно*). Не кричи, старик! Всего, что на тебя идет, ты не рогонишь...

[Эта реплика формально имеет трагический смысл: герой сталкивается с непреодолимыми силами и терпит поражение — А.Ф.]

И — не беспокойся... Твой сын воротится...

[Возможно, для спектакля Товстоногова это аллюзия на знаменитую сцену из «Мечты» М. Ромма, реплика Розы Скороход, обращенная к сыну: «Ничего, когда ты очень захочешь кушать, ты вернешься. Я тебя знаю». В фильме Ромма эти слова произносит мать, и они звучат как сарказм над «утешением», которое обернулось приговором, раскрывших бессмысленность жизни и ее, и сына. Сын сейчас бунтует, но скоро он капитулирует. — А.Ф.]

Бессемёнов (*быстро*). Ты... ты почему знаешь?

Тетерев. Он не уйдет далеко от тебя. Он это временно наверх поднялся, его туда втащили...

[Блестящее сочетание слов с действиями персонажей — по контрасту. На самом деле в спектакле Петр сам поднимается по лестнице наверх, а Елена следует за ним, т. е. его буквально никто не «тащит». Но Тетерев, отвергая видимость, выражает словами сущность: Петр не проявляет инициативы, даже если это выглядит так. — А.Ф.]

Но он сойдет... умрешь ты, — он немножко перестроит этот хлев, переставит в нем мебель и будет жить, — как ты, — спокойно, разумно и уютно...

Перчихин (*Бессемёнову*). Видишь? Чудак! Горячка! Человек тебе добра желает... ласковые слова говорит для твоего покою... а ты — орешь! Терентий — он, брат, мудрый человек...

[Перчихин комически оттеняет сарказм Тетерева, принимая его слова за «ласковые», он игнорирует резко обидное слово «хлев» — А.Ф.]

Тетерев. Он переставит мебель и — будет жить в сознании, что долг свой перед жизнью и людьми отлично выполнил. Он ведь такой же, как и ты...

Перчихин. Две капли воды!

[Перчихин с упоением усугубляет непонимание, подготавливая дальнейшую перемену регистра, которая превратится почти в шок. — А.Ф.]

Тетерев. Совсем такой... труслив и глуп...

Перчихин (*Тетереву*). Постой! Ты что?

Бессемёнов. Ты... говори, а не ругайся... как смеешь!

Тетерев. И жаден будет в свое время и так же, как ты, — самоуверен и жесток. (*Перчихин удивленно смотрит в лицо Тетерева, не понимая — утешает он старика или ругает его. На лице Бессемёнова — тоже недоумение, но речь Тетерева интересна ему.*) И даже несчастен будет он вот так же, как ты теперь... Жизнь идет, старик, кто не поспевает за ней, тот остается одиноким...

[Снова как будто трагическая нота. — А.Ф.]

Перчихин. Чу? Слышишь? Стало быть, — все идет, как надо... а ты сердисься!

[Снятие трагизма за счет глупости, которая неожиданно оборачивается мудростью, которой Перчихин не осознаёт: жизнь идет разумно и правильно, сметая мещанство. — А.Ф.]

Не-трагедийность постановки проявилась и в выборе исполнителя главной роли. Мы согласны с тем, что Лебедев, филигранно проанализировавший психологию своего персонажа в *органическом единстве с общей тканью пьесы*, видел Бессемёнова трагическим героем, но обратим внимание и на другое: Лебедев — прежде всего гениальный *комический* актер. Мадемуазель Куку, Артуро Уи, Фальстаф, дед Щукарь, после «Мещан» — Аристарх Кузькин, Фома Опискин...

Сам Лебедев оценивает бессилие своего героя в снижающих тонах: «Ушла моя сила, вся ушла, жизнь сожрала. Как моль платье». Его одолела не преобладающая сила, а ничтожество и пошлость обывательской жизни. (Эту «моль» Татьяна в финале пытается прихлопнуть, но тщетно.)

«Мещане» БДТ мощно прозвучали в конце 1960-х гг., в период исчерпания импульса так называемой «оттепели», в преддверии так называемого «застоя», т. е. эпохи, когда потребительские, эгоистические, т. е. *мещанские*, настроения в обществе очень усилились. Сочувствовать этому процессу, как и реставрации архаического сознания, Товстоногов, разумеется, не мог. Вряд ли он ему была симпатична и фрондирующая статусная интеллигенция, которую олицетворяет Петр Бессемёнов — инфантильный и, заметим, *недоучившийся* студент — по сути, *невежественный*, не тянущий даже на то, что Солженицын неудачно назвал «образованщиной». Так что комическая окраска «падения дома» Бессемёновых совершенно естественна.

Кроме того, спектакль дает определенное направление: как и во имя чего жить (выживать) в период безвременья, в том числе наступающего. Это рецепт не для «богатырей» не для «героев», а для *честных и здоровых лю-*

дей. Пресловутая солженицынская «девчѣнка» могла бы вынести из этого спектакля много полезного, что сказано устами Нила — Лаврова. Не терять интереса к жизни и делать максимум возможного добра в предлагаемых обстоятельствах.

Список литературы

1. Бергсон А. Смех // А. Бергсон. Смех. Ж.-П. Сартр. Тошнота: Роман. К. Симон Дороги Фландрии: Роман / Серия: Б-ка «Лауреаты Нобелевской премии». — М.: Панорама, 2000. — С. 7-111.
2. Горький М. Мещане / М. Горький [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0170.shtml.
3. Лебедев Е.А. Мой Бессеменов / Е.А. Лебедев. — М.: Искусство, 1973. — 150 с.
4. Рудницкий К.Л. О режиссёрском искусстве Г. А. Товстоногова // Товстоногов Г.А. Зеркало сцены: В 2 кн. / Сост. Ю.С. Рыбаков / К.Л. Рудницкий. — М.: Искусство, 1984. — С. 3-32.
5. Сваровская А.С. Мелодраматическая составляющая драматургии М. Горького 1900-х годов // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. — Вып. 10. Поэтика драмы в литературе XX века / А.С. Сваровская. — Томск: Издательство Томского ун-та, 2009. — С. 22-46.
6. Старосельская Н.Д. Товстоногов / Н.Д. Старосельская. — М.: Молодая гвардия, 2004. — 408 с.
7. Товстоногов Г.А. Круг мыслей: Статьи. Режиссёрские комментарии. Записи репетиций. — Л.: Искусство, 1972. — 287 с.

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА И РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ (XVIII–XX ВЕКА)

Хибина З.Н.

*кандидат исторических наук, кафедра «Истории и религиоведения»,
Актюбинский региональный университет им. К.Жубанова,
Республика Казахстан, г. Актобе*

Аннотация. В данной статье рассматривается период просвещения в истории Казахстана и России в XVIII–XX вв. Изучение историко-политической мысли деятельности европейских, российских и казахстанских просветителей в целом имеет большое научно-теоретическое и прикладное значение для понимания многих вопросов, связанных с историческими и политическими взглядами на рубеже средневековья, новой и новейшей истории.

Ключевые слова: Просвещения, революционный демократизм, Зар заман (Эпоха скорби).

Keywords: Enlightenment, revolutionary democracy, Zar Zaman (The Age of Sorrow).

Причины и функции феномена просвещения по сравнению с Европой и Россией приобрели в Казахстане иной характер. В то время как кризис аграрной цивилизации на Западе был обусловлен идеей скорейшего преодоления буржуазией и ее идейными лидерами несоответствия своих действий принципам средневекового общества, в Казахстане эта тенденция была связана с последствиями присоединения к России. Поэтому, отражая необходимость обновления социально-политического устройства, характерного для просвещения, казахское просвещение выразилось по-своему. Оно проявилось в виде призыва к укреплению казахстанско-российского сотрудничества и, таким образом, в восприятии казахским обществом культуры приближения России к западу.

В Казахстане просветители создали условия для вхождения европейской, в том числе русской цивилизации в среду казахского народа. В отличие от борьбы просветителей на Западе борьба казахских просветителей

против неграмотности, за распространение науки, образования в обществе, за утверждение справедливости, против колониализма, азиатского деспотизма, за суверенитет преследовала свои цели и приводила к другим результатам.

В Казахстане существовала утвердившаяся общественная структура, с которой боролись просветители. Все сказанное достоверно свидетельствует о том, что казахские просветители в ходе национально-освободительной борьбы казахов против российского подданства опирались на интересы народа, которые являются воплощением многовековых надежд и мечтаний казахского народа о свободе и независимости страны. Неграмотность и незащищенность казахского населения, раздробленность его сил, отсутствие организованности и пассивности заставили просветителей перейти на «другую» сторону, то есть в правительство Российской империи. Это было обусловлено тем, что они, не выходя из своих либеральных фантазий, должны хорошо, правильно оценивать сложившуюся ситуацию и решать сложную политическую проблему разумными и правдивыми путями.

Просветительская идеология XVIII века, оказав влияние на Европу, распространилась и на Казахстан, и на Россию. Просвещение в Казахстане развивалось по двум направлениям. Первое направление просвещения началось с творчества Бухар жырау (1668-1781 гг.), Ақтамберды жырау (1675-1768 гг.), Дулата Бабатайұлы (1802-1871 гг.), Шортанбая Канайұлы (1818-1881 гг.), Мурата Монкеұлы (1843-1906 гг.) и других. Второе направление продолжается просветительским движением — Чокана Уалиханова (1835-1865 гг.), Ибрая Алтынсарина (1841-1889 гг.), во главе с Абаем Кунанбаевым (1845-1904 гг.).

Поэт — Бухар жырау Калкаманұлы (1668-1781 гг.) призывает любить Родину, быть фундаментальной страной, подчиненной одному центру. Поэт ясно понимает, что казахскому народу необходимо национальное единство, в этом контексте он воспекает Абылай хана как деятеля, способного реализовать идею единства, изображает в образе полководца, храбрца, объединяющего казахские жузы в борьбе с внешними врагами. А если его действия будут противоречить интересам казахского народа, то они будут подвергаться критике [1, 12].

Ақтамберды жырау (1675-1768 гг.) находился среди событий, вошедших в историю как «Годы Великого бедствия». После разгрома джунгарского государства и освобождения восточного региона Казахстана

от вражеских рук Актамберды жырау принял активное участие в расселении казахов в поселениях, где жили их древние предки.

Дулат Бабатайулы (1802-1871 гг.) — был одним из выдающихся представителей XIX века, одним из самых образованных людей своей эпохи. Дулат Бабатайулы считал своими наставниками-педагогами Бухар жырау и Актамберды жырау.

Дулат Бабатайулы был поэтом-борцом, воспевавшим атмосферу того времени, в котором он жил, мужественно выражавшим свою гражданскую позицию. В свое время он был не просто поэтом, который раскрывал душевные переживания внутри страны в стихи, но из тех же соображений, он был возведен в ранг мыслителя с большими социальными соображениями. Произведения Дулата Бабатайулы, в основном, были направлены на описание тяжелого состояния казахского народа, подвергшегося двустороннему гнету [2, 246].

Смена прежних устоявшихся ценностей в казахском обществе, смена системы управления страной на другой характер, усиление колониализма, колониальное угнетение казахского народа вывели на сцену истории поэтов времени «Зар заман» («Эпохи скорби»). В качестве национальных деятелей, мыслящих о состоянии своего народа, были признаны поэты «Зар замана». Произведения поэтов «Зар замана» призывают сохранять народные обычаи и традиции в неизменном виде, не отрываться от национальных реалий.

Шортанбай Канайулы (1818-1881 гг.) был одним из крупнейших представителей известного периода под названием “Зар заман”. Всю свою сознательную жизнь и свой поэтический талант он посвятил воспеванию тягостного состояния родного народа в колониальном гнете, обстоятельств его завтрашнего будущего, проявил себя раньше других и не покладая рук участвовал в разоблачении.

Мурат Монкеулы (1843-1906 гг.), жаждущий независимости страны и воспротивившийся подданству, также стал поэтом «Зар замана». Поэт с тоской вспоминал вчерашний день той Казахской степи, где он родился и вырос.

Российская империя, мечтавшая о колонизации казахской земли с середины XIX века. С начала века завоевавшая ее и построившая внутри нее крепости, ввела свой закон, связанный с управлением страной, расчленением обширной степной территории. В результате переселенческой политики

империи казахские шаруа были изгнаны с плодородных земель, были захвачены их поселения, и уничтожены, кто оказывал сопротивление. В этот момент казахский народ сильно страдал от колониального угнетения [8].

В разных регионах Казахстана вспыхнули национально-освободительные восстания. Вооруженные силы империи подавили эти восстания. Волнения получили всенародный характер, а злость и грусть оскорбленного казахского народа, не обладающего силой насилия, несомненно отразились в поэмах интеллигенции — акынов из народа, призывавших казахский народ от всего сердца к бурным протестам. Мурат Монкеулы был в центре внимания поэтов «Зар замана», сочувствовал и страдал вместе со своим народом [3, 224].

В результате присоединения Казахстана к Российской империи произошли изменения в организации и управлении производительными силами и народным просвещением. Идеи русских революционеров-демократов были близки просветителям Казахстана. Во второй половине XVIII века русское Просвещение развивалось и отражалось в идеях Д.И. Фонвизина, Я.П. Козельского, А.Я. Поленова, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева. Позднее Просвещение развивали А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, М.Ю. Лермонтов, Н.П. Огарев, Т.Н. Грановский и другие.

Основоположник казахского просвещения Чокан Чингизулы Уалиханов (1835-1865 гг.), соединив в себе глубокое понимание европейской образованности и культуры народов Востока, оставил за свою недолгую жизнь богатое и многогранное творческое наследие [4, 67]. Видный представитель казахского просвещения Ибрай Алтынсарин (1841-1889 гг.) оставил богатое творческое наследие рассказов и научных статей [5, 261].

Великий поэт Абай Кунанбайулы (1845-1904 гг.), занимавший большое место в казахском просвещении, в истории всей прогрессивной культуры казахского народа, положил начало критическому реализму в казахской литературе. Он стал известен на весь мир своей незаурядной одаренностью, глубиной мысли, заботой о своем родном народе [6, 63]. Шакарим Кудайбердыулы (1858-1931 гг.), продолживший учение Абая Кунанбаева, опирался на наследие великого поэта. Ш.Кудайбердыулы, как и великий поэт, стремился к тому, чтобы казахская страна вошла в число цивилизованных, культурных стран мира [7, 68-106].

В начале XX века казахский народ вывел на политическую арену, на путь борьбы за свободу и независимость, к просвещению крупных обществен-

ных деятелей. Представители национально-либерального движения «Алаш», проявившие свой природный талант, высокий уровень образованности, духовный интеллект, создали первенцев-предвестников свободы и счастливой жизни во имя будущего нации. В этом списке можно увидеть Шакарима Кудайбердиева, Ахмета Байтурсынова, Алихана Букейханова, Миржакыпа Дулатова, Мухамеджана Сералина, Барлыбека Сыртанова, Бакытжана Каратаева, Жаншу Сейдалина, Мухамеджана Тынышбаева, Жакыпа Акбаева, Динмухамеда Султангазина, Гумара Карашева, Габдулгазиза Мусагалиева и других.

Начало XX века стало эпохой борьбы за независимость и освобождение казахского народа. В этой связи в казахской степи развернулись направления освободительной борьбы за независимость, просветительно-демократический и национальный колорит в казахских степях. Мечты и желания казахского народа, стремящегося к свободе от подданства, нашли отражение в работах М.Дулатова, А.Байтурсынова, М.Жумабаева, С.Торайгырова и других авторов, пропагандировавших идеи суверенитета и независимости страны.

Вместе с тем, вслед за трудами казахских просветителей рождались стихи просветительской направленности, призывавшие их к труду, знаниям, к изучению различных видов искусства. Возвращение алашских граждан, чьи имена стали неизвестными в истории, поколебало сознание нашего народа и придало неизмеримый импульс нашей духовной жизни.

В то время как присоединение к России, широкое знакомство с ее культурой и тем самым отживание от европейской цивилизации — результат боданского периода, казахское просвещение развивалось не изолированно от мировой просветительской мысли, а, напротив, в общности с ней — как самостоятельное сооружение, оказавшее влияние общероссийского движения второй половины XIX — начала XX веков.

В изучении идеологии просветительства Казахстана наряду с характерными чертами общего просветительского феномена особое внимание уделяется специфике культурно-социальной среды, ее породившей. Главная особенность этой просветительской идеологии заключалась в том, что она сохранялась как основное идейное направление в стремлении к свободе, свободе и равенству до Советской власти и при той же власти. Труды казахской интеллигенции, пережившей последствия царской власти и сталинских репрессий, оплакивавшей нужды народа на пути к справедливости и правде,

призывавший к пробуждению народа, образованию, просвещению, был неразрывно связан с борьбой за свободу и равенство народа. Казахское просвещение прошло сложный и противоречивый этап эволюционного развития. Она сопровождалась реакционными идейными направлениями развития.

На протяжении второй половины XIX — начала XX века просвещенные демократы боролись с феодально-клерикальной идеологией ислама и различными религиозно-мистическими направлениями. Достаточно было и важных направлений и учений общественно-политической жизни. К ним можно отнести традиционно-консервативное направление шаманизма, возникшее в середине XIX века, религиозно-реформаторский джадидизм конца XIX века, учения панисламизма и пантюркизма среди мусульманских народов России. Поскольку роль и сущность духовного явления проявляются в рамках подлинной идейной борьбы, необходимо было досконально осмыслить природу заданных реакционных направлений и учений.

На становление просветительской мысли в Казахстане во второй половине XIX века большое влияние оказали русские просветители, особенно революционный демократизм. Мысли русских революционеров-демократов проникли в душу демократов-просветителей Казахстана. В результате насильственного присоединения к России в Казахстане наметились изменения в организации и управлении производительными силами и народным просвещением. Возникла общественная потребность осмыслить этот поворот в судьбе народов региона. Во второй половине XIX века она проявилась в форме просветительно-демократической мысли, в которой возникла необходимость и которая сыграла ведущую роль в развитии общественного сознания.

Несмотря на то, что революционный демократизм был ведущим к практической деятельности и имел идейную ориентацию, в конкретных исторических условиях, в силу причин двусторонней — социальной и национальной эксплуатации народных масс и общерегиональной отсталости, мыслители-демократы Казахстана в целом придерживались типичной просветительской ориентации. То есть, в отличие от революционеров-демократов, ориентированных на определенную общественную группу, точнее на крестьянство, связывающих общественный прогресс с борьбой за интересы доминирующей группы, демократы Казахстана выступали от имени нации в целом, не разделяя ни одного класса и сословий, как европейские демократы XVIII века. Это свидетельствует, во-первых,

о созревании общественных отношений данного региона в конкретный период, во-вторых, о том, что в таких особых условиях (отсталость, массовая неграмотность, колониальная эксплуатация) идея общенародного прогресса была очень актуальной и отражала в ней важнейшую общественную потребность.

Мыслители-демократы Казахстана, хотя и придерживались просветительской позиции, но также рассматривали методы устройства общества путем переворота. Тем не менее, все выбрали мирный путь построения свободного, освобожденного общества: с помощью реформ высших или через «справедливое», «чистое» образование и управление и просвещение, науку-образование, открыв глаза своему народу, пробудив его, проявив себя, избавив от старого, гнета. Из этого следует, что, как русские революционеры-демократы, историческая структура и классификация общественных сил которых значительно отличается, было бы неуместно называть путь революции единственным решающим методом, очевидным путем. Напротив, в поисках гармонии между духом и плотью, под общим небом, можно проследить видение мудрой восточной философии, которая учит следовать благородному средству, не отступая на грань и грань проблемы, а по пути к чувству, а не к разуму.

Понятия «застой», «затухание», «отсталость», традиционализм — это абстрактные и не отвечающие науке, исторической объективности понятия общей восточной культуры в целом, признание феномена Запада, имеющего принципиальное отличие от феномена единого, внутренне однородного Востока. Во-вторых, метафизическая абсолютизация феноменов «застоя», «отсталости» и основанное на понимании того, что они верны только Востоку. Явления стагнации, упадка на некоторых этапах развития культуры бытия какого народа рассматриваются как определенный этап исторической общей диалектики развития человечества. Потому что он был результатом реальных исторических условий, в которых его противостояние переходило к взлету, процветанию, развитию, когда происходили перемены.

Историческое прошлое казахского народа, исследования зарубежных и отечественных ученых-востоковедов показали, что с древнейших времен со II тыс. до н.э. в XII веке эти регионы Ближнего и Среднего Востока по всем признакам значительно опережали и превосходили культуру Востока и Запада. Только после нашествия Чингисхана в XIII веке темпы развития

замедлились, и с XVI века наметилась тенденция к полному отставанию. Весь Ближний и Средний Восток стал «центральной зоной» экономических, политических, культурных связей между Востоком и Западом — всемирного культурно-исторического процесса в указанные эпохи в ходе развития античности и средневековья. То есть, регион не является отдаленным районом мировой цивилизации, а напротив, до XV века развивался в тесной связи с иранскими, индийскими, сирийскими, византийскими, греко-эллинистическими культурными традициями Востока и Запада.

Говоря о стагнации культуры Казахстана, следует отметить, что данное понятие заимствовано не на протяжении всего развития культуры региона, а лишь в определенный период — с XV века по вторую половину XIX века. Присоединение к России, хотя и не затрагивает конечных последствий в социально-экономической сфере для народов региона, может констатировать возможность ликвидации общей отсталости, достижения общественного прогресса.

Борьбу за общественный прогресс казахстанским демократам-просветителям пришлось вести не в условиях распада феодализма или крепостнического порядка, как это делали французские или русские просветители, а в период господства патриархально-феодальных отношений, которые продолжались не прерываясь. В связи с этим в их взглядах идеи общественного прогресса переплетаются с представлениями о межнациональной солидарности, дружбе, достижениях и благом влияния культуры русского народа.

Рождение в России идеологии крепостнического просвещения в XVIII веке совпало с общественными взглядами русских просветителей: Н.Н. Поповского (1730-1760 гг.), А.А. Барсова (1730-1791 гг.), Д.С. Анечкова (1735-1779 гг.), Я.П. Козельского (1724-1794 гг.), А.Я. Поленова (1738-1816 гг.), Д.И. Фонвизина (1743-1792 гг.), Н.И. Новикова (1744-1818 гг.), П.С. Батурина (1740-1803 гг.) и другие.

Революции в Европе в середине XVII века подвергли общественные отношения серьезным изменениям в духовной сфере. Буржуазия получила доступ к политической власти, в результате чего появилась новая идеология, взгляд на жизнь, на мир. Само просвещение развивалось благодаря этому и оказало свое влияние на все общество.

Просветительская идеология отказалась от средневекового мировоззрения и заложила основы нового познания. Деятели просвещения мечтали установить на земле «царство разума», в котором люди повзрослеют

во всех отношениях, где торжествует гармония интересов свободной личности и справедливого общества, где мораль становится высшим образцом общественной жизни. Многие из них связывали свои основные надежды на приход «царства разума» с освобождением массового разума, вытеснением слепых убеждений, разрушая реакционные феодально-аристократические порядки.

В связи с проблемой будущего общественного строительства в эпоху Просвещения мечты казахских мыслителей не совпадали с мыслями представителей западных просветителей. В то время как западные просветители, независимо от их убеждений, объективно рассматривали рыночное устройство, отвечающее запросам своего общества, казахские просветители боролись за то, чтобы все члены общества были грамотными, имели полную свободу и справедливость и устанавливали суверенный порядок, основанный на знаниях, который обеспечивал полное вмешательство людей в политическую жизнь своей страны.

Изучение историко-политической мысли деятельности просветителей в целом имеет большое научно-теоретическое и прикладное значение для понимания многих вопросов, связанных с историческими и политическими взглядами на рубеже средневековья и новой истории. Познавательных возможностей этой проблемы также достаточно.

В XIX-XX веках буржуазная мысль в европейских странах развивала ее и дальше, руководствуясь основными принципами идеологии Просвещения. Тенденции, идущие из этого периода, навсегда останутся духовным богатством. То, что европейское Просвещение распространилось на Россию, а через Россию на Казахстан и другие регионы, можно проследить в новейшей истории.

Список литературы

1. Бес гасыр жырлайды. 1-том. — Алматы: «Жазушы», 1992.
2. Мадибай К. Зар заман агымы. — Алматы, 2005.
3. Умытылмас есимдер / Составитель: Б. Ыскаков. — Алматы: Казакстан, 1994.
4. Валиханов Ш.Ш. Сборник сочинений. — Алматы, 1984.
5. Сыдықов А.С. Ы.Алтынсариннин педагогикалык пикирлеры және агартушылык кызметы. — Алматы, 1950.

6. Кунанбаев Абай. Слова назидания. Поэмалар. — Алматы: Ел, 1993.
7. Шакарим кажы. Турик, кыргыз-казак, һәм хандар шежиреси // Жулдыз. — 1991. — №1.
8. Шебалин И.А., Вовк И.В. «Присяга» и «подданство» в политической практике казахской элиты в 30-40-е гг. XVIII в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — №1 (105). — С. 193-197.

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ

Хуан Дудоу

*аспирант (гражданство — КНР (г. Шанхай)),
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния музыкальной культуры и музыкального искусства Китая. Выявляется общий статус музыки в современной культуре китайского общества. Охарактеризовано влияние европейских и американских традиций на музыкальную культуру Китая. Анализируются некоторые примеры современной китайской эстрадной музыки в контексте традиционной культуры.

Ключевые слова: музыкальная культура, музыкальное искусство, популярная музыка, музыка Китая, китайская музыкальная культура.

Keywords: music culture, music art, popular music, Chinese music, Chinese music culture.

Китай начала третьего тысячелетия принципиально отличается от китайской цивилизации прошлых веков. Это обусловлено не только его открытостью (в противовес тысячелетней замкнутости), но и мощным взлетом экономики, социальной сферы, науки и культуры. Эпоха телекоммуникационных технологий вывела Поднебесную на небывалую высоту. Как не относиться к китайской электронике и технике, заметим, что практически 90% всего мирового оборудования выпускается и собирается в этой стране.

Высокий уровень экономического развития современного Китая сказался и на его культурной жизни. Вместе с новыми технологиями китайское искусство постепенно впитывало в себя различные иностранные направления и стили. Значительное влияние Запада остро проявилось и в музыкально-эстрадной сфере Поднебесной, где на современном этапе ощущается отражение американских и европейских традиций.

Актуальность исследования обусловлена существенными достижениями современного китайского современного музыкального искусства, необходимостью выявления его специфики в контексте культурного диалога Восток-Запад.

Одним из важнейших направлений развития музыкального искусства Китая на рубеже XX–XXI веков стало эстрадно-вокальное направление. Оно считается наиболее популярным в современном искусстве Поднебесной. Важными социокультурными детерминантами, обусловившими подобную актуализацию этой художественной сферы, являются прежде всего ее общая доступность, понятность и ориентированность для широких масс слушателей, а также активная популяризация в широком культурном пространстве. В настоящее время развитие китайского эстрадного искусства тесно связано с экономической, политической и другими сферами жизни в стране. Так, в частности, вхождение КНР в ряды Всемирной торговой организации (2001) способствовало признанию и распространению китайской эстрадной музыки в мировом культурном пространстве [2]. Характерно, что международного успеха достигли прежде всего такие китайские певцы, которые в своем творчестве используют преимущественно ведущие иностранные стили и жанры эстрадного искусства, а в первую очередь стили ар-н-би и рок. Так, например, среди успешных исполнителей в стиле ар-н-би следует назвать имена таких художников, как Тао Чжэ, Чжоу Цзе Лунь, Вэнь Лань, Линь Цзюнь Цзе, Ван Ли Хун, Пань Вэй Бо; в стиле рок: Ван Фэн, Сюй Вэй.

Значительную роль в развитии китайской эстрадной музыки начала XXI века продолжает играть культурный обмен с другими странами. Именно благодаря этому межкультурному взаимодействию вокальная эстрада Китая на современном этапе переживает период творческого расцвета. В этом контексте уместно, на наш взгляд, обратиться к утверждению русского культуролога В. Поликарпова, который в своих научных исследованиях приходит к выводу о плотной связи периодов активного развития китайской цивилизации с межкультурным обменом: *«Вместе с тем следует отметить, что китайская культура, при всей ее монолитности и непрерывности развития, включает в себя множество элементов, объяснить наличие которых можно только заимствованиями. В истории Китая наблюдается закономерность: периоды расцвета сопровождались интенсивным обменом с внешним миром, период упадка — отгороженностью от внешнего мира, боязнью культурного обмена»* [6, с. 92].

Уже в начале XXI в. наиболее распространенными средствами массовой информации и коммуникации в Поднебесной становятся телевидение и сеть Интернет. Именно благодаря их использованию китайские

слушатели могут познакомиться с творческим наследием как отечественных, так и зарубежных исполнителей. На китайском телевидении в этот период появляется значительное количество музыкальных телепрограмм и шоу-проектов, в которых ключевое место отводится пропаганде эстрадно-вокального искусства. Одной из первых среди таких проектов стала телепрограмма «Одна песня», съемки которой стартовали в 2001 году. Главным организатором и режиссером этой программы был Мэн Синь, который впоследствии стал одним из самых успешных телережиссеров в Китае. «Одна песня» очень быстро стала популярной в стране. Одним из важных факторов приобретения указанной программе широкой популярности стало то, что ее музыкальной эмблемой, которая звучала в начале и по окончании каждого выпуска этой телепередачи, был избран известный хит «Одна песня» (музыка Мэн Вэй Дун, слова Чэнь Чжэ), в исполнении певцов Цай Го Цин и Мао А Минь [1].

Сначала ключевая культуротворческая роль данной телепрограммы заключалась в том, чтобы познакомить китайскую аудиторию с эстрадными песнями прошлого века, однако позже ее стал меняться ракурс. Через несколько лет съемки «Одной песни» проходили в разных городах Поднебесной. К участию приглашались исполнители разных поколений, представляли, как прошлое, так и современное китайского эстрадного искусства [4]. Они делились со слушателями интересными и важными событиями из собственного жизненного и творческого пути, пели хиты, а публика имела возможность поближе познакомиться с артистами и оценить их песни. Среди многочисленного количества участников программы следует упомянуть наиболее прославленные имена: Цзян Юй Хен, Су Бин, Ци Цен, Фэй Юй Цин, Хуан Ань, Чэнь Хуэй Сянь, Фэй Сян и многие другие. В исполнении известных певцов звучали популярные песни: «Выпьем за прошлую жизнь» (музыка Чан Хун Цзюань, слова Чэнь Чжу Гуи), «Пойдем с радостью» (музыка Чэнь Чжи Юань, слова Чэнь Цзя Ли), «Волк» (музыка и слова Вэй Ли Ань), «История и время» (музыка и слова Цзян Цзян) и тому подобное.

Заметим, что в китайском музыкознании еще в начале 80-х гг. XX ст. сформировалось обобщающее понятие, которое характеризует эстрадно-вокальную музыку в Поднебесной, — «хуа юй лю син инь юэ» (в дословном переводе — популярная музыка, исполняемая на китайском языке). В конце 80-х годов прошлого века указанное понятие было переведено на английский

язык как *mandarin popular music* (сокращенно: *mandarin-pop* или *mandopop* — мандарин поп). Само понятие *mandopop* считается общепринятым во многих странах для определения современной китайской эстрадно-вокальной музыки. *Mandopop* получил широкую популярность как в Китае, так и за его пределами, в таких странах как Япония, Тайвань, Сингапур и др.

Заметим, что термин «мандарин-поп» пришел на смену понятию «шидайцзюй» (в переводе с китайского — «современная песня», основатель — Ли Цзинь Хуэй), которое существовало в китайском искусствоведении ранее (20-60 гг. XX ст.).

Подобную смену понятий в китайском эстрадно-вокальном искусстве можно объяснить определенными экономическими, политическими и культурными факторами, среди которых прежде всего необходимо назвать «политику реформ и открытости», которая началась в 1978 году под руководством Дэн Сяопина. Так, в сфере внешней политики внедрялась «политика открытых дверей», целью которой было налаживание торгово-экономических отношений КНР со многими странами, что непосредственно влияло на улучшение межкультурного взаимодействия Китая с иностранными государствами (в частности, в музыкальной сфере). Это, в свою очередь, также способствовало распространению китайской эстрадной музыки в международном культурном пространстве, которое и обусловило потребность в создании понятия — мандаринпоп, более понятного для западной публики. Это понятие, в отличие от шидайцзюй, более конкретно указывает именно на китайскую эстрадно-вокальную музыку [5].

В начале XXI века широкое распространение в китайском музыкально-эстрадном искусстве приобретают иностранные стили и направления: поп, джаз, рок, ар н-би, соул и др. Исходя из этого, все большее количество китайских эстрадных певцов применяют в своем творчестве эти стили с соответствующими для них исполнительскими атрибутами, а некоторые (в основном малоизвестные) исполнители нередко стремятся подражать творческую манеру тех или других всемирно известных артистов.

В китайском эстрадно-вокальном искусстве среди многообразия современных исполнительских стилей можно наблюдать формирование определенных межстилевых взаимодействий. Ярким примером подобного взаимодействия может служить так называемый «китайский стиль», возникновение которого подчеркивает авторитетный китайский исследователь Ю Цзин Бо в своей работе «введение в китайскую эстрадную музыку» [7]:

«Стоит отметить, что в начале XXI в. в эстрадно-вокальном искусстве Поднебесной сформировалось понятие «китайский стиль» [7, с. 218].

В основе вышеупомянутого «китайского стиля» («чжун го фэн») заключается миксование китайских и зарубежных музыкальных традиций в жанре эстрадной песни. При этом подобное миксование не является равноценным, о чем собственно указывает само название стиля. Ключевая роль в песнях, написанных в данном стиле, отводится именно китайской музыке. В них преимущественно используется пентатонические Лады, характерна китайская мелодика с присущими для нее изящными ориентальными интонациями и мелизматикой, а также традиционный китайский музыкальный инструментарий (эрху, цинь, пипа и др.).

Влияние зарубежной (прежде всего западной) музыки проявляется в применении иностранных «модных» инструментов (синтезатор, электрогитара и т.п.); элементов эстрадных стилей и направлений (поп, рок, ар-н-би, хип-хоп и др.) с присущими им вокальными манерами и тому подобное.

Характерной особенностью произведений, созданных в «китайском стиле», является использование древнекитайской языка, которая была распространена еще в период правления династии Чжоу (XI — III ст. к н. э.), а также широкое обращение к древней и классической китайской поэзии. Общую характеристику этого стиля метко сформулировал известный китайский искусствовед Лень Лень: *«Китайский стиль» представляет собой сочетание китайской культуры, классической литературы, особенностей композиторского письма с эстрадной музыкой» [4, с. 89].*

Некоторые признаки, характерные для «китайского стиля» можно обнаружить уже в песенном репертуаре многих эстрадных певцов конца XX века. Именно творчество этих исполнителей стала предпосылкой формирования самостоятельного понятия «китайский стиль». Среди таких артистов стоит назвать Хуан Аня с его хитом «Мечты новых мандаринок и бабочек» (на текст стихотворения китайского поэта Ли Бо «Слова на прощание к Ли Юнь»), а также Дэн Ли Цзюнь с песней «На стороне воды» (на слова стихотворения «Камыши» из Книги песен и гимнов — «Шицзин») и тому подобное.

Итак, рассмотрев панораму современной китайской музыкальной эстрады и основные стилевые тенденции ее развития, можно утверждать, что именно «китайский стиль» является одним из ведущих художественных

направлений, представляющей современное эстрадно-вокальное искусство Китая начала третьего тысячелетия.

Таким образом, китайская эстрадно-вокальная музыка в начале XXI века переживает период творческого расцвета, что в значительной степени связано с развитием политической, экономической и других сфер в стране. Важную роль в дальнейшем формировании этого вида искусства занимает культурный диалог с иностранными государствами, что значительно способствовало его международному признанию. Большое влияние на китайскую эстраду оказывает современная зарубежная вокальная музыка. Это проявляется в широком использовании китайскими музыкантами иностранных стилей, вокальных манер и тому подобное. Ведущее значение в популяризации китайской эстрадно-вокальной музыки отводится СМИ, в частности, телевидению, сети интернет и др. На современном этапе эстрадно-вокальное искусство Китая (mandopop) характеризуется стилевым разнообразием, что, в свою очередь, порождает тенденцию к межстилевому взаимодействию. Ярким примером подобного взаимодействия считается «китайский стиль». Китайская вокальная музыка эстрадного направления также значительно обогащается благодаря влиянию народной музыки и др.

Список литературы

1. Би Юй Хун. Китайские классические и романтические элементы в современной эстрадной музыке // Музыкальное время и пространство. — 2012. — № 2. — С. 55-56.
2. Ван Юн Хуэй. «Построение» в традиционной китайской культуре эстрадной музыки (анализ песен Чжоу Цзе Луна в «китайском стиле») // Музыкальные разведки. — 2010. — № 3. — С. 74-76.
4. Ли Ган. История китайской эстрадной музыки. — Шанхай: Шанхайское муз. Искусство. — 2015. — 404 с.
5. Лень Лень. Исследование песен, написанных в «китайском стиле» // Вестник Нанкинского педагогического университета. — 2010. — № 2. — С. 89-92.
6. Поликарпов В.С. Лекции по культурологии. — М.: Гардарика: «Экспертное бюро», 1997. — 260 с.
7. Ю Цзин Бо. Введение в китайскую эстрадную музыку. — Пекин: массовая литература и искусство, 2011. — 256 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Шебалин И.А.

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии
и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Оренбургский государственный
университет»,
Оренбургская область, г. Орск*

Шебалин И.И.

*Орский филиал «Московского финансово-юридического
университета МФЮА»,
Оренбургская область, г. Орск*

Аннотация. В статье раскрывается процесс организации научной деятельности на Урале в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Подчёркивается важная роль таких форм объединения, как региональные комиссии, дома учёных, научные инженерно-технические общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, комиссии, дома учёных, научные инженерно-технические общества.

Keywords: the Great Patriotic War, commissions, houses of scientists, scientific engineering societies.

Чрезвычайная обстановка военного времени потребовала от руководства СССР и всех его республик найти и внедрить новые формы организации научной деятельности, которые позволяли оперативно решать сложные научно-технические проблемы. Эту роль выполняли различные комиссии при Академии наук СССР и республиканских академиях, комитеты и дома учёных при горкомах партии и исполкомах городских советов в крупных городах и другие организации учёных.

Важную роль в мобилизации ресурсов восточных районов страны сыграли образованные при Академии наук *региональные комиссии*, в которых осуществлялось взаимодействие научного потенциала академических учреждений, отраслевых научно-исследовательских институтов и объектов оборонного значения. Успешной работе комиссий способствовали местные партийные и советские органы власти, которые привлекали к решению поставленных задач местные общественные организации и научные кадры. В частности, в августе 1941 г. на базе Уральской комплексной экспедиции АН СССР и Уральского филиала Академии наук (УФАН) в Свердловске (Екатеринбурге) была создана комплексная Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны под председательством президента Академии наук СССР В.Л. Комарова. Она объединяла, «помимо академических учреждений, деятельность около 60 местных и эвакуированных из западных районов научных учреждений различных ведомств и более 600 работников» [1].

К работе по изысканию сырьевых ресурсов комиссией активно привлекались ученые Института геологических наук АН СССР и специалисты Башкирского геологического управления под руководством известного академика А.Н. Заварицкого. Осенью 1941 г. Академия наук организовала и направила в Башкирию специальную нефтяную экспедицию в составе более ста человек, которая проводила геофизические и геологические исследования в Ишимбаевском нефтяном районе. Начальником Башкирской нефтяной экспедиции вначале был назначен О.Ю. Шмидт, затем — А.А. Блохин, а после его смерти — М.И. Варенцов. Общее руководство экспедицией осуществляли президент АН СССР, академик В.Л. Комаров и его заместитель академик Е.А. Чудаков [2].

В середине 1942 г. была создана Комиссия Академии наук по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны под председательством вице-президента АН СССР, академика Е.А. Чудакова. Она развернула масштабные и многоплановые исследования в Башкирии. Комиссия включала восемь секций: нефтяная, энергетическая, минерально-сырьевая, зооветеринарная, химическая, экономическая и водных ресурсов. К её работе привлекалось около ста пятидесяти представителей научно-исследовательских институтов, плановых и хозяйственных организаций [3]. Наркомат нефтяной промышленности оказывал широкое содействие деятельности этой экспедиции, т.к. необходимо было в кратчайшие сроки разработать и вне-

дрить новое Башкирское месторождение нефти, названное «Второе Баку». Приказ Наркома обязывал всех руководителей комбината, нефтетрестов, геологов и специалистов нефтеперерабатывающих заводов принять активное участие в работах Комиссии АН СССР.

В 1941 — 1942 гг. были организованы также специальные комиссии в системе Украинской Академии наук, эвакуированной в годы войны в столицу Башкирии г. Уфу. При Президиуме Академии работала Комиссия по мобилизации ресурсов Башкирии на нужды обороны во главе с вице-президентом А.А. Сапегиним. Академические структуры установили прочные научные связи с 48 наркоматами и другими руководящими органами республики, 107 предприятиями, 19 геологоразведочными организациями, 39 научно-исследовательскими и 69 лечебными учреждениями [4]. Институт ботаники, к примеру, руководил работой селекционной станции Башкирии, работал в контакте с Наркомземом БАССР, Наркомпищепромом, Аптекоуправлением и другие [5].

Для эффективной связи научных учреждений с производством в чрезвычайных условиях войны создавались также *Комитеты и Дома учёных* — централизованные объединения специалистов и учёных различных учреждений и ведомств, имевшие целью координировать научные исследования оборонного значения, содействовать промышленности в работе рационализаторов и изобретателей и освоении военного производства. Ярким примером такой формы работы на Урале являются Магнитогорский Комитет учёных помощи фронту (КУПФ) и Челябинский Дом учёных (ЧДУ).

Магнитогорский КУБФ был образован в декабре 1941 г. по инициативе городского комитета ВКП(б) на совещании учёных и инженерно-технических работников. Первоначальный состав Комитета был избран в количестве 15 человек. В него вошли учёные различных учреждений, работники Магнитогорского металлургического комбината, а также представитель от войсковых частей. Председателем стал главный инженер комбината ГФ Михайлович, заместителями — академик-рентгенолог по металлу Курдюмов и генерал-майор танковых частей Борзиков. Комитет состоял из 6 секций: вооружения, горно-геологической, физико-химической, металлургической, механической и секций изобретательства [6]. В период с декабря 1941 по декабрь 1942 гг. КУПФ курировал все важнейшие научно-исследовательские работы, которые проводились в Магнитогорске. С 1943 г. главное внимание было сосредоточено на оказании помощи про-

мышленным предприятиям в решении самых важных и актуальных проблем производства.

Челябинский Дом учёных (ЧДУ) был создан в марте 1942 года с целью привлечения деятелей науки и техники к решению оборонных задач. Образованному организационному комитету в составе ЧДУ было поручено: разработка положения и содержания работы ДУ, подготовка общего собрания членов для выборов Правления и утверждения Положения. Организационный комитет принял 235 членов, а к июлю 1943 г. их стало уже 327 человек [7]. Перед Домом учёных ставилась задача содействовать учёным во внедрении в производство результатов их НИР, консультировать новаторов и помогать им решать народно-хозяйственные проблемы, вести научную и техническую пропаганду. Аналогичный Дом учёных создавался так же и в г. Кыштыме Челябинской области «в целях целесообразного использования сил коллектива научных работников, занятых разработкой народнохозяйственных проблем, связанных с укреплением боевой мощи Советского Союза и для координирования работ, проводимых на месте, с Домом учёных Челябинска» [8]. В августе 1942 г. было принято решение создать на базе Челябинского ДУ областной Дом учёных.

Наряду с комиссиями, комитетами и домами учёных для расширения связей науки с производством в период войны также широко использовались профессиональные организации научно-технической интеллигенции — *НИТО* (научные инженерно-технические общества). Они должны были на предприятиях мобилизовать широкие массы инженеров, техников и рабочих на решение задач освоения современной техники, технологии, а также на решение проблем технического прогресса в промышленности. Эту работу необходимо было вести совместно с НИИ, вузами и заводскими лабораториями. Для достижения этих целей НИТО организовывали научно-технические конференции, консультации, экспертизы, бригады и комиссии по разработке научно-исследовательских и производственных вопросов. Примерами таких НИТО являлись Башкирское отделение Всесоюзного научно-инженерного технического общества энергетики и связи (БАШНТОЭП) и Уфимское отделение Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева (УО ВХО) [9].

Сложившиеся в годы войны комиссии, комитеты и научные инженерно-технические общества стали наиболее эффективной формой организации научной деятельности в условиях административно-командной

и плановой системы управления. Они позволяли преодолевать управленческий бюрократизм, замкнутость научно-технических комплексов, решая задачи внедрения в производство достигнутых научно-теоретических изысканий в максимально короткий срок.

Источники и литература

1. Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. — М.: Наука. — 1983. — С. 48, 58.
2. Геологи АН СССР в годы Великой Отечественной войны на трудовом фронте (воспоминания геологов — сотрудников АН СССР). — М.: Наука. — 1991. — С. 9.
3. Чудаков Е.А. Мобилизация ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны // Вестник АН СССР. — 1943. — № 7 — 8. — С. 21, 25.
4. Болтушкин В.В. Научные исследования в Башкирии в период Великой Отечественной войны // Во имя победы: из истории БАССР периода Великой Отечественной войны. — Уфа. — 1986. — С. 15.
5. Богомолец А.А. Украинская Академия наук в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН СССР. — 1943. — № 7 — 8. — С. 13.
6. Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 6. Д. 113. ЛЛ. 2 — 3; Ф. 234. Оп. 15. Д. 6. ЛЛ. 168 — 169.
7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 7. Д. 253. Л. 19.
8. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 6. Д. 46. Л. 69.
9. Государственное казённое учреждение Республики Башкортостан Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ГКУ РБ ЦИА РБ). Ф. Р — 4358. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ — ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Янь Сюэвэй

*аспирант (гражданство — КНР (г. Пекин)),
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье проводится анализ роли и значения университета и высшего образования в реализации межкультурных контактов между Россией и Китаем. Раскрываются основные направления и особенности межкультурной коммуникации, которая складывается сегодня между российскими и китайскими студентами. Анализируются основные проблемы, с которыми сталкиваются русские и китайские студенты в процессе обучения в иностранном вузе. Выявляются проблемы и перспективы межкультурных контактов российских и китайских студентов.

Ключевые слова: межкультурные контакты, межкультурные коммуникации, межкультурное взаимодействие, российские студенты, китайские студенты.

Key words: intercultural contacts, intercultural communication, intercultural interaction, Russian students, Chinese students.

Глобализация высшего образования способствовали стремительному росту количества студентов, обучающихся за пределами своих стран. Для получения высшего образования свои страны покидают немало молодых людей. За последние годы количество иностранных студентов в мире значительно увеличилось и продолжает стремительно расти. Студенческая среда превращается в широкое, фактически глобальное пространство непосредственного взаимодействия представителей различных культурных форм и традиций [7].

В рамках настоящего исследования мой интерес сосредоточен преимущественно на межкультурных коммуникациях китайских и российских студентов, а также проблемах, которые возникают в рамках данного процесса и путей их решения.

Важно подчеркнуть, что обмены между Китаем и Россией напрямую влияют на экономическое развитие Китая и России. По мере того как экономическая глобализация продолжает развиваться, дружеские отношения между Китаем и Россией становятся важным козырем для взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов. На основе взаимопонимания культур двух стран Китай и Россия больше способствуют сотрудничеству и развитию в других областях двух сторон. Обучение русскому языку и культуре, основанное на концепции межкультурного общения, является эффективной мерой для развития большого числа российских талантов при одновременном продвижении обменов между Китаем и Россией [3].

Современные китайские и российские университеты сталкиваются со сложными проблемами организации обучения иностранных студентов, которые приехали из разных стран, которые представляют разные, совершенно непохожие зачастую культуры. Почти каждый четвертый студент университета — иностранный гражданин, и поэтому проблема межкультурной коммуникации в учебном процессе, в повседневной жизни этих студентов является острой и актуальной.

Понятие «межкультурная коммуникация» означает прямое и опосредованное общение носителей разных культур в различных сферах общественной жизни и является предметом философских, психологических, культурологических и педагогических исследований, в пределах которых его определяют как взаимодействие культур, осуществляемое в определенном пространстве и времени, где феномен культуры рассматривается как родовое понятие, культурные контакты приобретают различные формы, которые оказываются в столкновении, взаимоотношениях, синтезе и диалоге [1]. Такое понимание межкультурной коммуникации раскрывает механизм функционирования культуры, где культура является системой и способом коммуникации, опосредованной деятельностью субъекта.

Межкультурная коммуникация в российских и китайских университетах осуществляется через: непосредственный контакт представителей российской и китайской культур; их опосредованную коммуникацию (например, через переводчика или с помощью таких технических средств коммуникации, как телефон, компьютер); через тексты на различных носителях (бумажных, электронных, аудио — и видеоустройствах), благодаря которым русские и китайские студенты изучают особенности культуры, в которой обучаются [4].

Расширению межкультурных коммуникаций между российскими и китайскими студентами способствует интернационализация высшего образования в обеих странах, особенно активизация академических обменов. Интернационализация высшего образования имеет особое значение для России и Китая. Современный университет занимает особое место в пространстве межкультурной коммуникации благодаря его способности влиять на культурную грамотность индивидов. Сейчас получило распространение понимание грамотности в ее широком социальном контексте. Понятие культурной грамотности становится чрезвычайно актуальным в научно-образовательной среде [2]. Ученые, педагоги, общественные деятели указывают на низкий уровень общей культуры современника, пытаясь найти способы решения этой проблемы.

Не подвергая сомнению значимость межкультурной коммуникативной компетенции студентов и преподавателей, сосредоточим внимание на других проблемах, которые стоят перед современным университетом, который стремится функционировать и развиваться в пространстве межкультурной коммуникации в условиях, когда коммуникативные отношения в университетской среде переходят в новое качество — в инфо-коммуникационный онлайн, а привлечение иностранных студентов как в традиционных, так и электронных форм обучения свидетельствует о конкурентоспособности университета [5].

Межкультурность социальных коммуникаций, в том числе образовательных, требует также толерантности, которая выступает средством обеспечения эффективной межкультурной коммуникации. Степень развития толерантности в университетской среде, мотивация к толерантного социального поведения участников университетского образования, препятствия на этом пути, характеризующие университет в пространстве межкультурной коммуникации.

Препятствием на пути к построению толерантного образовательного пространства в России и Китае в современных условиях может стать неразвитость социального диалога, напряженность в отношениях между университетом и ключевыми игроками в экономической, культурной и политической жизни современного общества.

Исследование показало, что некоторые китайские студенты в России сталкиваются с трудностями на ранних этапах учебы. С одной стороны, в классе большинство иностранных студентов, которые впервые приеха-

ли в Россию, часто не понимают полностью преподавание на русском языке, а языковая адаптация требует времени для оттачивания, но поскольку более половины являются выходцами из государства или школы, 54,55% иностранных студентов считают, что пройденное обучение в течение определенного периода времени может адаптироваться к общероссийскому преподаванию в России, и только 5,45% студентов считают, что это очень сложно. С другой стороны, российская система обучения и методы обучения сильно отличаются от китайских. Российская модель обучения относительно гибка. Учителя и ученики разговаривают, обсуждают и обмениваются мнениями в классе, а русские классы более активны [2]. В ходе опроса установлено, что методы обучения китайских иностранных студентов хорошо адаптированы: 62,73% иностранных студентов относительно адаптированы к методам обучения своих школ. Большинство иностранных студентов заявили, что российские учителя и студенты имеют среднее отношение и оценки к китайским студентам, но редко сталкиваются с несправедливым обращением. Кроме того, исследования на местах показали, что при обучении за границей все еще существуют скрытые угрозы безопасности [1]. Из-за культурных различий между Китаем и Россией в сочетании с тем фактом, что большинство иностранных студентов находятся в хорошем возрасте и имеют недостаточный жизненный опыт. и опыта, они недостаточно осведомлены о российских национальных условиях и этнических привычках. При столкновении с проблемами легко неправильно понять, а также они сталкиваются с такими проблемами безопасности, как медицина и здоровье, дорожное движение и чрезвычайные ситуации.

Университетское образование в движении к толерантности осваивает новые принципы социального взаимодействия, когда студентам предоставляется право участвовать в решении тех вопросов университетской жизни, которые касаются их прав и обязанностей. Трудно переоценить роль в этом контексте студенческого самоуправления [2]. Университетское образование считается важным элементом и ресурсом информационного общества, оно формирует не только личность будущего специалиста, но и способного к межкультурным взаимодействиям толерантного гражданина. Студенческое самоуправление может выступить как социальная технология, призванная сформировать именно такую толерантную личность.

На наш взгляд, следует различать два аспекта роли университета в направлении повышения толерантности как характеристики и фактора успеш-

ной межкультурной коммуникации: один связан с толерантными практиками в самой университетской среде, второй — в обществе в целом. То есть можно говорить о бытии иностранных и отечественных студентов в рамках университета сквозь призму соотношения «толерантность-интолерантность», а также о возможности реального влияния института университетского образования на состояние толерантных отношений за пределами университета как учреждения через научную, просветительскую и PR-деятельность [6]. Сейчас повышаются потребности университета в учебных программах, внеучебных акциях, которые способствуют повышению толерантности в обществе через активизацию межкультурных коммуникаций и готовность к использованию их современных форм и видов.

Межэтническая коммуникация в университете может быть охарактеризована благодаря анализу причин, по которым китайские студенты обращаются к русским студентам за советом или реальной помощью. Список проблем, для решения которых китайские студенты обращаются за помощью к своим коллегам — русским, «возглавляют» вопросы, связанные непосредственно с учебным процессом: трудности с речью, пониманием учебных задач, с их выполнением. Значительно реже предметом обсуждения являются личные проблемы, а также вопросы, связанные с организацией повседневной жизнедеятельности в новых социокультурных условиях. В «пятерку» насущных проблем вошли (хотя и со значительным «отставанием») трудности с ориентацией в городе, личные и бытовые проблемы [4].

Таким образом, сегодня мы живем в условиях глобализованного мира, усиления межкультурного взаимодействия и межнациональных контактов. Студенческая среда — это одна из наиболее интенсивных зон таких контактов, поскольку именно в университете встречаются представители самых разных этнических групп, вступают в контакт различные системы мировосприятия и миропонимания. Именно в результате этих контактов у многих студентов закрепляются стереотипы межэтнического восприятия и поведения, поэтому в целом студенческий возраст является решающим периодом формирования этнической и межкультурной самосознания. Включение студентов в зону позитивного межнационального общения и отношений, которые строятся на принципах толерантности и морально-ответственной зависимости способствуют формированию культуры межличностного общения, расширению перспектив межкультурного диалога.

Список литературы

1. Тянь Лина, Чжан Хунли. Университет Ланьчжоу «Исследование и анализ статус-кво межкультурной адаптации китайских студентов в России» [Дж.]. Сибирские исследования, октябрь 2015 г.
2. Ли Пин. «Статус-кво межкультурной адаптации иностранных студентов и стратегий управления» [Дж.]. Zhejiang Social Sciences, май 2009.
3. Лю Сяолин. Женский колледж Шаньдун «Взгляды на сотрудничество Китая в сфере высшего образования в контексте «одного пояса и одного пути»» [Дж.]. «Скорочтение (первые десять дней)», 2017.
4. Чжан Сюэвэнь. «Китайско-российская гуманистическая дипломатия после распада Советского Союза», Университет Хэйлунцзян [D]. 2017.
5. Чжуан Руобин. Международный культурно-образовательный колледж Гуансийского педагогического университета «Вспоминая о статусе межкультурной адаптации китайских студентов за рубежом» [Дж.]. Высшее образование в Интернете, 2014.
6. Чжан Фэнтянь, Исследование межкультурной адаптации иностранных студентов из Центральной Азии в Китай, проведенное Синьцзянским педагогическим университетом [D], 2012 г.
7. Чжан Лэйшэн. «Межкультурная адаптация китайских студентов», Университет Йонсей, Южная Корея [Дж.]. Шэньчжоу Сюэрен, 2014, № 1, 2014.

Научное издание

**РОССИЯ, ЕВРОПА И АЗИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Сборник материалов международной конференции
(23 апреля 2021 г., Орск)

Печатается в авторской редакции и коррекции

Технический редактор *Лина Мовсесян*
Компьютерная верстка: *Сергей Чальый*

Издательство «Знание-М»

Подписано в печать 31.05.2021. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Печать цифровая.
Усл. печ. л. — 8,84. Заказ № 4976. Тираж 30 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета в издательско-полиграфическом комплексе
Северо-Кавказского федерального университета
355038, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2

Издано в научных и учебных целях.
Коммерческое использование не предусмотрено.